Ч 68/517

P
57918

2007097267

68
И 517

Приложенія къ докладу № 43.—1901 года.
Московской Уѣздной Земской Упр.
Земскому Собранію

ПОГАШЕНО
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
69094-46

№ 1.

По поводу перваго пункта программы съѣзда учителей и учительницъ Московскаго Уѣзда, въ августѣ мѣсяцѣ 1901 года.

Докладъ Я. Е. Жукова.

Въ послѣдній разъ учительскій съѣздъ въ Московскомъ уѣздѣ былъ въ 1884 году, т. е. ровно 17 лѣтъ тому назадъ. Съ 1884 года до настоящаго времени, какъ извѣстно, съѣзды разрѣшаемы не были. Идея съѣздовъ какъ бы затерялась, и самые съѣзды нерѣдко смѣшиваютъ съ другимъ видомъ учительскихъ собраній—учительскими курсами. Между тѣмъ, между ними значительная разница, которую, по моему мнѣнію, необходимо выяснить теперь же.

Учительскій съѣздъ, въ отличіе отъ педагогическихъ курсовъ, есть совмѣстное и равноправное обсужденіе всѣхъ условій школьной жизни. Въ то время какъ педагогическіе курсы представляютъ собою учительское собраніе, организованное въ формѣ временнаго учебнаго заведенія для обученія и усовершенствованія учителей въ теоріи и практикѣ учительскаго дѣла,—учительскій съѣздъ представляетъ собою такое собраніе, члены котораго, учителя и учительницы, самостоятельно обсуждаютъ различные вопросы школьнаго дѣла, выясняютъ нужды и потребности этого дѣла, постановляютъ, въ формѣ резюме предсѣдателя съѣзда, по этимъ вопросамъ свои заключенія или рѣшенія. Курсы—это школа, въ которой преподаватели снова садятся за скамью и слушаютъ учителя, руководящаго ими; на съѣздѣ же участники его, посредствомъ свободнаго обмѣна мыслей о своемъ дѣлѣ, о нуждахъ школы, о нуждахъ ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей, о вопросахъ, предъявляемыхъ населеніемъ къ школѣ и проч., приходятъ къ извѣстному заключенію, которое неизбѣжно будитъ сознаніе ихъ, наводитъ на соображенія, часто весьма важныя въ жизни преподавателя и возбуждаетъ ихъ энергію и дѣятельность. Отсюда видно, что роль участника на

съѣздѣ болѣе активна, чѣмъ на педагогическихъ курсахъ, программа съѣзда шире и разнообразнѣе. Чисто учебная, т. е. методическая часть не можетъ и не должна преобладать на съѣздѣ. Бо́льшую долю вниманія съѣзда должна занять хозяйственная сторона школы, мѣстныя условія, въ которыхъ она находится, и нѣкоторыя вспомогательныя средства, которыя могли бы улучшить и упрочить ея существованіе и вліяніе въ мѣстномъ населеніи. Такимъ образомъ, значеніе учительскихъ съѣздовъ можетъ быть гораздо болѣе плодотворнымъ, нежели значеніе педагогическихъ курсовъ.

Въ устройствѣ періодическихъ учительскихъ съѣздовъ М. У. Земство видитъ, съ одной стороны—одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ самообразованію и умственно-нравственному совершенствованію преподавательскаго персонала, съ другой—надѣется, что съѣзды помогутъ раскрыть истинное положеніе и нужды земской школы, помогутъ выяснить и вѣрнѣйшій путь къ удовлетворенію этихъ нуждъ и потребностей (Докладъ Управы 1900 г. № 34). Участники съѣзда, учителя и учительницы, сознавая всю важность и серьезность возлагаемой на съѣздъ задачи, безъ сомнѣнія, отнесутся къ работамъ съѣзда съ полнымъ вниманіемъ и серьезностію, приложатъ все свое стараніе къ тому, чтобы съѣздъ имѣлъ наибольшій практическій результатъ. Съ своей стороны, участники съѣзда вполнѣ увѣрены въ томъ, что къ нимъ отнесутся съ полнымъ довѣріемъ, что заявленія ихъ будутъ встрѣчены съ полною терпимостію и вниманіемъ, что имъ будетъ дана полнѣйшая возможность высказаться совершенно свободно, безъ боязни за свое существованіе, по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію съѣзда. Съ другой стороны, они надѣются, что работы съѣзда и заключенія его будутъ приняты въ соображеніе учрежденіями, въ вѣдѣніи которыхъ находятся школы. Сознаніе, что, быть-можетъ, ихъ взгляды и пожеланія не останутся не удовлетворенными, и что во всякомъ случаѣ солидарность воззрѣній по тому или иному вопросу проявитъ себя въ общемъ направленіи дѣла, поскольку постановка его зависитъ отъ самихъ преподавателей,—возбудитъ энергію въ участникахъ, воодушевитъ ихъ и повыситъ ихъ преподавательскую дѣятельность. Безъ всѣхъ этихъ условій съѣздъ выйдетъ безжизненнымъ и формальнымъ, лишеннымъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ и трудно будетъ ожидать отъ него той жизненности, которая является важнымъ залогомъ его успѣха и продуктивности.

Наконецъ, есть и еще условіе, безъ котораго съѣзды не только не принесутъ ожидаемыхъ результатовъ, но могутъ пройти совершенно

безслѣдно. Условіе это—предварительная подготовка къ съѣзду. Первый пунктъ программы—„сдѣлать обзоръ пройденнаго за истекшій учеб. годъ и выяснить условія, въ которыхъ находится то или другое училище“—является въ данномъ случаѣ прекраснымъ побудительнымъ стимуломъ къ подготовкѣ. Дѣлая обзоръ пройденнаго, преподаватель мысленно обозрѣваетъ весь пройденный имъ съ учениками путь, критически отнесется ко всему, что имъ сдѣлано въ учебномъ отношеніи, замѣтитъ и оправдаетъ всѣ отступленія отъ правительственной программы, критически отнесется къ учебному матеріалу, который имъ былъ предложенъ учащимся и проч. Въ концѣ-концовъ, у него неминуемо возникнетъ цѣлый рядъ животрепещущихъ вопросовъ, надъ которыми онъ подумаетъ, по поводу ихъ почитаетъ, соберетъ необходимый матеріалъ, и явится на съѣздъ побесѣдовать и обмѣняться мыслями съ товарищами по поводу наболѣвшихъ и интересующихъ его вопросовъ вполнѣ подготовленнымъ. Прочитанный учителемъ В. А. Голубевымъ обзоръ по ввѣренному ему училищу является прекраснымъ подтвержденіемъ тому что мною сказано о значеніи обзоровъ пройденнаго. Отчетъ г. Голубева затрагиваетъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ и жизненныхъ вопросовъ школы, которые послужатъ матеріаломъ для дальнѣйшаго обсужденія съѣзда. Кромѣ того, правдивые и подробные отчеты объ училищахъ имѣютъ весьма серьезное значеніе и съ другой стороны: они помогутъ выяснить истинное положеніе школы, выяснить тѣ подчасъ тяжелыя условія, при которыхъ школѣ и ея учителю приходится выполнять свою просвѣтительную миссію.

На бывшихъ учительскихъ съѣздахъ обзоры составлялись по особой, детальной, выработанной самими участниками съѣзда, программѣ. Программа эта представляла рядъ вопросовъ, охватывающихъ собою всю какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю жизнь школы. Не стѣсняя ничуть индивидуальности преподавателей, давая имъ полнѣйшую возможность касаться всего, что ихъ больше интересуетъ, она въ то же время облегчала ихъ трудъ по составленію обзоровъ, самые обзоры являлись составленными по извѣстному, вполнѣ опредѣленному плану. Это, въ свою очередь, давало возможность группировать, приводить въ систему дѣлать выводы, словомъ разработывать матеріалъ обзоровъ. Разработка матеріала была проручаема особой, избранной съѣздомъ, коммиссіи. Въ результатѣ разработки явился цѣлый рядъ весьма обстоятельныхъ докладовъ, которые не потеряли значенія и читаются съ большимъ интересомъ и въ настоящее время.—Я полагаю, что настоящему съѣзду слѣдовало бы прибѣгнуть къ этому испытанному и оказавшемуся вполнѣ цѣлесообразнымъ средству, т. е. выработать рядъ вопросовъ для руко-

водства при составленіи обзоровъ и просить позволенія избрать коммиссію изъ участниковъ съѣзда, учителей и учительницъ, для дальнѣйшей разработки этихъ обзоровъ. Кромѣ того при дальнѣйшихъ работахъ съѣзда, несомнѣнно, возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые потребуютъ спеціальной подготовительной разработки въ менѣе многолюдномъ собраніи, чѣмъ настоящее, каковы программы дополнительныхъ свѣдѣній, о грамматикѣ и т. п.,—всѣ такіе вопросы можно было бы передавать для предварительной разработки въ эту комиссію. Движимый желаніемъ облегчить задачу съѣзда при разработкѣ программы для составленія обзоровъ, я предлагаю вниманію съѣзда списокъ вопросовъ, касательно—какъ постановки обученія, такъ и внѣшнихъ условій школы.

Обозрѣвая программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, нельзя не обратить вниманія на то, что между ними есть такіе, какъ напр., вопр. 12-й, вопросъ о пѣніи и проч., которые для полнаго и всесторонняго выясненія требуютъ въ значительной мѣрѣ спеціальныхъ знаній. Поэтому, весьма было бы желательно, чтобы къ работамъ нашего съѣзда были приглашаемы, по мѣрѣ надобности, спеціалисты по тому или другому вопросу. Это внесло бы въ работы съѣзда болѣе продуманности, избавило бы отъ могущихъ быть поспѣшныхъ заключеній.

Программа вопросовъ для обзора пройденнаго учебнаго матеріала.

Младшее отдѣленіе.

Чтеніе русское. 1) Велись ли до обученія грамотѣ предварительныя наглядныя бесѣды? Если не велись, то почему? Если велись, то какихъ предметовъ касались на этихъ бесѣдахъ—тѣхъ ли только, которые находятся въ классѣ, или вообще предметовъ, окружающихъ ребенка въ школѣ и дома? Что имѣлось въ виду достигнуть при помощи наглядныхъ бесѣдъ и что достигнуто?

2) Обученіе чтенію и письму велось совмѣстно или раздѣльно, т.-е. данная буква изучалась одновременно печатно и письменно, или же печатно изучалась одна буква, наприм. *к*, а письменно—другая, наприм. *и*? Почему былъ избранъ тотъ, а не другой методъ обученія грамотѣ?

3) Съ чего начинается обученіе грамотѣ? Предпосылались ли изученію буквъ звуковыя упражненія? Въ чемъ состояли эти упражненія?

4) Въ чемъ состояли занятія при прохожденіи печатной и письменной азбуки? Когда преподаватель считаетъ возможнымъ приступить къ упражненію дѣтей въ чтеніи по букварю? Какой пріемъ практиковался при чтеніи словъ: читали ли слова по слогамъ, или же при чтеніи дѣти тянули слово, произнося звуки одинъ за другимъ? Какими соображеніями оправдываетъ преподающій тотъ или другой порядокъ? Не практиковалось ли хоровое чтеніе, если не практиковалось, то почему, а если практиковалось, то какіе получились отъ него результаты (положительные или отрицательные).

5) Не встрѣчалось ли затрудненій при прохожденіи мягкихъ гласныхъ (*я, ю, и, е, ё*), согласныхъ однородныхъ (*б—п, д—т, з—с*) и т. п., полугласнаго звука *й*; буквъ *Ъ* и *Ь*? Не встрѣчалось ли затрудненій при чтеніи словъ многосложныхъ, словъ со многими согласными при одномъ гласномъ и проч.? Какъ справлялся преподаватель со всѣми этими и другими трудностями?

6) Какія самостоятельныя работы давались ученикамъ во время прохожденія азбуки?

7) Какъ справляется преподаватель съ затрудненіями, проистекающими отъ разновременнаго поступленія дѣтей въ школу и при манкировкахъ учащихся?

8) Въ какой срокъ времени прошли ученики азбуку? Не вынужденъ ли былъ преподающій пройти азбуку скорѣе, чѣмъ это слѣдовало бы по его личнымъ соображеніямъ? Какими причинами это было вызвано?

9) По какому букварю производилось обученіе грамотѣ? Какія отступленія дѣлалъ преподающій отъ принятаго букваря и чѣмъ это вызывалось?

10) Какую классную книгу читали послѣ азбуки? Не дополнялась ли эта книга чтеніемъ статей изъ другихъ книгъ, какихъ именно книгъ? Чѣмъ вызывалась необходимость въ такомъ дополненіи?

11) Какія цѣли преслѣдовались при чтеніи въ этомъ отдѣленіи? Не находилъ ли преподаватель себя вынужденнымъ больше обращать вниманія на бѣглость чтенія, нежели на его сознательность? Чѣмъ это вызывалось?

12) Какіе пріемы употреблялись къ развитію въ дѣтяхъ бѣглости чтенія? Какія цѣли преслѣдовались при заучиваніи стиховъ и басенъ наизусть? Былъ ли пересказъ прочтенныхъ статей и какъ онъ велся?

13) Сколько учениковъ осталось на повторительный курсъ по чтенію? Были ли ученики, совсѣмъ не научившіеся читать? Сколько такихъ?

Славянское чтеніе. 1) Когда приступлено было къ знакомству учащихся съ церковно-славянской азбукой?

2) Что читали дѣти на урокахъ церковно-слав. чтенія?

3) Находитъ ли преподаватель возможнымъ съ первой же ступени обученія цер.-слав. чтенію достигать разумѣнія дѣтьми читаемаго и не считаетъ ли онъ достаточнымъ на первыхъ порахъ ограничиться упражненіями въ механическомъ чтеніи текста безъ объясненія содержанія?

Чистописаніе. 1) Въ чемъ состояли подготовительныя графическія (для развитія кисти и пальцевъ руки) упражненія? Когда начали ученики писать перомъ? Не замѣчается ли вредныхъ послѣдствій отъ продолжительныхъ упражненій въ письмѣ на грифельной доскѣ?

2) Упражняются ли ученики въ чистописаніи отдѣльно отъ другихъ письменныхъ упражненій и въ чемъ состоятъ занятія чистописаніемъ въ этой группѣ? Входитъ ли чистописаніе въ число уроковъ съ учителемъ?

3) Не практиковалось ли обученіе письму подъ тактъ? Какъ велись занятія и какіе отъ этого получились результаты?

4) Списываютъ ли дѣти съ прописей и какъ смотритъ на это занятіе преподаватель?

Правописаніе. 1) Какія правила правописанія были сообщены дѣтямъ въ 1-й годъ обученія? Какія упражненія служили средствомъ для укрѣпленія въ дѣтяхъ изученныхъ правилъ (списываніе съ книги, диктовка и проч)? Какъ ведется каждое изъ этихъ упражненій? Какъ провѣряетъ учитель тетради учениковъ? Не помогаютъ ли ему въ этомъ старшіе ученики?

2) Въ чемъ состоятъ логическія и стилистическія упражненія (отвѣты на вопросы, окончаніе неоконченныхъ фразъ и проч.) въ первомъ году обученія? Откуда брался матеріалъ для этихъ упражненій? Указать пріемъ занятій?

3) Были ли учащіеся, оставленные на повторительный курсъ въ младшемъ отдѣленіи по письму? Сколько такихъ учащихся? Сколько изъ нихъ оставлено исключительно за чистописаніе?

Ариѳметика. 1) Начинаются ли занятія ариѳметикой со вновь поступившими дѣтьми одновременно съ обученіемъ чтенію, или же начало этихъ занятій откладывается до того времени, пока дѣти не освоятся въ достаточной мѣрѣ съ азбукой?

2) Въ какомъ объемѣ пройдена ариѳметика въ этомъ отдѣленіи? Считаетъ ли преподаватель этотъ объемъ нормальнымъ? Какія отступленія сдѣланы отъ требованій программы? Чѣмъ вызываются эти отступленія?

3) На что было болѣе обращено вниманія: на вычисленія съ отвлеченными числами и на бѣглый счетъ, или на рѣшеніе задачъ съ условіями?

4) Считаетъ ли преподаватель умѣстнымъ въ первый годъ обученія знакомить дѣтей съ различными косвенными формами, въ которыхъ могутъ быть предложены вопросы на сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе? *) А также считаетъ ли онъ возможнымъ, чтобы дѣтямъ вполнѣ было выясненъ смыслъ выраженій: увеличить и уменьшить число на другое; увеличить и уменьшить число въ нѣсколько разъ; во сколько разъ и на сколько одно число больше или меньше другаго? Считаетъ ли преподающій возможнымъ знакомить дѣтей съ разложеніемъ чиселъ на неравныя части: а) когда одна часть больше или меньше другой на нѣсколько единицъ? б) больше или меньше въ нѣсколько разъ? А также брать нѣсколько равныхъ частей отъ даннаго числа? Считаетъ ли преподающій возможнымъ знакомить дѣтей съ долями единицы? Съ какими именно долями?

5) Слѣдуетъ ли преподающій какому-либо изъ существующихъ въ нашей литературѣ руководствъ для начальнаго преподаванія ариѳметики? Вполнѣ ли онъ придерживается системы и послѣдовательности въ преподаваніи, изложенныхъ въ избранномъ имъ руководствѣ, или дѣлаетъ отступленія и какія именно?

6) Какимъ задачникомъ преподающій пользчется при преподаваніи ариѳметики? Достаточенъ ли запасъ упражненій каждаго рода въ при-

---

*) Изъ какого числа нужно вычесть 5, чтобы получить 9? Какое число нужно прибавить къ 9, чтобы получить 14? Въ какомъ числѣ 3 содержится 6 разъ? Число 3 составляетъ шестую часть какого числа? Какую часть 18 составляетъ число 6? На какое число нужно умножить 6, чтобы получить 18? Какое число содержится 3 раза въ 18? Какое число нужно умножить на 6, чтобы получить 18?

нятомъ задачникѣ? Всѣ ли задачи съ условіемъ, назначенныя для младшаго отдѣленія, были рѣшены? Если не всѣ, то почему? Не рѣшались ли задачи изъ другихъ задачниковъ, изъ какихъ именно и какія задачи? Какихъ типовъ задачи, по мнѣнію учащаго, болѣе соотвѣтствуютъ цѣлямъ обученія младшаго отдѣленія.

7) Дается ли какой-либо ариѳметическій сборникъ упражненій дѣтямъ на руки? Какой именно? Считаетъ ли преподающій полезнымъ давать задачники въ руки учениковъ и въ какомъ отношеніи?

8) Какія упражненія предлагались дѣтямъ для самостоятельнаго исполненія въ классѣ? Съ какого времени начинаются эти упражненія? Какъ и когда провѣряются учителемъ?

9) Существуютъ ли внѣклассныя упражненія по ариѳметикѣ? Въ чемъ они состоятъ и такъ провѣряются учителемъ? Оказываютъ ли они существенное вліяніе на успѣхи дѣтей? Признаетъ ли преподающій возможнымъ обойтись безъ внѣклассныхъ упражненій?

10) Сколько учениковъ осталось на повторительный курсъ по ариѳметикѣ? Въ чемъ больше всего затруднялись дѣти?

Школьные порядки. Сколько времени продолжается пріемъ дѣтей въ школу? Сколько въ теченіе года выбыло учениковъ изъ младшаго отдѣленія (причины выбытія)? Одинаковое ли число часовъ въ день съ другими отдѣленіями занимаются въ классѣ ученики младшаго отдѣленія? Не помогаютъ ли преподающему старшіе ученики въ занятіяхъ съ учениками младшаго отдѣленія и въ чемъ выражается эта помощь?

Среднее отдѣленіе.

Чтеніе русское. 1) Какая классная книга для чтенія употреблялась въ среднемъ отдѣленіи? Какія цѣли главнымъ образомъ преслѣдовались при чтеніи въ этомъ отдѣленіи? Если классному чтенію предпосылалась бесѣда, то въ какихъ случаяхъ? Въ чемъ состояла эта бесѣда? Не читались ли статьи изъ другихъ хрестоматій? Какія именно статьи? Чѣмъ вызывалась необходимость въ чтеніи дополнительныхъ статей? Въ чемъ больше упражнялись ученики: въ пересказѣ по вопросамъ учителя? Въ связномъ и полномъ пересказѣ безъ помощи вопросовъ? Въ краткомъ изложеніи главнаго содержанія статьи и проч.? Упражнялись ли ученики въ самостоятельномъ чтеніи изъ классной книги? Какія задачи давались ученикамъ при задаваніи статьи для само-

стоятельнаго чтенія? Какъ контролировались ученики? Назвать нѣсколько статей, служившихъ для самостоятельнаго чтенія?

2) Существуютъ ли внѣклассныя упражненія по чтенію? Въ чемъ они состоятъ, чѣмъ вызываются и какъ провѣряются предподавателемъ?

3) Какія свѣдѣнія въ связи съ чтеніемъ учитель находитъ возможнымъ и полезнымъ сообщать ученикамъ въ этомъ отдѣленіи? Какими наглядными пособіями пользовался учитель при чтеніи?

4) Сколько учениковъ осталось на повторительный курсъ по чтенію?

Чтеніе славянское. Что читали дѣти на урокахъ церковно-славянскаго чтенія? Чего требуетъ преподающій отъ учениковъ—возможно близкаго къ подлиннику перевода, или же свободной передачи смысла прочитаннаго? Задаются ли уроки на домъ? Для разучиванія на дому давался незнакомый текстъ, или то, что разобрано въ классѣ?

Чистописаніе. 1) Упражнялись ли ученики въ чистописаніи отдѣльно отъ другихъ письменныхъ упражненій и сколько уроковъ въ недѣлю назначалось на чистописаніе въ этомъ отдѣленіи? Входитъ ли чистописаніе въ число занятій съ учителемъ? Въ чемъ состояли занятія чистописаніемъ въ этой группѣ?

2) Были ли попытки примѣнить въ школѣ обученіе письму подъ тактъ? Какъ велись занятія и какіе отъ этого получились результаты?

3) Списываютъ ли дѣти съ прописей и какъ смотритъ на это занятіе преподаватель?

Грамматика и правописаніе. 1) Въ какомъ объемѣ собщены дѣтямъ грамматическія свѣдѣнія и правила правописанія въ среднемъ отдѣленіи? Считаетъ ли преподаватель этотъ объемъ нормальнымъ? Считаетъ ли учитель возможнымъ выполнить програмныя требованія по грамматикѣ и правописанію во второй годъ обученія? Какія стороны желательно увеличить? Какія сократить? Что особенно затрудняетъ дѣтей въ обученіи грамматикѣ и правописанію?

2) Въ чемъ состоятъ логическія и стилистическія упражненія во 2-й годъ обученія въ связи съ прочитанными въ классѣ статьями (назвать формы этихъ упражненій, перечислить статьи, служившія предметомъ для изложенія?)

3) Сколько учениковъ оставлено на повторительный курсъ за неудовлетворительные успѣхи по правописанію?

Ариѳметика. Въ какомъ объемѣ пройдена ариѳметика въ этомъ отдѣленіи? Считаетъ ли преподающій этотъ объемъ нормальнымъ? На что главнымъ образомъ обращалось вниманіе: на вычисленія съ отвлеченными числами, или на рѣшеніе задачъ съ условіемъ? Чѣмъ руководится преподаватель при выборѣ задачъ съ условіями? Въ какой послѣдовательности ихъ предлагаетъ? Какому счету, письменному или устному, преподаватель отдаетъ предпочтеніе въ этомъ отдѣленіи? Какому руководству слѣдуетъ преподаватель въ преподаваніи ариѳметики? Какія дѣлаетъ отступленія отъ него, чѣмъ обусловливаются эти отступленія? Не обращается ли бо̀льшее вниманіе на изученіе знаменательныхъ чиселъ? Вводятся ли въ упражненія по ариѳметикѣ дробныя числа? Въ какомъ размѣрѣ дѣти знакомятся съ дробями? Какого рода упражненія имъ предлагаются?

Какимъ задачникомъ преподаватель пользовался при преподаваніи ариѳметики? Всѣ ли задачи съ условіями были рѣшены? Если не всѣ, то почему? Не рѣшались ли задачи изъ другихъ задачниковъ, изъ какихъ именно и какія задачи? Дается ли какой-либо сборникъ упражненій дѣтямъ на руки? Какой именно? Въ какомъ отношеніи? Считаетъ ли преподающій полезнымъ давать задачники въ руки учениковъ?

Сколько учебныхъ часовъ въ недѣлю назначалось на занятія ихъ ариѳметикой? Какъ распредѣлялось это время между занятіями подъ руководствомъ учителя и самостоятельными упражненіями учениковъ? Какія упражненія предлагались дѣтямъ для самостоятельнаго исполненія въ классѣ? Какъ и когда провѣрялись преподавателемъ?

Существуютъ ли внѣклассныя упражненія по ариѳметикѣ? Въ чемъ они состоятъ и какъ провѣряются? Сколько учениковъ осталось на повторительный курсъ по ариѳметикѣ?

Не было ли случаевъ обратнаго перевода учениковъ изъ средняго отдѣленія въ младшее? Сколько такихъ случаевъ? Причины обратныхъ переводовъ? Сколько выбыло въ теченіе года учениковъ изъ средняго отдѣленія? (причины выбытія).

Старшее отдѣленіе.

Чтеніе русское. Какая книга для класснаго чтенія употреблялась въ этомъ отдѣленіи? Не читались ли другія книги, какія именно? Чѣмъ вызывалась необходимость въ чтеніи дополнительныхъ статей?

Какія задачи главнымъ образомъ преслѣдовались при чтеніи въ этомъ отдѣленіи? Если классному чтенію предпосылалась бесѣда, то въ какихъ случаяхъ? Въ чемъ состояла эта бесѣда? Въ чемъ больше упражнялись ученики: въ пересказѣ по вопросамъ учителя? Въ связномъ и полномъ пересказѣ безъ помощи вопросовъ? Въ краткомъ изложеніи главнаго содержанія статьи? Упражнялись ли ученики въ самостоятельномъ чтеніи статей изъ классной книги въ классѣ и дома? Какія задачи даетъ учитель ученикамъ, предлагая статьи для самостоятельнаго чтенія? Какъ контролируетъ учениковъ? Назвать, для примѣра, нѣсколько статей, предлагавшихся для самостоятельнаго чтенія.

Какія естественно-историческія, а равно и статьи, объясняющія явленія природы, статьи географическія, по русской исторіи прочитаны учениками въ классѣ? Что считаетъ учитель возможнымъ и полезнымъ сообщить изъ перечисленныхъ областей знаній въ третій годъ обученія? Помимо чтенія статей изъ классной книги не сообщаетъ ли учитель какихъ-либо свѣдѣній, что именно сообщаетъ и какъ онъ это дѣлаетъ? Какими наглядными пособіями пользовался учитель при чтеніи? Находитъ ли учитель возможнымъ предъявлять какія-либо требованія на выпускномъ экзаменѣ по міровѣдѣнію? Если находитъ возможнымъ, то что именно можетъ быть требуемо изъ каждой области? Что считаетъ учитель конечною цѣлью обученія чтенію въ народной школѣ?

Славянское чтеніе. Что читаютъ дѣти на урокахъ церковно-славянскаго чтенія въ 3-й годъ обученія? Чего требуетъ учитель отъ учениковъ: возможно близкаго къ подлиннику перевода, или свободной передачи смысла читаемаго? Знакомятся ли дѣти съ общеупотребительными формами славянскаго языка, каковы: дательный самостоятельный, двойственное число и проч.? Упражняются ли ученики въ письменномъ изложеніи и переводѣ славянскаго текста? Даетъ ли учитель статьи для самостоятельнаго чтенія въ классѣ и дома? Назвать нѣсколько такихъ статей. Какія требованія, по мнѣнію учителя, могли быть предъявлены по славянскому чтенію на выпускномъ экзаменѣ? Какое примѣненіе въ жизни находитъ себѣ умѣнье читать по-славянски?

Чистописаніе. Упражняются ли ученики въ чистописаніи отдѣльно отъ другихъ письменныхъ упражненій, и сколько уроковъ въ недѣлю назначается на чистописаніе въ этомъ отдѣленіи? Входитъ ли чистописаніе въ число занятій съ учителемъ? Въ чемъ состоятъ занятія чистописаніемъ въ этой группѣ? Были ли попытки примѣнить обученіе

письму подъ тактъ? Какъ онъ велъ занятія и какіе отъ этого получились результаты?

Списываютъ ли дѣти съ прописей, и какъ смотритъ на это занятіе учитель? Легко ли довести дѣтей до умѣнія писать на выпускномъ экзаменѣ безъ линеекъ? Какія требованія на экзаменѣ по отношенію къ письму считаетъ учитель выполнимыми?

Грамматика и правописаніе. Въ какомъ объемѣ проходится грамматика? Считаетъ ли учитель этотъ объемъ нормальнымъ? Считаетъ ли учитель програмныя требованія по грамматикѣ вполнѣ соотвѣтствующими цѣлямъ народнаго училища? Какіе отдѣлы курса желательно увеличить? Какіе сократить? Что особенно затрудняетъ дѣтей въ обученіи грамматикѣ и правописанію? Какія требованія по грамматикѣ считаетъ учитель возможными предложить ученикамъ на выпускномъ экзаменѣ? Чего можно и чего нельзя требовать, по мнѣнію учителя, на выпускномъ экзаменѣ въ отношеніи правописанія буквъ и употребленія знаковъ препинанія? Считалъ ли бы учитель нужнымъ сообщить ученикамъ грамматическія свѣдѣнія, если бы можно было безъ нихъ научить правописанію? Какъ долго удерживаются у окончившихъ курсъ навыки правописанія?

Въ чемъ состоятъ логическія и стилистическія упражненія въ 3-й годъ обученія въ связи съ прочитанными въ классѣ статьями? Назвать формы этихъ упражненій, перечислить статьи, служившія предметомъ для упражненія, указать пріемы занятій. Существуютъ ли упражненія не въ связи съ прочитанными въ классѣ статьями (составленіе писемъ, росписокъ, описаніе событій и проч.)? Перечислить темы. Находитъ ли учитель возможнымъ, чтобы на выпускномъ экзаменѣ вмѣсто диктовки было предложено ученикамъ изложить содержаніе небольшой, легкой по языку и доступной по смыслу, повѣствовательной статьи? Какія требованія въ стилистическомъ и грамматическомъ отношеніи возможно было бы къ предъявить такой работѣ?

Ариѳметика. Въ какомъ объемѣ пройдена ариѳметика въ этомъ отдѣленіи? Считаетъ ли учитель этотъ объемъ нормальнымъ? Какому счету, письменному или устному, преподаватель отдаетъ предпочтеніе въ этомъ отдѣленіи? Какому руководству слѣдуетъ преподаватель въ преподаваніи ариѳметики? Какія дѣлаетъ отступленія отъ него? Чѣмъ обусловливаются эти отступленія? Вводятся ли въ упражненія по ариѳметикѣ дробныя числа? Въ какомъ размѣрѣ дѣти знакомятся съ дробями? Какого рода упражненія имъ предлагаются? Какими задачниками

преподаватель пользовался при преподаваніи ариѳметики? Всѣ ли задачи съ условіями были рѣшены? Если не всѣ, то почему?

Сколько учебныхъ часовъ въ недѣлю назначается на занятіе ариѳметикой? Какъ распредѣляется это время между занятіями подъ руководствомъ учителя и самостоятельными упражненіями учениковъ? Какія упражненія предлагались дѣтямъ для самостоятельнаго исполненія въ классѣ? Какъ и когда провѣряются преподавателемъ? Существуютъ ли внѣклассныя упражненія по ариѳметикѣ? Въ чемъ они состоятъ и какъ провѣряются?

Считаетъ ли учитель програмныя требованія по ариѳметикѣ вполнѣ соотвѣтствующими цѣлямъ народнаго училища? Какіе отдѣлы курса желательно увеличить? Какіе сократить? Равномѣрно ли, при существующемъ распредѣленіи курса ариѳметики, идутъ занятія? Не указываетъ ли практика на нѣкоторые недостатки въ существующемъ распредѣленіи? Какія измѣненія, въ такомъ случаѣ, желательно въ немъ сдѣлать? Успѣваютъ ли дѣти въ теченіе курса въ достаточной степени освоиться съ пріемами письменнаго вычисленія надъ многозначными числами? Успѣваютъ ли дѣти въ теченіе курса ознакомиться съ пріемами рѣшеній главныхъ типовъ ариѳметическихъ задачъ (напр. задачъ, требующихъ дѣленія числа на равныя части, задачъ простаго и сложнаго тройнаго правила, на смѣшеніе, на пропорціональное раздѣленіе, задачъ на вычисленіе процентовъ, на вычисленіе времени и проч.). Съ какими изъ этихъ задачъ учитель считаетъ обязательнымъ познакомить дѣтей?

Знакомятся ли дѣти въ теченіе курса съ пріемами вычисленія на торговыхъ счетахъ? Съ какими именно? Успѣваютъ ли дѣти въ достаточной мѣрѣ освоиться съ этимъ отдѣломъ курса? Вводятся ли въ курсъ ариѳметики нѣкоторыя свѣдѣнія изъ геометріи (напр. при изученіи мѣръ поверхностей и объемовъ)? Въ какомъ размѣрѣ и изъ какихъ отдѣловъ?

Желательно ли и вызывается ли потребностями жизни пополненіе существующаго курса ариѳметики усиленіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ (напр. отдѣла о дробяхъ, геометрическихъ свѣдѣній и т. п.) и введеніемъ новыхъ отдѣловъ (напр. счетоводства, начальныхъ понятій о землемѣріи и т. д.).

Не было ли случаевъ обратнаго перевода изъ старшаго отдѣленія въ среднее? Сколько выбыло учениковъ въ теченіе года? Причины выбытія? Всѣ ли ученики старшаго отдѣленія допускались до экзамена? Изъ допущенныхъ всѣ ли выдерживали экзаменъ? Если были не выдержавшіе, то по какимъ предметамъ? Не было ли заявленій со стороны окончившихъ курсъ учениковъ желанія о дальнѣйшемъ ученіи и какъ

это желаніе удовлетворилось? Признается ли возможнымъ считать за общую норму четырехгодичный курсъ школы и т. п.?

Пѣніе. Существуютъ ли въ школѣ уроки пѣнія? Когда дѣти учатся пѣнію, что поютъ и какъ ведутся эти занятія? Поютъ ли дѣти въ церкви? Какія мѣры могли бы способствовать распространенію пѣнія?

Рукодѣліе. Существуютъ ли въ школѣ уроки рукодѣлія? Когда дѣти учатся рукодѣлію, что дѣлаютъ и какъ оно ведется? Какія мѣры могли бы способствовать распространенію рукодѣлія?

Весьма важно при этомъ, чтобы учитель не стѣснялся рамками предложенныхъ вопросовъ, а постарался бы возможно полно обрисовать, по личному опыту и наблюденіямъ, существующее положеніе предметовъ преподаванія въ школѣ и намѣтить то направленіе въ которомъ желательно ихъ развитіе. Тщательная разработка всѣхъ этихъ вопросовъ, безъ всякаго сомнѣнія, освѣтитъ очень многое въ современной постановкѣ народнаго образованія и, можетъ-быть, значительно облегчитъ трудное дѣло учителя. На основаніи вышеизложеннаго, имѣю честь предложить съѣзду:

1) Выработать детальную программу для составленія обзоровъ пройденнаго въ училищахъ и для выясненія условій, въ коихъ училища находятся.

2) Избрать изъ участниковъ съѣзда комиссію для предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ на съѣздѣ.

3) Просить г. Предсѣдателя съѣзда о допущеніи къ участію въ работахъ съѣзда, по мѣрѣ надобности, лицъ со спеціальной подготовкой по тому или другому вопросу.

№ 2.

Отчетъ о Сухаревскомъ земскомъ училищѣ за 1900—1901 учеб. годъ учителя В. А. Голубева.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію по поводу 1-го пункта, я считаю долгомъ высказать общія замѣчанія, безъ которыхъ, по моему мнѣнію, не будетъ достаточно выяснено положеніе даннаго вопроса. Такъ какъ этотъ пунктъ носитъ характеръ мѣстный, касается жизни одного только училища, то для полноты и ясности изложенія я намѣтилъ здѣсь и другіе вопросы, которые такъ или иначе близко соприкасаются съ жизнью данно данной школы и считаю нужнымъ указать, хотя бы въ общемъ, на тѣ условія, которыя благопріятствовали школѣ, и на тѣ недостатки, которые задерживали ея успѣхъ.

Порядокъ отчета:

Топографія мѣстности, классное помѣщеніе, школьный районъ, число учащихся, манкировки, учебная часть, исторія и какъ она преподается, грамматика и правописаніе, ц.-сл. чтеніе, чистописаніе, внѣшкольное чтеніе, школьный приварокъ, елка, нѣсколько вопросовъ къ экзамену, забота объокончившихъ курсъ ученикахъ. Заключеніе.

Училищное зданіе расположено въ ряду другихъ домовъ, посреди деревни, на шоссе. Вся мѣстность, гдѣ стоитъ деревня Сухарево, представляетъ котловину, мѣстность низкую, сырую и обставленную съ трехъ сторонъ значительными холмами; въ общемъ, мѣстность нездоровая: частыя заболѣванія населенія лихорадкой, о чемъ свидѣтельствуетъ мѣстная лѣчебница, отражаются не только на дѣтяхъ, но и на взросломъ населеніи. Притомъ школа находится въ антисанитарныхъ условіяхъ: благодаря близости трактирныхъ заведеній, постоялаго двора, въ осеннее и весеннее время стоитъ отъ проѣзжающихъ невылазная грязь, по которой ученикамъ неминуемо нужно пройти, чтобы попасть въ училище, и единственный проулокъ въ школу бываетъ страшно загрязненъ.

При училищѣ не имѣется ни площадки, ни лужочка, гдѣ бы ученики могли въ свободное время отъ занятій побѣгать и заняться играми. Школьное зданіе наемное, деревянное. Въ немъ два класса, отдѣленныхъ холодными сѣнями. Одинъ изъ нихъ размѣромъ 11 арш. дол. $\times$ 9 арш. шир. $\times$ 4 арш. выш. = 396 куб. арш., другой $9 \times 9 \times 4^1/_4 = 344$ куб. арш.

Такъ какъ отдѣленія распредѣляются по преподавателямъ, то число учениковъ въ классахъ бываетъ неравномѣрно; одинъ классъ отъ этого выигрываетъ, а въ другомъ, естественно, является переполненіе,— въ одномъ можетъ быть отъ 25—30, въ другомъ 45 до 50 учениковъ.

Свѣту въ классахъ достаточно, но расположеніе оконъ очень неудобно и не гигіенично: расположены они съ двухъ противоположныхъ сторонъ, по правую и лѣвую руку.

Сухаревскій школьный районъ состоитъ изъ селеній:

1. Сухарево, гдѣ школа . . . . . 65 дворовъ.
2. С. Тропца—с-цо . . . . . 50 „
3. Шолохово, въ $3^1/_2$ в. . . . . 60 „
4. Горки, въ $3^1/_2$ в. . . . . 45 „

Всего . . 220 дворовъ.

Всѣхъ дѣтей школьнаго возраста насчитывается до 100 слишкомъ человѣкъ, но обучающихся 72. Изъ этого видно, что далеко не всѣ

дѣти посѣщаютъ училище. Главнымъ образомъ, число этихъ дѣтей падаетъ на дальнія деревни.

Примѣчаніе. Чтобы сократить разстояніе селеній отъ училища, необходимо училищу быть въ с. Троицѣ—С-цо. Въ этотъ районъ войдутъ 3 селенія въ количествѣ 175 дворовъ, и разстояніе до училища будетъ $1^1/_2$ версты. Тогда явится необходимость во вновь открытомъ училищѣ въ д. Горкахъ съ деревней Самарядово, 70 дворовъ.

Въ нынѣшнемъ 1900—1901 учебномъ году состояло учащихся 72 человѣка. По отдѣленіямъ распредѣлялись:

Въ младшемъ	27:	15 мал.,	12 дѣв.
„ среднемъ	30:	20 „	10 „
„ старшемъ	15:	12 „	3 „

Выбыло въ теченіе года 6 человѣкъ:

Изъ младшаго	2 чел.
„ средняго	4 „
„ старшаго	1 „
Всего	6 чел.

Но въ срединѣ учебнаго года пришлось принять еще бывшую учницу въ III отд., которая по болѣзни на цѣлый годъ оставила занятіе. Итакъ, это число старшаго отд. оставалось до конца года. Шесть чел., выбывшіе, изъ общаго числа составляютъ сравнительно небольшой %. Выбыли именно тѣ дѣти, которыя посѣщали школу изъ дальнихъ деревень,—частію по бѣдности, частію по домашнимъ обстоятельствамъ.

Вообще же, число учащихся при двухъ преподавателяхъ можно считать нормальнымъ.

Въ нынѣшнемъ году особенно неблагопріятно отразились на ходѣ дѣла ученическія манкировки; онѣ вызваны общей заболѣваемостью дѣтей корью; хотя не пришлось прекращать занятіе, но тѣмъ не менѣе классы не всегда были полны. Манкировокъ доходило въ общемъ числѣ до 400 слишкомъ дней, особенно это отразилось на первыхъ двухъ отдѣленіяхъ по 200 уч. дней въ каждомъ.

Въ теченіе года было всего 169 учебныхъ дней, ученье началось съ 1 сентября, окончилось 18 мая. Младшее отдѣленіе въ первой половинѣ уч. года нѣсколько времени занималось только 3 часа, а въ теченіе всего остальнаго по 4 часа.

Обзоръ учебной части будетъ касаться относительно только двухъ отдѣленій—младшаго и старшаго, съ которыми я занимался, такъ какъ второе отдѣленіе мнѣ въ этомъ отношеніи совершенно неизвѣстно, но,

судя по представленному на экзаменъ конспекту пройденнаго въ 2-мъ отд., программа была исполнена. При прохожденіи курса въ томъ или другомъ отдѣленіи, я всецѣло придерживался программъ. По рус. языку (граммат. и правописаніе), по ариѳметикѣ, чистописанію программа исполнена въ полномъ объемѣ.

Исключеніе составляютъ предметы: ц.-сл. чтеніе и пѣніе. Ц.-сл. чтеніе въ младшемъ отдѣленіи сводилось къ обученію азбуки и чтенію молитвъ, выученныхъ наизусть на урокахъ Закона Божія, и избранныхъ евангельскихъ исторій.

Въ старшемъ отдѣленіи не было прочитано ни Псалтиря, ни Часослова. Это объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что эти священныя книги какъ для чтенія, такъ равно и для пониманія мало доступны нашимъ дѣтямъ, во 2-хъ, краткость уч. времени и курсъ прочихъ предметовъ не позволили исполнить программу.

Пѣніе (по программѣ М. Н. Пр.) во всей полнотѣ не было исполнено. Это зависѣло отъ моихъ личныхъ средствъ, или другими словами, насколько позволили мои силы и знаніе по этому предмету. Ограничивалось сообщаемое *искусство* пѣнія самыми элементарными свѣдѣніями: научилъ пѣть повседневныя молитвы и нѣкоторыя избранныя пѣснопѣнія изъ литургіи; далъ понятіе о гаммѣ, тактѣ, паузѣ и приложеніи навыковъ въ пѣніи самыхъ простѣйшихъ дѣтскихъ пѣсенокъ.

Примѣчаніе. Церковный хоръ былъ организованъ изъ взрослыхъ крестьянъ и дѣвицъ и небольшаго числа учениковъ, всего въ составѣ 25 чел.

Изъ всѣхъ родовъ знанія, русская исторія является наиболѣе отвѣчающей задачамъ школы, ибо воспитываетъ въ дѣтяхъ гражданское мужество, прививаетъ любовь къ своей родинѣ, развиваетъ въ каждомъ чувство долга по отношенію къ своей семьѣ, обществу и государству. Знаніе и прохожденіе исторіи не только желательно, но и обязательно. Но существующая постановка этого дѣла оставляетъ желать многаго.

Скажемъ въ немногихъ словахъ, что представляютъ изъ себя тѣ дѣти, которымъ желаемъ дать курсъ исторіи. Два предшествовавшихъ года обученія даютъ дѣтямъ только простую грамоту—читать по дѣтской книгѣ доступныя ихъ пониманію статьи, высказать по вопросамъ учителя главную мысль, объяснить, дополнить плохо понимаемое, дать образецъ толковаго и выразительнаго чтенія и проч. и проч., и все это дѣлается, не выходя изъ круга дѣтскаго пониманія, и безъ сообщенія какихъ-либо научныхъ знаній. И вотъ съ такими учениками, совершенно не развитыми, неподготовленными, которые не успѣютъ еще сладить

съ грамотой и письмомъ, мы приступаемъ къ изученію русской исторіи, лучше сказать, не къ изученію, а къ заучиванію исторіи. Какъ бы ни казался намъ малымъ элементарный курсъ, но изученіе его представляется дѣломъ весьма труднымъ и сложнымъ.

Допустимъ, что намъ слѣдуетъ пройти исторію хотя бы по книгѣ Баранова или Пупыковича во 2-й половинѣ уч. года. Мы имѣемъ въ распоряженіи отъ 70—80 уч. дней. Нужно распредѣлить болѣе или менѣе важныя событія русской исторіи, въ связи съ географическими свѣдѣніями и достопримѣчательностями; мы насчитаемъ также до 70—80 статей,—это, значитъ, ежедневно долженъ быть часъ исторіи.

Но этого будетъ недостаточно: такъ какъ все нужно знать, помнить, и твердо помнить каждое имя, названіе городовъ, время событій и проч., то неминуемо приходится возвращаться назадъ и не одинъ, а нѣсколько разъ.

И на самомъ дѣлѣ, мы должны согласиться, что большую часть времени отдаемъ исторіи. Одолѣть этотъ курсъ приходится усиленнымъ настойчивымъ трудомъ по причинамъ: во 1-хъ, исторія изучается съ дѣтьми вообще неразвитыми, неподготовленными, т. е. преждевременно; во 2-хъ исторія, какъ школьный предметъ, очень трудна для дѣтскаго пониманія; въ 3-хъ изложеніе ея слишкомъ сухо, изобилуетъ множествомъ нисколько не значущихъ датъ, а главное безъ всякой связи историческихъ событій.

Приведу для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ нашего обученія.

Ученикъ заучиваетъ: „8 сентября 1380 года, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, густой туманъ покрылъ землю и т. д.“

Слѣдуютъ вопросы: въ какомъ году была Куликовская битва? въ какомъ мѣсяцѣ и днѣ? при какой погодѣ?

2-й примѣръ „30 мая 1672 года, въ день св. Исаакія Далматскаго, у царя Алексѣя Михайловича отъ второй его супруги Натальи Нарышкиной родился царевичъ Петръ...“ И нужно замѣтить, что каждая здѣсь дата имѣетъ нѣкоторый смыслъ и объясненіе.

Если двухклассное училище М. Н. П. раздѣляетъ курсъ исторіи на два послѣднихъ класса, 4 и 5, и при томъ она проходится уже съ болѣе развитыми учениками, то какъ же въ одноклассной школѣ курсъ исторіи имѣетъ примѣненіе? Программой М. П. П. совершенно разумно предусмотрѣно, что „необходимо постоянно имѣть въ виду какъ малый возрастъ учениковъ, такъ и краткость учебнаго курса, обязывающую дорожить каждымъ часомъ классныхъ занятій“. А потому, на основаніи этого замѣчанія, курсъ исторіи относится къ дополнительнымъ свѣдѣніямъ (см. п. 2-й общихъ замѣчаній). Въ нашихъ школахъ съ трех-

лѣтнимъ обученіемъ не должно быть ни курса исторіи, ни курса географіи или естественной исторіи; а тѣ или другія свѣдѣнія должны сообщаться по возможности на классахъ русскаго языка, путемъ чтенія, изложеннаго въ художественныхъ образцахъ, а программа или конспектъ таковыхъ свѣдѣній долженъ составляться каждымъ изъ преподавателей отдѣльно, сообразуясь съ условіями школы.

Основательность таковаго взгляда подтверждается еще тѣмъ, что въ нашей школѣ желательно сообщеніе свѣдѣній по гигіенѣ, земледѣлію, дать понятіе о современной жизни людей, общественныхъ учрежденіяхъ, о крестьянскомъ самоуправленіи или, вообще, изъ области обществовѣдѣнія,—такъ какъ только разумѣніе настоящей, современной жизни можетъ освѣтить тѣ или другіе факты прошедшей жизни.

Великія реформы царствованія незабвеннаго Императора Александра Николаевича,—освобожденіе крестьянъ, всеобщая воинская повинность, суды, земства,—въ наше время въ понятіяхъ народа не имѣютъ уже того высокаго значенія, какое онѣ имѣли во дни реформъ, ибо эти дѣла уже совершившіяся, это есть непреложное достояніе каждаго изъ насъ.

Но освѣтите предшествующую жизнь русскихъ людей, крѣпостное право, его рабство, духовный бытъ и право, — тогда великія реформы представятся въ умѣ нашемъ въ полномъ разумѣніи.

Историческія свѣдѣнія должны доваться на урокихъ русскаго чтенія и нѣтъ никакаго основанія домогаться отъ ученика подробныхъ знаній, а лишь знать тѣ изъ историческихъ лицъ или тѣ событія, которыя вліяли на судьбу русскаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ своей жизнью и дѣлами служатъ намъ высокимъ примѣромъ.

О грамматикѣ. Когда, лѣтъ пять тому назадъ, Московское Губернское Земство просило преподавателей отвѣтить на вопросъ: „на какія стороны преподаваемыхъ нынѣ предметовъ обязательнаго курса начальной школы приходится обращать наибольшее вниманіе и, слѣдовательно, тратить наиболѣе труда со стороны учащихся и учащихъ,—то всѣ изъ числа 500 школъ губерніи, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтили: на грамматику съ правописаніемъ... И нужно замѣтить, что это бремя лежитъ на школахъ болѣе двухъ десятковъ лѣтъ. Съ введеніемъ же у насъ письменнаго изложенія, взглядъ на правописаніе нисколько не измѣнился и тотъ же диктантъ на экзаменѣ является первенствующимъ предметомъ. Казалось бы, могутъ ли эти два предмета имѣть равносильное значеніе. Грамматика и правописаніе имѣютъ только сами по себѣ относительную цѣнность: на ряду съ воспитательными предметами, они не

имѣютъ никакого значенія, а потому имъ должно отвести самое скромное, служебное мѣсто.

Нельзя не отнестись сочувственно и не порадоваться благимъ начинаніямъ общественной мысли—упрощенію русскаго правописанія, т.-е. объ изъятіи изъ азбуки буквъ „ѣ“, „ъ“ „и“ „о“.—Только этой единственной мѣрой и можно облегчить трудъ учащихъ и учащихся, сократить время и дать просторъ просвѣтительнымъ начаткамъ знанія. Справедливость такого взгляда вытекаетъ изъ основной черты русскаго правописанія. Академикъ Гротъ говоритъ: „*каждый* языкъ располагаетъ только опредѣленнымъ числомъ свойственныхъ ему членораздѣльныхъ звуковъ. На письмѣ каждый звукъ языка долженъ быть изображаемъ особою, и притомъ только *одною буквою*; каждая буква должна означать только одинъ звукъ.—*вотъ основное* правило всякой *азбуки*“. Итакъ, утверждаемъ, что грамматика предметъ очень трудный, непосильный и знаніе ея представляетъ относительную цѣнность. Но неизбѣжно является вопросъ: какъ урѣзать, какой долженъ быть минимумъ, чтобы пользоваться ею въ цѣляхъ письменнаго изложенія? Вотъ эту задачу и должны мы рѣшить и притти къ какому-либо опредѣленному соглашенію. Въ примѣрной программѣ М. Н. П. читаемъ: „ введеніе въ учебный курсъ нач. народ. училищъ грамматики имѣетъ главной цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія. Свѣдѣнія эти должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей, при чемъ не слѣдуетъ, однако, избѣгать общепринятыхъ грамматическихъ терминовъ“ (Объясн. записка) Далѣе дополн. свѣдѣнія (см. № 2-й общихъ замѣчаній): „Свѣдѣнія эти могутъ относиться или къ грамматикѣ, въ особенности же къ правописанію, и синтаксису простаго и сложнаго предложенія“. Читая это объясненіе, которое на первый взглядъ становится совершенно простымъ и понятнымъ, но сопоставляя курсъ грамматики въ школахъ, по программѣ это положеніе не можетъ связываться или имѣть соотношеніе къ тому, что въ программѣ указано пройти изъ грамматики.

Для примѣра возьмемъ хотя бы курсъ II отдѣленія. Слѣдуетъ здѣсь пройти: имя сущ., мѣстоименія личныя, глаголъ, времена, лица, повелительное и неопредѣленное наклоненія, предлогъ отдѣльно и въ видѣ приставки; употребленіе точки, знаковъ вопросительнаго и восклицательнаго, двоеточія (предъ перечисленіемъ и чужой рѣчью — коковычекъ и, тире—въ разговорахъ и запятой—при словахъ, обозначающихъ въ рѣчи обращеніе (звательный падежъ)“. Весь этотъ матеріалъ,

сказанный въ немногихъ словахъ, въ сущности, большой курсъ, трудный и въ добавокъ неинтересный 9—10-лѣтнимъ дѣтямъ.

Но этотъ курсъ проходится, и самымъ простымъ пріемомъ: какъ только ученикъ попадетъ на скамью, съ перваго же дня вплоть до экзамена твердится изо-дня-въ-день грамматика, грамматика...

Къ числу обязательныхъ предметовъ нашего курса относится ц-сл. чтеніе, такъ же наиболѣе трудный предметъ и по своему объему непосильный. Когда приходится касаться тѣхъ или другихъ предметовъ школьнаго обученія, является, несомнѣнно, вопросъ: въ чемъ нуждается народъ и какъ удовлетворить его насущнымъ запросамъ, его стремленію и желанію? И во всякомъ случаѣ мы должны исполнить его требованія по мѣрѣ нашихъ силъ, времени, а главное имѣть въ виду, въ какой зависимости находится тотъ или другой предметъ школьнаго обученія отъ общей образовательной задачи. Ц-сл. чтеніе по существу своему предметъ очень важный: „по своей задачѣ и по духу преподаванія ц.-сл. грамота должна примыкать къ Закону Божію, какъ ближайшее пособіе для него и имѣть значеніе непосредственно послѣ него (Об. записка)“. Основываясь на указаніи объяснительной записки, гдѣ сказано: „уразумѣніе церковныхъ текстовъ достигается учащимися постепенно, по мѣрѣ пріобрѣтенія знаній священной исторіи и истинъ вѣры, а также по мѣрѣ умственнаго развитія“,—слѣдовательно, и желательно обученіе ц.-сл. чтенію ввѣрить законоучителю, какъ ближайшему, непосредственному руководителю религіознаго воспитанія и какъ лицу болѣе опытному и по своему положенію церковнаго пастыря и духовному развитію, и въ преподаваніи этого предмета онъ имѣлъ бы возможность воспользоваться болѣе широкими правами.

Программа М. Н. П. по ц.-сл. чтенію въ начальной школѣ не можетъ быть исполнена въ полномъ объемѣ: во 1-хъ, чтеніе находится въ зависимости отъ всѣхъ предметовъ школьнаго обученія, во 2-хъ, по недостатку времени, въ 3-хъ, главнымъ образомъ чтеніе нельзя вести безъ всякаго пониманія: „чтобы предотвратить чисто-механическое чтеніе, должно обращать должное вниманіе на значеніе простѣйшихъ словъ и выраженій“ (Об. зап.) Если нельзя прочитать Евангеліе, какъ болѣе всего доступное, безъ особаго объясненія со стороны учителя и законоучителя, то не будетъ никакой возможности уразумѣть Псалтирь и часословъ, какъ трудныя и непосильныя священныя книги.

(Въ концѣ своего отчета прилагаю примѣрную программу церковнославянскаго чтенія).

Приступая къ обученію письму съ первыхъ же дней, мы имѣемъ въ виду только одну сторону этого дѣла: научить, по возможности, правильному начертанію элементовъ буквъ, ихъ расположенію по отношенію къ каждой буквѣ и строчкѣ. Но когда ученикъ упражняется въ письмѣ два или три года, когда естественно само собой вырабатывается у каждаго изъ нихъ почеркъ, то мы должны во всякомъ случаѣ не нарушать индивидуальную особенность, а стараться слѣдить только за тѣмъ, чтобы каждый изъ учениковъ не искажалъ, не нарушалъ общепринятаго начертанія буквъ. Насколько мнѣ это кажется справедливымъ, чистописаніе вообще есть искусство—даръ, присущій каждому изъ насъ. Будетъ ли наше письмо прямое, косое, писано круглымъ или острымъ почеркомъ, одинаково можетъ быть красиво. Посмотримъ на письмо десятковъ, сотенъ лицъ, и мы видимъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть похоже другъ на друга. Если мы замѣчаемъ, что ученики III-го отдѣленія, которые упражнялись въ письмѣ въ достаточной степени, имѣютъ совершенно одинаковый у всѣхъ почеркъ, похожъ ли этотъ почеркъ на почеркъ самого учителя или какой-либо прописи, то должно сказать, что это не что иное, какъ срисовка, подражаніе, то-есть держали его въ такой замкнутой рамкѣ, гдѣ всякая воля парализовалась. Отсюда мы видимъ тотъ фактъ, что когда ученикъ выходитъ изъ-подъ контроля учителя, то онъ пишетъ или совершенно некрасиво, такъ какъ онъ не проявлялъ самостоятельности, или вырабатывается особый почеркъ, свойственный его индивидуальнымъ особенностямъ. Что ученикъ долженъ писать такъ, какъ намъ преподавателямъ нравится—есть предубѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Вообще же, всѣ школьные предметы носятъ слишкомъ отвлеченный, дѣловой характеръ, и отсутствуетъ въ нихъ, и вноситъ существенный пробѣлъ—развитіе эстетическаго чувства, того чувства прекраснаго, которое соединяетъ трудное полезное съ пріятнымъ.

Русское чтеніе, какъ предметъ школьнаго обученія, имѣетъ главной задачей воспитательное и образовательное значеніе и утвердить въ учащихся любовь и привычку къ самостоятельному чтенію. Почему школьно-народная библіотека служитъ въ одно и то же время цѣлью общеобразовательной задачи школы и средствомъ къ дальнѣйшему самообученію и развитію. Въ послѣднее время, благодаря общей работѣ лицъ и учрежденій на пользу народнаго образованія, наша дѣтская литература обогатилась какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи высоко-художественными произведеніями. Чтеніе дѣтскихъ книгъ должно быть не только въ семьѣ, но имѣть мѣсто и въ самой школѣ. Если вамъ, г.г., приходилось читать

предъ учениками какое-либо художественное произведеніе; не видѣли ли вы, какая была написана радость въ глазахъ ихъ; съ какимъ вниманіемъ слушаютъ вашъ длинный разсказъ, который затягивается на часъ и два; съ какимъ рвеніемъ другъ передъ другомъ выхватываютъ книгу изъ рукъ вашихъ, чтобы снова прочитать ее въ своей семьѣ... А развѣ мы остаемся глухи къ такимъ дѣтски-радостнымъ порывамъ,—теплое сердечное чувство невольно разливается по всему классу... Необходимость таковаго класснаго чтенія вытекаетъ прямо-таки изъ того положенія, что наши учебныя книги, практикуемыя въ школѣ, въ большинствѣ далеко не совершенны. А сколько бы представилось отъ чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній живой, здоровой работы! Какъ ни желательно веденіе подобнаго воспитательнаго чтенія, при нынѣшнихъ условіяхъ его нельзя поставить въ нашихъ школахъ на надлежащій путь,—оно только можетъ войти въ законную силу при упорядоченіи общаго строя земской школы.

Учащіеся пользуются книгами изъ библіотеки для чтенія на-дому. Число книгъ въ Сухаревскомъ училищѣ доходитъ до 150. Составлена она довольно разнообразно, но число ихъ по раздѣленію на отдѣлы весьма незначительно. Но такъ какъ наша маленькая библіотека служитъ въ то же время и народной, то нужно признать далеко не отвѣчающей на запросы населенія.

Выдано книгъ въ теченіе учебнаго года III-му отдѣленію 270. Охота къ чтенію проявлялась въ одинаковой степени у всѣхъ учениковъ. Среднимъ числомъ, прочитано каждымъ изъ нихъ по 18 книгъ. Слѣдовательно, въ продолженіе учебнаго времени въ теченіе двухъ недѣль прочитывалась только одна книга. Но я здѣсь долженъ оговориться, что ученики читали несравненно больше показаннаго, такъ какъ я совершенно упустилъ изъ виду, что они въ продолженіе недѣли по прочтеніи книгъ часто обоюдно мѣнялись между собою, что, конечно, не попало въ журналъ для записи.

При выдачѣ книгъ я руководствовался чисто-практическимъ соображеніемъ, путемъ чтенія пополнять тѣ свѣдѣнія, которыя или параллельно прохожденій курса: при прохожденіи исторіи, географіи, естественной исторіи выдавалась или исторія, или географія, или естественная исторія. Литературныя и художественныя произведенія, смотря по содержанію и объему книги, давались по мѣрѣ накопленія свѣдѣній и общаго развитія ученика.

Вотъ списокъ книгъ, прочитанныхъ ученикомъ довольно развитымъ и ученикомъ слабымъ.

1) Разсказы изъ естественной исторіи (*Вагнеръ*).
2) Ломоносовъ (*Фурмана*).
3) Люди подземнаго царства.
4) Исторія (*Соловьева*, уч. кн.).
5) Милости хочу, а не жертвы (*разсказъ*).
6) Разсказы про Суворова (*Петрушевскаго*).
7) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (*біографія*).
8) О птицахъ (*Кайгородовъ*).
9) Князь Серебряный.
10) У рабочихъ людей.
11) Гренландія.
12) О природѣ (*Зобова*).
13) Жизнь и природа крайняго сѣвера.
14) Родная Старина, I т. (*Сиповскаго*).
15) Царствованіе Александра Николаевича.
16) Огородъ.
17) Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ.
18) Міръ Божій.
19) Ручей и его исторія.
20) День въ римскомъ циркѣ.
21) Какъ живетъ растеніе.
22) Разсказы изъ русской исторіи (*Тихомірова*).
23) Разсказы изъ естественной исторіи (*Вагнера*).
24) Какъ люди живутъ Англичане (*Водовозова*).
25) Робинзонъ Крузо.
26) Хижина дяди Тома.
27) Авраамъ Линкольнъ.

Читалъ Склокинъ Михаилъ.

1) Что комната говоритъ.
2) Маленькій ветошникъ.
3) Лиса Патрикѣевна.
4) Муму.
5) Тарасъ Бульба.
6) О Суздальскомъ кн. Симеонѣ.
7) О фабрикахъ и заводахъ.
8) Меньщиковъ.
9) Ледяной домъ.
10) Принцъ и нищій.
11) Очеркъ войны за Дунаемъ.
12) Приключеніе двухъ кораблей.
13) Архангельскій край.

Читалъ ученикъ Барынинъ С.

Я никогда не принуждалъ брать книги—это ихъ личное желаніе, охота читать; напротивъ, всегда предупреждалъ: можетъ ли ученикъ прочитать, нѣтъ ли, помимо уроковъ и домашняго дѣла. Если ученикъ дѣйствительно не можетъ одолѣть книгу, то, не обинуясь, говорю ему: „оставь до другаго раза, когда поумнѣешь, выростешь до пониманія ея". Чтобы пріучить мало-мальски относиться разумно къ самостоятельному чтенію, въ концѣ недѣли, чаще въ субботу, самъ имъ читалъ избранныя сочиненія; повѣрялъ, насколько позволяло время, прочитанное, приходилъ къ нимъ на помощь; объяснялъ, насколько возможно. Приходилось читать за классомъ чистописанія, за классомъ пѣнія, когда ученики поустали, и во всякое другое время.

Смотрю на это дѣло какъ на одно изъ могучихъ средствъ воспитанія и образованія человѣка, — это ничто иное, какъ вторая школа. Наша народная школа только тогда достигаетъ своего назначенія, „когда вышедшій изъ нея ученикъ можетъ поддержать начатки науки и самостоятельно продолжать самообразованіе". (Г. Спенсеръ).

Можно привести массу примѣровъ изъ исторіи знаменитыхъ русскихъ людей, на сколько благотворно отразилось на нихъ чтеніе; да и для насъ самихъ, когда насъ не удовлетворяетъ школа, единственнымъ образовательнымъ средствомъ и пріятнымъ наслажденіемъ является чтеніе.

Необходимость въ устройствѣ приварка вызвана въ виду скуднаго питанія дѣтей во время учебнаго дня. Мы всѣ прекрасно знаемъ, чѣмъ питается нашъ ученикъ въ обѣденный часъ: кусокъ чернаго хлѣба, приправляемый водой, вареный, картофель — вотъ вся его дневная пища, все его довольство. Потребность въ устройствѣ приварка для нашего Сухаревскаго училища связана еще съ тѣмъ, что бо́льшая часть учениковъ посѣщаетъ училище изъ дальнихъ селеній.

Средства на то имѣлись: отъ крестьянъ 4 селеній по 5 руб.—20 руб., отъ Москов. благотворительнаго общества—15 руб., отъ попечителя училища 10 руб., итого 45 руб.

Обѣдъ состоялъ изъ одного горячаго кушанья, въ теченіе Рождественск. поста 22 дня, мясоѣда послѣ Рождества и Вел. Поста—33 дня, всего же продовольствовались въ теченіе 77 дней. Обѣдомъ пользовалясь всѣ ученики дальнихъ селеній и бѣднѣйшіе д. Сухарева; всѣхъ обѣдающихъ было въ количествѣ 50 человѣкъ. Среднимъ числомъ, на каждаго ученика въ день расходовалось до 1 копѣйки. Меню было довольно разнообразное: щи, суп. картофельный, изъ пшена, изъ гречи и гороха.

Обѣдали въ сѣняхъ, для чего раскладывались двѣ доски; обѣдали всѣ стоя. Времени на обѣдъ полагалось отъ 15—20 минутъ.

Хотя обѣдъ былъ не очень взыскательный, но тѣмъ не менѣе готовился онъ довольно вкусно, ѣли съ большой охотой и аппетитомъ. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, насколько обѣдъ питателенъ, но важно ужъ то, что онъ замѣнялъ хлѣбъ, который тутъ же весь поѣдался, а главное, существенно-важное—избавлялъ дѣтей отъ постепеннаго голоданія.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣти, подогрѣтыя горячимъ обѣдомъ, становились бодрѣе, веселѣе и вообще замѣтно было отсутствіе вялости въ особенности же въ послѣдніе два часа. И естественное дѣло, такъ какъ самый главный недугъ—голоданіе, былъ уничтоженъ. Крестьяне, выдавая изъ своихъ средствъ пособіе, тѣмъ самымъ выражаютъ расположеніе и къ самой школѣ,—это тоже, по моему мнѣнію, хорошая черта.

Я нѣсколько коснулся того положенія, что мы слишкомъ старательны въ насажденіи всякихъ знаній; вся задача школы зиждется на тѣхъ же програмныхъ предметахъ, но мало даемъ, или лучше сказать, ничего не вносимъ тѣхъ облагораживающихъ, ободряющихъ душу ребенка удовольствій, какъ-то: игръ, забавъ, разумныхъ развлеченій, прогулокъ. Если въ иной школѣ и указывается на тотъ или другой видъ дѣтскихъ удовольствій, то какъ на случайный характеръ, или какъ на рѣдкость. Рождественская елка, которая у насъ устраивалась нѣсколько разъ, является истиннымъ дѣтскимъ праздникомъ. Старшія дѣти, которымъ хоть разъ приходилось побывать на елкѣ, одинъ предъ другимъ съ радостью и полной готовностью спѣшатъ участвовать въ ней,—заранѣе предвкушаютъ всю прелесть дѣтскаго веселья. Главная цѣль въ этомъ удовольствіи выражается въ томъ, чтобы всѣ дѣти принимали активное участіе. Всѣ басни, стихотворенія, пѣсенки нисколько не претендуютъ на мораль или нравоученіе, а вносятъ болѣе жизнерадостнаго веселья и дѣтской наивности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ пѣсенокъ, положенныя на простой, незамысловатый, но знакомый всѣмъ мотивъ,—распѣвались 5—6-ти лѣтнимъ ребенкомъ въ своей семьѣ. Вообще же, нужно замѣтить, что не только участвующія получили удовольствіе, но всѣ постороннія лица, бывшія на елкѣ, вынесли пріятное впечатлѣніе.

Подводя итоги своихъ трудовъ за годъ, приходится часто задумываться надъ такими вопросами: прорѣшаемъ мы 1001 задачу, но боимся задачи экзаменаціонной? Сдѣлаемъ въ теченіе трехъ лѣтъ неимовѣрное количество всевозможныхъ диктантовъ и граматич. упражненій и никогда вполнѣ не убѣдимся, что будетъ экзаменный диктантъ написанъ удовлетворительно? Польститъ ли кто себя надеждой на хорошее письменное изложеніе?

Причина такого печальнаго положенія происходитъ отъ общей постановки нашего дѣла: всѣ труды, успѣхи и знанія мѣряются одною мѣрою програмныхъ предметовъ. При производствѣ экзамена желательно, чтобы ставились вопросы въ духѣ предупредительномъ, т. е. испытаніе производилось только въ той области знаній, которая наиболѣе знакома учащимся; чтобы вопросы не выходили изъ круга дѣтскаго пониманія и развитія. Да и по существу своему, экзаменъ есть провѣрка дѣйствительныхъ знаній, непринужденная бесѣда съ учащимися.

Въ связи съ принципами школьнаго обученія, немаловажное значеніе имѣетъ и тотъ частный вопросъ—„производство экзамена“, такъ какъ по всеобщему голосу народныхъ учителей частію постановка и успѣхъ училища зависитъ отъ личныхъ взглядовъ гг. ревизующихъ. Вотъ нѣсколько вопросовъ, которые сами собой вызываются на объясненія.

1. Время экзамена и его продолжительность.

2. Участіе въ производствѣ экзамена предсѣдателя, преподавателя, или всѣхъ преподавателей училища и попечителя.

3. При введеніи письменныхъ изложеній, экзаменаціонный диктантъ не долженъ имѣть мѣсто.

4. Что слѣдуетъ принимать въ соображеніе при оцѣнкѣ этой работы: достоинство ли самаго изложенія: его логичность, правильность мысли и т. д. или же ороографію и каллиграфію?

5. Чѣмъ руководствоваться при переводѣ учащихся изъ класса въ классъ: отвѣтами ихъ на экзаменѣ, или общимъ уровнемъ развитія и подготовленности каждаго изъ учениковъ?—Учительскій персоналъ долженъ опредѣлить число учениковъ для перевода.

6. Желательно нѣсколько видоизмѣнить общепринятую форму при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ, такъ какъ знанія по тѣмъ оглавленіямъ, какъ: „чтеніе“, „письмо“, „ариѳметика“, слишкомъ обобщаются, какъ по смыслу нѣкоторыхъ предметовъ, такъ равно и по ихъ значенію, могутъ стоять совершенно отдѣльно. Возьмемъ для примѣра хотя бы рубрику „письмо“; здѣсь разумѣется: письменное изложеніе, диктантъ, каллиграфія, устная грамматика.

ЧТЕНІЕ.		ПИСЬМО.			АРИѲМЕТИКА.	
Церковно-славянск.	Свѣдѣнія ист., геогр.	Изложен. и проч.	Диктант.	Чистописаніе.	Письмен.	Устная.

Съ увеличеніемъ числа училищъ въ уѣздѣ, естественное дѣло, и число окончившихъ курсъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Мы знаемъ, что многіе изъ числа ихъ, какъ мальчики, такъ равно и дѣвочки, желали бы учиться, продолжать образованіе, но осуществить разумное свое стремелніе не имѣютъ никакой возможности по недостатку училищъ. Какъ помочь тому, какія для того нужны училища — задача довольно сложная. Учрежденіе школъ высшаго типа крайне необходимо. Это вопросъ времени, и на всѣхъ насъ лежитъ священнѣйшая обязанность—забота объ окончившихъ курсъ ученикахъ.

Заканчивая свой отчетъ, считаю долгомъ высказать одно и общее для всѣхъ пожеланіе: учредить *учительскій совѣтъ*, на который хотя нѣсколько разъ въ году (въ начали, среди и въ концѣ учеб. года) собирались бы преподаватели для обсужденія общихъ вопросовъ школьнаго дѣла.

Программа по церковно-славянскому чтенію.

I отдѣленіи во 2-й половинѣ учебнаго года.—Церковно-славянская азбука. Удареніе. Титла.

Чтеніе молитвъ, положенныхъ въ программѣ по Закону Божію для перваго отдѣленія.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ этомъ отдѣленіи изучается лишь азбука, то въ этомъ случаѣ веденіе уроковъ по церковно-славянской грамотѣ предоставить учителю.

II отдѣленіе. Чтеніе избранныхъ евангельскихъ исторій по курсу Закона Божія, во II отд.

Чтеніе тропарей двунадесятыхъ праздниковъ. Молитвы предъ св. причащеніемъ и молитвы Ефрема Сирина.

Руководство: Тихомирова—„Церковно-славянское чтеніе“.

III отдѣленіе. Чтеніе евангелія отъ Матѳея, какъ болѣе доступное для дѣтскаго разумѣнія изъ всей земной жизни Господа Іисуса Христа. Чтеніе Шестопсалмія и Часовъ (3-й и 6-й) на литургіи.

Руководство: Тихомирова—„Церковно-славянское чтеніе“. Евангеліе, съ переводомъ на русскій языкъ.

№ 3.

Какъ поставлена воспитательная часть въ современной земской школѣ.

Докладъ учителя А. П. Потапова.

Прежде чѣмъ читать этотъ докладъ, я, господа, считаю долгомъ нѣсколько оговориться, чтобы избѣжать нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя могутъ затормозить, безъ пользы для дѣла, обмѣнъ мнѣній о немъ. Слушая его, примите пожалуйста во вниманіе, что, когда я рисовалъ въ немъ картину жизни и дѣятельности современной земской школы, то сравнивалъ ее не съ тѣмъ, чѣмъ она была въ началѣ, а тѣмъ болѣе не съ тѣмъ, что было до нея, а съ тѣмъ, чѣмъ она *должна* быть; я сравнивалъ ее съ ея идеаломъ, къ которому она обязана стремиться, если не хочетъ закостенѣть и сбиться съ истиннаго пути. Вотъ почему я нѣсколько сгустилъ краски, и грубо ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что я хотѣлъ доказать своимъ докладомъ, что современная земская школа совсѣмъ мало приноситъ пользы русскому народу. Польза земской школы слишкомъ очевидна и слишкомъ хорошо доказана фактами, чтобы можно было о ней спорить или въ ней сомнѣваться. Но если польза нашей школы ясна, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны закрывать глаза на ея недостатки, а особенно на тѣ недостатки, которые требуютъ немедленнаго устраненія и мѣшаютъ ей двигаться впередъ по тому пути, который указанъ ей ея Великимъ Законодателемъ.

Кто близко знакомъ съ тѣмъ, что дѣлается въ настоящее время въ земской школѣ и кому дороги интересы народнаго просвѣщенія, тотъ безъ сомнѣнія глубоко поражается тою несообразностію между ея направленіемъ и тѣми цѣлями, которыя положены въ ея основаніи Положеніемъ 1874 года. Извѣстно, что этимъ Положеніемъ основною цѣлію народной школы считается религіозно-нравственное развитіе учениковъ. А отсюда слѣдуетъ тотъ неопровержимый выводъ, что Законодатель хотѣлъ сдѣлать главною основною дѣятельностью народнаго учителя дѣятельность *воспитательную*. Но если мы повнимательнѣе присмотримся къ тому, что теперь дѣлается въ народной школѣ, то увидимъ, что тамъ теперь только *учатъ*, то-есть развиваютъ учениковъ только *умственно*, а воспитаніе, то-есть *нравственное*-то развитіе отошло давно уже въ область преданій и мечтаній. Мечтами о воспитаніи занимаются теперь развѣ только старые учителя, вспоминая въ своемъ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда они вкладывали въ воспитаніе всю свою душу и всю свою педа-

гогическую опытность. Молодые же учителя съ легкимъ сердцемъ выкидываютъ всѣ вопросы о воспитаніи за бортъ, какъ устарѣвшій, ненужный хламъ. Вся дѣятельность народнаго учителя теперь сосредоточилась *не на нравственномъ, а на умственномъ* развитіи ученика. Знаніе и только знаніе, безъ всякаго отношенія къ нравственному развитію, сдѣлалось единственнымъ и исключительнымъ стремленіемъ народной школы. Этому стремленію приносится въ жертву вся дѣятельность народнаго учителя, вся его опытность, вся энергія и всѣ завѣты его совѣсти. Все стараніе направлено къ тому, чтобы ученикъ больше зналъ и больше разсказать могъ, а какъ онъ распорядится потомъ этими знаніями, какъ приложитъ онъ ихъ къ дѣлу, какъ онъ будетъ жить, чего хотѣть, какъ поступать и что чувствовать,—объ этомъ никто не думаетъ, да и думать не считаетъ нужнымъ. Учитель считаетъ себя отвѣтственнымъ исключительно только за его знанія, но нисколько не считаетъ себя отвѣтственнымъ за его жизнь, за его поступки. Это послѣднее сдано въ семью къ родителямъ, которымъ теперь такимъ образомъ нечего ждать отъ школы воспитательнаго вліянія на дѣтей. Школа воспитаніемъ, строго говоря, не занимается... Но я чувствую, что вы, господа, возразите мнѣ и скажете, что это неправда, что земская школа никогда не отрекалась отъ воспитанія, что она по мѣрѣ силъ и средствъ всегда старалась о томъ, чтобы пребываніе учениковъ въ ней какъ можно благотворнѣе отражалось на ихъ нравственномъ развитіи. На это возраженіе я могу отвѣтить вамъ, что я и не утверждаю, что школа совсѣмъ не старалась и не стремилась по-своему вліять нравственно на учениковъ. Стараній и стремленій было въ этомъ направленіи всегда много; но дѣло въ томъ, что средства для этого вліянія въ настоящее время употребляются не тѣ, какія нужно. Единственнымъ раціональнымъ и вполнѣ надежнымъ средствомъ къ нравственному воздѣйствію учителя на учениковъ у насъ теперь, какъ извѣстно, считается обученіе. Обучайте такъ, чтобы ваше обученіе благодѣтельно отражалось не только на умѣ ребенка, но и на его сердцѣ и волѣ,—вотъ главное основное правило нашего современнаго школьнаго воспитанія. Никто, конечно, не будетъ спорить о томъ, что это правило въ существѣ своемъ вѣрно, что обученіе дѣйствительно есть единственная, возможная для насъ, почва, на которой мы только и можемъ вырастить тѣ добрые плоды воспитанія, которые въ правѣ требовать отъ насъ семья и государство. На почвѣ обученія, и только на ней одной возникаетъ нравственное сближеніе учителя съ учениками, столь необходимое для воспитательныхъ цѣлей На почвѣ обученія возникаетъ авторитетъ учителя по отношенію не только къ ученикамъ, но

и къ ихъ родителямъ. На почвѣ обученія возникаетъ и то обаятельное воздѣйствіе учителя на учениковъ, которое заставляетъ ученика стыдиться всего, что порицаетъ учитель, и стремится изо всѣхъ силъ къ тому, что онъ одобряетъ. Однимъ словомъ, обученіе есть центръ и точка опоры всѣхъ воспитательныхъ вліяній учителя на своихъ учениковъ. Но вотъ вопросъ: какое обученіе? То ли, что сейчасъ идетъ у насъ въ школѣ? Вотъ то-то и горе, что этого сказать нельзя. Обученіе, какъ извѣстно всякому мало-мальски опытному учителю, воспитывающимъ образомъ дѣйствуетъ на ученика *не количественною*, а качественною своею стороною. Для воспитательныхъ цѣлей важно не то, сколько вы прошли съ учениками, сколько сообщили имъ знаній, а какъ вы прошли, какъ сообщали знанія, какъ учили, что дѣлали, какія знанія сообщали и какъ эти знанія вліяли на умственный и нравственный складъ ученика; короче сказать, просвѣтляли ли ваши знанія умственный взоръ ученика, умягчали ли его чувства, облагораживали ли его сердце и укрѣпляли ли его волю, къ этому ли устремлены были всѣ ваши главныя старанія и на это ли при обученіи обращено было ваше главное вниманіе. Если да, то вы не только хорошій учитель, но и прекрасный воспитатель, а если нѣтъ, то вы только учитель, да и учитель-то плохой, а воспитателемъ даже не имѣете права и называться, ибо съ воспитательной точки зрѣнія всѣ результаты вашихъ трудовъ будутъ настолько ничтожны, что вамъ самимъ больно будетъ на нихъ смотрѣть, и вы будете постоянно носить въ своемъ сердцѣ глубокій и крайне тяжелый разладъ съ своей совѣстью. А кто изъ насъ не чувствуетъ этого разлада, кто не сознаетъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ дѣластъ въ школѣ не то, что слѣдовало бы, что находилъ бы онъ полезнымъ для нравственнаго развитія ученика? Кто изъ насъ въ минуту горькаго раздумья о результатахъ своихъ трудовъ не утѣшалъ себя стереотипною фразою: что дѣлать? мы даемъ ученикамъ знанія, а тамъ, авось, Богъ дастъ, они, когда подростутъ и поразовьются, такъ обработаютъ и свою волю, свой характеръ, отыщутъ въ жизни честную дорогу и будутъ хорошими людьми. А теперь?.. Теперь пока мы ничего не можемъ сдѣлать для ихъ воспитанія, ибо все время и силы наши уходятъ, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, на обученіе. Конечно, это не хорошо, не честно, но что же дѣлать, если иначе поступать нельзя... Если же такое сознаніе въ насъ существуетъ, то не ясно ли, что школа наша стоитъ на фальшивомъ пути, что въ нашей дѣятельности есть весьма серьезные изъяны, дѣлающіе ее, не скажу, чтобы безполезною, но мало полезною и далеко не отвѣчающею тѣмъ требованіямъ, которыя мы сами къ ней предъявляемъ. Отчего же все

это происходитъ? Отчего мы сами не довольны рѣзультатами своихъ трудовъ? Оттого ли, что мы мало учимъ, мало сообщаемъ знаній своимъ ученикамъ? Но кто же можетъ упрекнуть насъ въ этомъ? кто можетъ сказать, что земская школа мало сообщаетъ знаній? Наоборотъ, всѣ упрекаютъ и справедливо упрекаютъ ее въ томъ, что она много учитъ, много сообщаетъ своимъ ученикамъ знаній. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаемъ мы все время въ школѣ съ учениками, всѣ учебные дни и часы? Да все учимъ, учимъ и учимъ, то-есть все время стараемся какъ можно больше сообщать имъ знаній, знаній и знаній! И припомните-ка хорошенько, много ли мы думаемъ въ это время о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ количества этихъ знаній?

Много ли мы думаемъ о томъ, какъ эти знанія вліяютъ на душу ребенка, на его волю и характеръ, на выработку тѣхъ нравственныхъ убѣжденій, которыми онъ долженъ будетъ руководствоваться въ жизни? Да, мы въ послѣднее время и задаваться-то такими вопросами не стали. Учитель объяснилъ, ученикъ запомнилъ и разсказалъ—вотъ и все. А что творится въ душѣ ученика во время его школьныхъ занятій, какъ разбирается онъ въ этихъ знаніяхъ, какіе дѣлаетъ изъ нихъ выводы, какъ эти выводы вліяютъ на складъ его характера, на его сердце и волю, мы объ этомъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенно не думаемъ, ибо на это у насъ какъ-то не хватаетъ времени. Но вѣдь всякій сколько-нибудь опытный и развитой учитель прекрасно знаетъ, что обо всемъ этомъ не только нужно думать, но и ко всему этому необходимо приспособлять всякую науку, всякое знаніе, какое сообщается ученикамъ въ школѣ, а иначе ученье лишится характера воспитывающаго занятія и превратится въ голую, сухую передачу знаній, не имѣющую никакаго вліянія на нравственное развитіе ученика. А если ученье мы сдѣлаемъ не воспитывающимъ, то какія останутся у насъ средства къ воспитанію? Дисциплина? Но вѣдь, положа руку на сердце, можно сказать безъ риска ошибиться, что и дисциплина наша всецѣло направлена только къ тому, чтобы такъ или иначе, при помощи тѣхъ или другихъ мѣръ, заставить ученика какъ можно скорѣе и какъ можно больше нахватать знаній и умѣть выложить ихъ передъ экзаменаторомъ. Но вѣдь если мы вдумаемся поглубже въ дѣло, то неизбѣжно придемъ къ заключенію, что такая дисциплина не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ воспитывающею, то-есть облагораживающею умъ и сердце дисциплиною. Въ самомъ дѣлѣ припомнить, господа, какъ идетъ дисциплина въ нашей школѣ въ продолженіе учебнаго дня. Вотъ заявились утромъ ученики въ классъ. Прежде всего мы потребуемъ отъ нихъ, чтобы они сидѣли тихо и готовили вчера заданныя имъ уроки

Кто не подчинится этому требованію, тотъ такъ или иначе будетъ наказанъ. Во всемъ этомъ ничего нѣтъ воспитывающаго, и мы вѣдь это прекрасно знаемъ, но однако настойчиво требуемъ отъ учениковъ, чтобы они непремѣнно занимались въ это время повтореніемъ уроковъ, потому что это, по нашему мнѣнію, подвигаетъ ихъ впередъ въ учебномъ отношеніи. Мы отлично знаемъ теоретически и практически (намъ ли этого не знать?), что для ученика и пяти часовой работы въ день болѣе чѣмъ достаточно и что прибавлять этотъ шестой часъ (въ иныхъ школахъ прибавляютъ и больше часу) утромъ не только не педагогично, но прямо жестоко; однако, скрѣпя сердце, мы дѣлаемъ это и дѣлаемъ, руководясь конечно не воспитательными, а исключительно учебными цѣлями, которыя у насъ какъ-то заслоняютъ все, а въ томъ числѣ и наши здравыя понятія о воспитаніи, и это несчастное воспитаніе у насъ какимъ-то образомъ всегда остается на второмъ планѣ. Но вотъ бьетъ девять часовъ, и начинаются уроки съ учителемъ. Головы у учениковъ уже не такъ свѣжи, нервы многое уже потеряли отъ скучной и утомительной подготовки уроковъ, вниманіе тоже поослабѣло, и ученикъ уже не тотъ, какимъ онъ долженъ бы быть за первымъ урокомъ. Но не смотря на все это, начинается горячая работа обыкновенно по ариѳметикѣ. Намъ необходимо, чтобы эта работа, что называется, кипѣла и шла самымъ ускореннымъ темпомъ. Мы заранѣе уже безповоротно рѣшили, что намъ на этомъ урокѣ необходимо сдѣлать то-то и то-то, рѣшить такія-то и такія-то задачи и сдѣлать такія-то и такія-то вычисленія. У насъ разсчитана каждая минута. На повтореніе задачи приблизительно столько-то минутъ, на рѣшеніе ея столько-то и т. д. Но вотъ повтореніе затянулось: нашлись ученики, которымъ плохо дается содержаніе задачи, и мы начинаемъ горячиться, безпокойно взмахиваемъ глазами на часы и становимся болѣе, чѣмъ слѣдуетъ суровы: насъ безпокоитъ мысль, что урокъ пройдетъ почти задаромъ, что мы очень мало сдѣлаемъ, очень мало подвинемся впередъ, а двигаться надо потому, что время насъ не ждетъ, и экзаменъ не за горами, а программа велика. Успѣемъ ли мы все сдѣлать? Если такъ пойдемъ, то навѣрное не успѣемъ; надо спѣшить, надо торопиться. А какъ вы будете торопиться, когда ученики не понимаютъ вашего положенія, не понимаютъ необходимости спѣшить... Всѣ эти мысли молніей пробѣгаютъ въ головѣ нашей и вотъ мы ужъ разстроены, мы злимся, мы недовольны ходомъ урока; мягкое, заботливое и отеческое расположеніе къ ученикамъ, съ которымъ мы пришли-было въ классъ, у насъ ужъ давно улетучилось; манеры наши стали рѣзки, голосъ строгъ, требованія придирчивы, мысли не такъ ясны, въ сердцѣ закипаютъ недобрыя чувства;

въ классѣ получается удушливая нравственная атмосфера, и наказанія, какъ Домокловъ мечъ, уже висятъ надъ головами учениковъ... Теперь спрашивается: можемъ ли мы, находясь въ такомъ душевномъ состояніи, вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ ходъ мыслей ученика, можемъ ли мы разобраться въ томъ, что въ это время происходитъ въ душѣ ученика, что его затрудняетъ, отчего у него не клеится дѣло, и какія наконецъ чувствованія возникаютъ у него по отношенію къ намъ, какъ къ учителямъ и воспитателямъ? Конечно нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Для всего этого требуется спокойствіе, а спокойствія-то у насъ и нѣтъ. Мы взволнованы, а наше волненіе, какъ электрическія искры по невидимымъ проволокамъ, быстро расходится во всѣ уголки класса и потрясаетъ всѣ нервы учениковъ. Ученики тоже взволнованы, душевное состояніе ихъ придавлено, мысли не ясны, отвѣты сбивчивы, чувства приподняты и мышленіе задержано, потому что чувство любознательности вступило въ смертоносную схватку съ чувствомъ страха. Однимъ словомъ, урокъ испорченъ, ученики деморализованы, и это состояніе не скоро уляжется, пройдетъ еще по крайней мѣрѣ часъ, а можетъ-быть и два, пока учитель и ученики придутъ въ нормальное состояніе. А авторитетъ учителя, безъ котораго невозможно никакое воспитаніе? Увы, онъ упалъ настолько, что его не подымешь въ цѣлую недѣлю. И все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ минутъ! и все это можетъ повторяться каждый день и чуть не на каждомъ урокѣ... Гдѣ же тутъ воспитывающая дисциплина? гдѣ воспитывающій характеръ обученія? Все пропало, пропало даже и то, изъ-за чего все это случилось, пропало и чисто-учебное дѣло: ученики въ этотъ день весьма мало узнаютъ, весьма мало запомнятъ, и въ наказаніе за это весь день будутъ видѣть передъ собою разгнѣванное лицо учителя и получатъ на домъ работы гораздо больше обыкновеннаго. Я описалъ вамъ, господа, одинъ урокъ, урокъ неудачный, но не замѣчали ли вы, что у насъ такіе неудачные уроки стали повторяться все чаще и чаще, и въ послѣднее время дѣло дошло до того, что мы не стали въ себѣ чувствовать достаточно нравственной силы, чтобы избавиться отъ нихъ. Но вѣдь если эти уроки у насъ часты и если мы не можемъ поручиться за то, что они современемъ будутъ еще чаще и промежутки между ними еще меньше, то не ясно ли, какъ Божій день, что школа наша сбилась съ истиннаго пути и незамѣтно перешла на фальшивую дорогу, что воспитательное вліяніе ея на учениковъ какъ-то незамѣтно для насъ самихъ улетучилось, что мы теперь уже не воспитываемъ, а только учимъ, то-есть, сообщаемъ ученикамъ своимъ одни только голыя знанія, нисколько не размышляя о томъ, какъ эти знанія вліяютъ на ихъ

душу. Душа ребенка стала представлять собою для насъ тотъ темный и невѣдомый мірокъ, въ который намъ некогда заглядывать и который нѣтъ силы изслѣдовать, ибо мы всегда болѣзненно спѣшимъ, всегда болѣзненно приподняты, никогда не спокойны и никогда не довольны ни собою, ни учениками. Намъ некогда да и невозможно какъ-то бываетъ думать и доискиваться, могутъ ли ученики въ данное время понять и усвоить извѣстное знаніе, могутъ ли безъ непомѣрнаго труда переварить его и сдѣлать своимъ, ибо у насъ укрѣпилась и все заполонила въ головѣ нашей мысль, что они *должны* это сдѣлать, *должны* понять, *должны* переварить, такъ какъ въ другихъ школахъ это, вѣроятно, уже сдѣлано, такъ какъ этого потребуютъ на экзаменѣ и такъ какъ наконецъ экзаменъ не за горами. Эти и подобныя имъ мысли заслоняютъ отъ учителя весь внутренній міръ ученика, всю его душу и сердце, и учитель поневолѣ бредетъ въ-потьмахъ, дѣйствуетъ наугадъ и ему невозможно бываетъ задаваться никакими вопросами о воспитаніи, ибо онъ становится по отношенію къ своимъ ученикамъ человѣкомъ темнымъ. Вы, быть-можетъ, скажете мнѣ, что все это легко устранить, стоитъ только учителю не горячиться и быть спокойнѣе за урокомъ и всего этого не будетъ и обученіе приметъ нормальный воспитывающій характеръ. Правда, вполнѣ согласенъ, что стóитъ только не горячиться и все это можно будетъ устранить и сдѣлать школу не только обучающею, то-есть сообщающею только знанія, но и *воспитывающею*. Но вотъ вопросъ: какъ устранить эту горячность учителя? какъ заставить учителя быть спокойнымъ на урокахъ? Вы читали, вѣроятно, въ послѣднее время въ газетахъ, что нѣкоторые инспектора и директора народныхъ училищъ пробовали сдѣлать это циркулярными предписаніями учителямъ, вставалъ на эту дорогу нѣсколько разъ и нашъ Московскій Уѣздный Училищный совѣтъ, но результаты этихъ предписаній на практикѣ всегда сводились къ нулю. Да иначе оно и быть не могло. Вѣдь излишняя и вредная для дѣла горячность учителя во время уроковъ есть извѣстоое психическое состояніе, а въ томъ или иномъ психическомъ состояніи весьма часто не властенъ бываетъ и тотъ субъектъ, который его испытываетъ; такъ какъ же вы устраните его предписаніемъ? Какъ и какимъ предписаніемъ заставите вы, напримѣръ, меня не гнѣваться на ученика и не горячиться, когда я и самъ не могу заставить себя не дѣлать этого и заниматься спокойнѣе? Горячка тутъ возникаетъ изъ внутреннихъ сердечныхъ чувствъ, которыя въ это время волнуютъ учителя; а внутреннія сердечныя чувствованія человѣка возникаютъ, какъ извѣстно, помимо его воли. Мало этого, возникнувъ въ душѣ нашей отъ независящихъ отъ насъ причинъ и до-

стигнувъ высокой интенсивности, они помимо же нашей воли начинаютъ распоряжаться и подборомъ представленій, а изъ представленій образуются понятія, а изъ понятій возникаютъ пропитанныя и подогрѣтыя этими чувствованіями рѣшенія, а изъ рѣшеній часто неожиданные и противные для насъ поступки. И вотъ въ результатѣ получается то душевное состояніе, которое такъ прекрасно описано апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ римлянамъ: „Доброе, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, то дѣлаю. Когда я хочу дѣлать доброе, предлежитъ мнѣ злое. Не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю.“ Такой-то вотъ тяжелый разладъ въ данномъ случаѣ происходитъ и въ душѣ учителя, и этого разлада нельзя устранять никакими предписаніями, изъ какого бы авторитетнаго источника эти предписанія ни исходили. Богъ есть авторитетъ, высшій всякаго другаго авторитета, однако и Его предписанія, то-есть ветхозавѣтныя заповѣди по свидѣтельству того же апостола Павла, не могли устранить изъ души человѣка этого разлада. Для устраненія его сверхъ предписаній потребовалось еще устраненіе причины его возникновенія, то-есть грѣха. А пока въ корнѣ не уничтоженъ былъ грѣхъ, бездѣйственны были и предписанія и душевный разладъ въ человѣкѣ существовалъ. Значитъ, тутъ нечего надѣяться на предписанія: они ничего не могутъ сдѣлать, а надо постараться устранить причины возникновенія въ душѣ учителя того тяжелаго и вреднаго для дѣла психическаго состоянія, которое такъ уродуетъ всю постановку нашей школы. А въ чемъ заключаются эти причины? Отчего учитель такъ часто теряетъ во время уроковъ необходимое для правильной постановки школы хладнокровіе? Отвѣтъ на это ясенъ: отъ излишней поспѣшности въ обученіи, а поспѣшность эта происходитъ отъ чрезмѣрно горячаго и непреодолимаго стремленія втиснуть въ головы учениковъ какъ можно болѣе знаній, знаній и знаній. Стремленіе это у насъ такъ сильно и такъ интенсивно, что намъ не хватаетъ воли бороться съ нимъ. Но что возбуждаетъ въ учителѣ это стремленіе и поднимаетъ до такой болѣзненной высоты его интенсивность? Да, понятно, не что иное, какъ обширность программы и строгость экзаменовъ. Онѣ, эти двѣ причины, и только онѣ однѣ заставляютъ учителя съ головокружительной быстротой стремиться все впередъ и впередъ, все больше, и какъ можно больше и какъ можно скорѣе набивать головы учениковъ знаніями, знаніями и знаніями. Онѣ отнимаютъ у учителя необходимое, особенно для воспитательныхъ цѣлей спокойствіе во время классныхъ занятій съ учениками. Онѣ нарушаютъ его душевное равновѣсіе, они затемняютъ его разумъ, насплуютъ совѣсть и лишаютъ его способности наблюдать за тѣмъ, что происходитъ

въ душѣ ученика во время занятій, что ученикъ въ это время думаетъ и какъ себя чувствуетъ. Онѣ заставляютъ учителя втискивать въ головы учениковъ знанія непереваренныя, не усвоенныя, не осмысленныя. Онѣ заставляютъ учителя терять изъ виду воспитательныя цѣли школы и отбрасывать все, что по мысли Законодателя должно составлять суть его дѣятельности, но не подлежать провѣркѣ на экзаменѣ. Онѣ лишаютъ обученіе характера воспитательности, онѣ дѣлаютъ и школьную дисциплину не воспитывающею, а ожесточающею ученика. Онѣ роняютъ авторитетъ учителя въ глазахъ не только учениковъ, но и ихъ родителей, заставляя его взваливать на плечи учениковъ непосильныя ноши исключительно только потому, что этого требуютъ экзамены. Онѣ дѣлятъ учителя и учениковъ на два враждебныхъ другъ для друга лагеря, вынуждая учителя предъявлять ученикамъ требованія непосильныя и тѣмъ возбуждать въ нихъ по отношенію къ себѣ вмѣсто любви и уваженія чувства враждебныя. Онѣ отнимаютъ у учителя возможность быть воспитателемъ своихъ учениковъ и превращаютъ его дѣло въ ремесло, а самого его въ простаго ремесленника, которому невозможно и думать о воспитаніи потому, что вся голова его занята исключительно только тѣмъ, что надо хоть какъ-нибудь, да только поскорѣе учить, учить и учить, чтобы не сконфузиться на экзаменѣ. Но гдѣ же причина этому странному явленію? Отчего экзамены сдѣлались смертоносными для правильной постановки школы и особенно воспитательной ея стороны? А оттого, что обширность программы при строгихъ требованіяхъ на экзаменахъ невольно отвлекаетъ учителя отъ воспитанія и сосредоточиваетъ все его вниманіе исключительно только на одной учебной сторонѣ дѣла, то-есть на одномъ сообщеніи ученикамъ какъ можно бо́льшаго количества знаній. Но что всего важнѣе, такъ это то, что обширность программы и строгія требованія на экзаменѣ, вынуждая учителя вѣчно безъ мѣры спѣшить и волноваться, не даютъ ему возможности идти вслѣдъ за ученикомъ, за его мыслями и пониманіемъ, а заставляютъ тащить ученика вслѣдъ за программой, вслѣдъ за экзаменными требованіями А при такихъ условіяхъ школьныхъ работъ не программа существуетъ для ученика, а ученикъ для программы, и не программа приспособляется къ ученику, а ученика стараются, во чтобы то ни стало, приспособить къ программѣ. И приспособляютъ же его!... Приспособляютъ, не взирая ни на его силы, ни на его возрастъ ни на его способности, ни на воспитательную сторону обученія. Тутъ ужъ не до воспитанія, которое не подлежитъ провѣркѣ начальства и за которое не придется отвѣчать учителю на экзаменѣ. Тутъ ужъ выступаетъ на сцену неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, сила которой, какъ

извѣстно всякому, такъ громадна, что можетъ и способна заслонить собою всѣ благіе порывы учителя, всю идеальную подкладку его дѣятельности и превратить искусство воспитанія и обученія въ ремесло, учителя въ ремесленника, а учениковъ въ простой матеріалъ, съ которымъ обыкновенно не церемонятся... И напрасно мы стали бы тутъ обвинять въ недобросовѣстности учителя: вѣдь у насъ теперь дѣло поставлено такъ, что отъ отвѣтовъ на экзаменѣ учениковъ, и почти и исключительно только отъ нихъ однихъ, зависитъ не только оцѣнка пригодности учителя къ своему дѣлу, но и самое существованіе его на службѣ. Такъ какъ же учителю спокойно смотрѣть на эти отвѣты, какъ не спѣшить и какъ не волноваться ожиданіемъ экзамена, который для него рѣшитель всѣхъ его судебъ, альфа и омега его дѣятельности. Отъ экзамена зависитъ для учителя все, поэтому и не удивительно, что къ нему невольно приспособляется все, что онъ имѣетъ магическое вліяніе на все и что онъ своими строгостями, въ связи съ обширностью программы, невольно заставляетъ учителя переворачивать кверху дномъ все. Вѣдь учитель не можетъ измѣнить въ программѣ ни одной буквы, и за всякое отступленіе отъ нея можетъ не только получить выговоръ, но и лишиться должности, такъ какъ же посмѣетъ онъ приспособлять программу къ развитію и силамъ ученика? Вѣдь не отъ ученика и даже не отъ его родителей зависитъ будущность учителя, а отъ выполненія программы, да отъ экзаменныхъ требованій; поэтому и не удивительно, что учитель въ своей дѣятельности всѣми силами старается приспособиться не къ ученику, а къ экзаменнымъ требованіямъ, хотя бы эти требованія и шли въ разрѣзъ съ его совѣстью. Положимъ, въ священномъ писаніи сказано, что Богу надо повиноваться болѣе, нежели человѣкамъ, и стало-быть, противнаго Богу и совѣсти нельзя дѣлать даже и тогда, когда требуетъ отъ насъ этого и начальство; но вѣдь такая всепобѣждающая духовная мощь свойственна только апостоламъ, а мы вѣдь не апостолы, поэтому и не удивительно, что, подъ вліяніемъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, вопреки совѣсти мы не церемонимся съ учениками и выкидываемъ за бортъ воспитаніе, котораго никто не видитъ, никто не знаетъ и никто не провѣряетъ. Дѣло въ томъ, что школьная практика весьма краснорѣчиво доказываетъ намъ, что программа наша такъ велика и требованія ея такъ обширны, что при нормальной, спокойной и посильной работѣ съ учениками, по крайней мѣрѣ съ учениками среднихъ способностей, выполнить ее основательно во всѣхъ подробностяхъ нельзя; а между тѣмъ въ ней категорически заявлено, что всестороннее выполненіе ея для насъ *обязательно*, и что она представляетъ собою тотъ минимумъ знаній нашихъ учениковъ, безъ

котораго обойтись *тоже нельзя*... Такъ что же остается дѣлать въ такомъ положеніи учителю? Да, остается, сваливъ съ своей совѣсти отвѣтственность за послѣдствія на независящія обстоятельства, пустить въ ходъ подбадриванья, подстегиванья, подтягиванья и массу другихъ, подобныхъ имъ средствъ, которыя заставили бы ученика работать черезъ силу, бросаться на учебное дѣло съ несвойственною энергіею и итти все впередъ и впередъ безъ размышленія. Но, пуская въ ходъ такія средства, учитель не можетъ не сознавать и не чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, насколько они антипедагогичны и вредны въ воспитательномъ отношеніи, и вотъ тутъ-то и начинается у него тотъ тяжелый душевный разладъ со своей совѣстью, о которомъ я говорилъ выше. И тутъ-то и начинаетъ учитель дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, что онъ *ненавидитъ;* тутъ-то и начинаетъ онъ невольно, но сознательно поворачивать свою школу на фальшивую дорогу, которая заставляетъ его забывать воспитаніе. Но это еще не все: программа наша сверхъ своей обширности немало вредитъ дѣлу еще и своими толкованіями. Толкователей нашей программы, какъ извѣстно всякому, такъ много, и толкованія ихъ такъ разнородны и капризны, что приспособиться къ нимъ положительно нѣтъ никакой возможности. И вотъ, благодаря такой постановкѣ дѣла, экзамены пугаютъ учителя уже не одною своею строгостью, но еще болѣе своею неизвѣстностью. Какъ бы ни хорошо приготовлены были ученики, а учитель все-таки не можетъ ручаться за то, что экзаменъ сойдетъ хорошо. Какъ взглянетъ на дѣло экзаменаторъ, какъ онъ истолкуетъ программу и чего потребуетъ отъ учениковъ? И вотъ, благодаря такому порядку вещей, учитель всегда въ страхѣ, ему всегда кажется, что ученики его плохи, что у нихъ мало знаній, и онъ всякую минуту готовъ пичкать и пичкать въ нихъ знанія, знанія и знанія, и именно тѣ знанія, которыя, какъ ему кажется, *могутъ* спросить на экзаменѣ. Но вѣдь область возможнаго необъятна, поэтому и стремленія учителя сообщить какъ можно больше своимъ ученикамъ знаній становятся наконецъ *необъятными*. И вотъ тутъ-то въ этой необъятности стремленій набить головы учениковъ знаніями, и гибнетъ все воспитательное вліяніе учителя на своихъ учениковъ, и онъ незамѣтно превращается въ грубаго ремесленника, а ученики его въ безотвѣтный матеріалъ для разныхъ экспериментовъ ремесла. И до тѣхъ поръ, пока мы не уничтожимъ этой необъятности, незачѣмъ намъ ставить и *вопроса* о воспитаніи, ибо при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся сейчасъ, *воспитывать нельзя*. Но какъ же измѣнить эти условія и что сдѣлать для того, чтобы воспитаніе въ земской школѣ было возможно? Да, ясное дѣло, нужно уменьшить про-

грамму и въ корнѣ измѣнить постановку нашихъ экзаменовъ. О томъ, какъ именно уменьшить программу, что въ ней измѣнить и что выкинуть, я говорить здѣсь не буду, ибо объ этомъ будетъ представленъ докладъ другимъ лицомъ. А что касается экзаменовъ, то самое лучшее было бы предоставить производство ихъ самимъ преподавателямъ, какъ это и есть въ министерскихъ училищахъ. Но если ужъ этого почему-либо сдѣлать нельзя, то безусловно необходимо отнять у нашихъ экзаменаторовъ роль вершителей всѣхъ судебъ учителя и единственныхъ цѣнителей всей его педагагической дѣятельности. Все это, по моему мнѣнію, легко было бы сдѣлать членамъ Училищнаго Совѣта, такъ сказать, домашними средствами, не безпокая Высшаго Начальства и не испрашивая у него на это никакихъ особыхъ полномочій или разрѣшеній. Стоитъ только разъ навсегда рѣшить въ Училищномъ Совѣтѣ, что членъ ѣздитъ на экзаменъ не затѣмъ, чтобы ловить учителя и слѣдить за тѣмъ, не мало ли онъ сдѣлалъ, не мало ли сообщилъ своимъ ученикамъ знаній и выполнилъ ли во всѣхъ подробностяхъ программу; а за тѣмъ, чтобы только узнать, *какъ* онъ училъ, не спѣшилъ ли, не горячился ли, не насиловалъ ли развитія учениковъ и не набилъ ли ихъ головы знаніями непонятыми, не усвоенными, не переваренными. Короче сказать, члена должно интересовать *не количество*, *а качество* знаній и подозрительною ему должна казаться не та школа, въ которой хотя и основательно, *но мало* знаютъ, а та, въ которой слишкомъ *много* знаютъ и слишкомъ *многому* научены, ибо, гдѣ слишкомъ много знаютъ, тамъ навѣрное хромаетъ воспитаніе. Я не говорю здѣсь о такихъ школахъ, въ которыхъ и мало, и плохо знаютъ; такія школы оцѣнить легко, ибо никто не можетъ спорить о томъ, что онѣ безусловно плохи: въ нихъ нѣтъ ни воспитанія, ни обученія, но и тутъ конечно нужно не казнить, а помочь совѣтами, указаніями и, если нужно, даже примѣрными уроками. Вообще, членъ, отправляясь въ школу, долженъ везти съ собой не грозу, а добрый совѣтъ и полное сердечное участіе къ тяжелымъ трудамъ учителя и долженъ думать не о томъ, что нельзя ли учителя на чемъ-нибудь поймать, а о томъ, что не нужно ли ему въ чемъ-нибудь помочь. Но если членъ поѣдетъ на экзаменъ именно съ такимъ намѣреніемъ, то ему незачѣмъ будетъ брать на себя весь ходъ экзамена и оставлять учителя въ тѣни, а наоборотъ, нужно будетъ предоставить на экзаменѣ почти всѣ вопросы учителю, а самому только вслушиваться, *о чемъ* онъ спрашиваетъ *и какъ* спрашиваетъ и какъ, наконецъ отвѣчаютъ ему ученики. Самому же члену спрашивать только изрѣдка и только для того, чтобы узнать, хорошо ли усвоено учениками то, о чемъ ихъ спрашиваетъ учитель. Незачѣмъ также члену и

рѣшать на экзаменѣ вопросы о томъ, кого слѣдуетъ или не слѣдуе т перевести въ новое отдѣленіе, кому слѣдуетъ или не слѣдуетъ выдать свидѣтельство; пусть рѣшаютъ эти вопросы сами преподаватели: явной поблажки или явной несправедливости они, все равно, при этомъ не сдѣлаютъ, ибо ихъ удержитъ отъ этого уже одно присутствіе члена. И вотъ, если наши экзамены именно такъ будутъ поставлены, то они перестанутъ быть пугаломъ для учителей, и если еще Училищный Совѣтъ перестанетъ увольнять и переводить учителей исключительно только за слабые экзамены, то несомнѣнно учителя будутъ заниматься въ школѣ спокойнѣе, ученье пойдетъ нормальнѣе, ученики будутъ стоять къ учителю ближе, учитель будетъ относиться къ ученикамъ внимательнѣе и любовнѣе, положеніе учениковъ улучшится, ибо учитель не будетъ подтаскивать ихъ къ программѣ и насиловать ихъ развитіе, а наоборотъ, будетъ приспособлять все къ нимъ и съ отеческою любовію будетъ вникать въ ихъ внутренній міръ, и тогда воспитаніе у насъ будетъ не въ забросѣ, *а на первомъ планѣ*.

Вотъ о такой-то постановкѣ экзаменовъ я и предлагаю вамъ, господа, ходатайствовать передъ Уѣзднымъ Училищнымъ Совѣтомъ. И если такое ходатайство наше Училищный Совѣтъ приметъ и уважитъ, то и воспитаніе въ нашихъ школахъ понемногу опять водворится; а если ходатайство наше уважено не будетъ, то и воспитанія у насъ попрежнему не будетъ, и вина въ этомъ падетъ не на насъ, а на тѣхъ, кто откажетъ намъ въ нашей справедливой и необходимой для пользы нашего дѣла просьбѣ. Устраните препятствіе и тогда мы будемъ двигаться *впередъ*, а если не хотите устранить, то не удивляйтесь, что мы, надорвавши надъ ними силы, бросаемся *назадъ*.

№ 4

Въ чемъ состоитъ задача начальной народной школы.

Докладъ учительницы А. П. Сафоновой.

Народная школа, какъ школа, дающая духовный свѣтъ преобладающей массѣ русскаго народа, заслуживаетъ несравненно бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то, какимъ она пользуется въ настоящее время. Первенствующее значеніе въ созиданіи нашей народной школы имѣетъ Конст. Дмитр. Ушинскій. Относительно народной школы покойный Ушинскій говорилъ, что управлять народной школой долженъ самъ народъ. Школа должна считаться съ требованіями народа и подчиняться имъ. Не народъ для школы, а школа для народа. Та система воспитанія

Госуд рст...ая
ордена Лэ...а
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

вполнѣ достойна называться народной, которая опирается на общественное мнѣніе. Общественное воспитаніе, говоритъ онъ, находится въ зависимости отъ убѣжденій общества, т. е. всякая реформа не можетъ сохранить своего характера и быстро извращается подъ вліяніемъ общества. Онъ намъ указалъ средства, при помощи которыхъ мы могли бы сдѣлать воспитаніе народнымъ.

Широкая гласность для общественнаго мнѣнія—вотъ первое для этого средство. А рядомъ съ этимъ—просторъ для развитія педагогической литературы, для учрежденія педагогическихъ обществъ, частыя повѣрки результатовъ воспитанія, путешествія, предпринимаемыя съ педагогическими цѣлями, живая связь между педагогами, педагогическіе журналы. Педагогическая литература, живая, обширная, вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой усыпительной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія. Воспитатель, стоящій въ уровень съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ, дѣятельнымъ членомъ общества. Прочная основа всякихъ улучшеній — это возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія. Возбудить общество можно только путемъ широкаго распространенія въ обществѣ педагогической литературы.

По мнѣнію Ушинскаго, школа только тогда хороша, когда она проникнута семейнымъ характеромъ, т. е. похожа больше на семью, чѣмъ на школу. Первая и самая важная задача школы, это—поселеніе въ дѣтяхъ безкорыстной любви къ наукѣ, къ школѣ, возбужденіе жажды знанія и разносторонней любознательности. Школьное обученіе должно преслѣдовать ту цѣль, которую ему указалъ Песталоцци. Идея швейцарскаго педагога заключается въ томъ, что школа не должна пичкать знаніями, она должна развивать умственныя способности и нравственныя силы учащихся. Эту идею Ушинскій справедливо называлъ великимъ открытіемъ.

Другая великая цѣль школы—сообщить привычку къ труду. Дѣти трудиться должны самостоятельно, а учителя только руководить занятіями. Если школа не зажгла въ человѣкѣ жажду серьезнаго труда, то онъ не будетъ счастливъ.

Потребность труда—врожденное природное чувство человѣка. Школа должна развить это чувство. Только та школа принесетъ пользу обществу, которая даетъ членовъ, сознающихъ, что безъ труда жить гадко и подло. Чтобы пріучить ученика къ активному труду, мы должны собственно не учить, а только помогать учиться. О громадномъ значеніи трудолюбія при воспитаніи говорилъ не одинъ Ушинскій. Великій

мыслитель Локкъ признавалъ, что ученіе не есть самая существенная часть воспитанія.

По его мнѣнію, воспитатели должны заботитьея не столько о сообщеніи ребенку знаній, сколько о развитіи въ немъ добродѣтели и трудолюбія. Онъ говоритъ, что воспитатель долженъ развить умъ ребенка, направить его на путь разума и добродѣтели, привить ему хорошія привычки, дать ему правильное понятіе объ окружающемъ обществѣ, вселить въ него уваженіе ко всему, что хорошо и достойно подражанія. Это и разовьетъ въ немъ энергію, жажду дѣятельности и трудолюбія. Знанія же, которыя вы сообщите, помѣшаютъ ему предаваться лѣни, пріучатъ къ труду и заставятъ его полюбить этотъ трудъ.

По мнѣнію Ушинскаго, личность учителя-воспитателя должна быть свободная, независимая, самостоятельная. Это первое условіе успѣха школьнаго дѣла. Хорошъ только такой порядокъ, при которомъ воспитателю дается потребный для него просторъ, когда онъ дѣлаетъ только то, что самъ считаетъ полезнымъ. Нечего бояться, что у каждаго воспитателя своя метода воспитанія, своя теорія обученія. Лучше живое разнообразіе, чѣмъ сухая, мертвая монотонность. Воспитатель долженъ вырабатывать свои убѣжденія не въ одиночку, а вмѣстѣ съ обществомъ. Иначе, безъ активнаго содѣйствія и сочувствія кругомъ, онъ можетъ охладѣть къ своему дѣлу. Наставникъ-воспитатель нуждается въ постоянномъ одушевленіи обществомъ. У насъ же они слишкомъ удалены отъ общества. Отъ этого терпятъ убытокъ, конечно, обѣ стороны.

По мнѣнію германскаго педагога Дистервега, учитель — это душа школы, это солнце, все освѣщающее и согрѣвающее въ школьномъ мірѣ,—долженъ быть человѣкомъ съ пытливымъ и критическимъ умомъ, самъ долженъ быть одушевленъ чувствами любви къ правдѣ и добру. Чтобы учитель не терялъ бодрости и свѣжести духа, а всегда былъ бы во всеоружіи знанія и энергіи, Дистервегъ ставилъ въ непремѣнное требованіе ему участіе въ учительскихъ кружкахъ. Много онъ ратовалъ за высоту научнаго образованія сельскаго учителя. Въ вознагражденіе за трудную дѣятельность онъ требовалъ полнаго обезпеченія матеріальнаго положенія учителя.

Со смерти К. Д. Ушинскаго прошло 30 лѣтъ, но наша народная школа далеко еще отъ его завѣтовъ. Мы не воспитываемъ, а только учимъ. На нравственное развитіе при воспитаніи у насъ въ школахъ мало обращается вниманія. Дѣятельность школы направлена на то, чтобы дать дѣтямъ научное развитіе; и кромѣ того, въ силу необходимости, приходится обращать вниманіе на формальную сторону обученія,

Оно содѣйствуетъ не только расширенію его знаній, идей, но вліяетъ въ ущербъ общаго развитія учениковъ. Все это произошло оттого, что мѣриломъ знаній учениковъ въ народныхъ школахъ служитъ экзаменъ, который производится не комиссіей учителей, а однимъ лицомъ отъ Училищнаго Совѣта. Экзамены показали, что требованія, предъявляемыя на испытаніяхъ, разныя: одинъ требуетъ подробныхъ свѣдѣній изъ грамматики, другой даетъ замысловатыя задачи, третій обращаетъ вниманіе на малѣйшія подробности изъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній. Очевидно, г. экзаменаторы каждый по своему понимаютъ программу, это конечно очень понятно, потому что. программа народной школы слишкомъ туманна. Учителя, зная, что требованія на экзаменахъ предъявляются разныя, и стараются до экзамена узнать вкусъ экзаменатора, чтобы набить головы своихъ учениковъ тѣмъ матеріаломъ, который будетъ по вкусу экзаменатора. Винить учителя въ этомъ нельзя, потому что его личность обезличена, къ нему слишкомъ мало довѣрія; его существованіе зависитъ отъ экзамена, главнымъ образомъ, отъ письменныхъ экзаменныхъ работъ. Вотъ поэтому учителя всего болѣе и тратятъ силъ и времени на самый второстепенный предметъ, на орѳографію и передъ экзаменомъ диктуютъ каждый день. Все это дѣлается ради экзамена, потому что г. экзаменаторы, если ученикъ сдѣлаетъ много ошибокъ въ орѳографіи, не допускаютъ ученика къ испытанію по остальнымъ предметамъ. Всѣ учителя жалуются, что изъ-за грамматики нехватаетъ времени на занятія другими предметами. Приверженцы грамматики очевидно забыли, что Спенсеръ назвалъ обученіе дѣтей грамматики глупѣйшимъ обычаемъ, а Федор. Ив. Буслаевъ, академикъ-филологъ, прямо высказался противъ преподаванія грамматики, какъ самостоятельнаго предмета: по его словамъ, грамматика должна играть второстепенную роль, лишь въ видѣ прибавленія къ чтенію. Ея цѣль должна быть чисто-практическая—служить орудіемъ при обученіи правописанію.

Итакъ, пока грамматика, разборъ и диктантъ занимаютъ въ народной школѣ первое мѣсто, учителямъ некогда думать объ умственномъ развитіи и воспитаніи, вѣдь изъ 24 часовъ въ недѣлю на грамматику съ орѳографіей приходится удѣлять 14 — 15 часовъ. Преподаватели, давно практикующіе, утверждаютъ, что всѣ эти грамматическіе разборы и правила притупляютъ мозгъ и вскорѣ послѣ экзаменовъ забываются. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же тратить драгоцѣнное время на безсмысленную работу? И какое же это воспитывающее обученіе? Между тѣмъ, какъ сила народной школы — это объяснительное чтеніе. Правильно, интересно веденное чтеніе пріохотитъ дѣтей къ самостоятельному чтеніе, которое оказываетъ огромное воспитывающее вліяніе на питомца

и на характеръ возникающихъ въ немъ чувствованій. Подъ вліяніемъ чтенія вырабатываются въ немъ такіе или иные идеалы. Конечно, характеръ чувствованій и идеаловъ, возникающихъ въ питомцѣ, зависитъ отъ характера читаемаго, слѣдовательно, необходимо руководить чтеніемъ дѣтей, слѣдить за литературой и давать читать то, что дѣйствительно можетъ оказать благотворное вліяніе на души дѣтей. И вотъ это-то чтеніе какъ-разъ отошло у насъ на задній планъ. Такая ненормальность въ учебной части народной школы произошла вслѣдствіе странныхъ требованій на экзаменахъ. Если на экзаменахъ будутъ обращать вниманіе главнымъ образомъ на чтеніе и развитіе учениковъ, то учителя съ охотой и удовольствіемъ займутся при помощи живыхъ бесѣдъ и чтенія дѣйствовать на умъ и сердце дѣтей. Результатъ получится прекрасный. У дѣтей явится интересъ и любовь къ школѣ, умственное развитіе и стремленіе къ дальнѣйшему духовному самоусовершенствованію. Учитель же, почувствовалъ важность своего значенія въ деревнѣ, искренно полюбитъ свое святое дѣло. А такіе учителя и желательны, которые бы полюбили свою дѣятельность и учениковъ. Въ этомъ и заключается тайна преуспѣянія учебнаго дѣла.

Если учитель будетъ съ любовью относиться къ своему дѣлу и вообще къ дѣтямъ, то онъ пойметъ многое такое, чему его не научитъ и спеціальная подготовка.

Онъ уразумѣетъ дѣтскую натуру и пойметъ свойства, присущія тому или другому возрасту. Знаменитый французскій историкъ Лависсъ говоритъ, что нужно спуститься къ пониманію учениковъ, или лучше сказать, найти въ себѣ это пониманіе, быть въ одно и то же время учителемъ и ученикомъ, пріобрѣсть, словомъ, даръ двойственности. Чуткое сердечное отношеніе къ учащимся всегда оцѣнивается дѣтьми, а когда ученики научатся уважать своего учителя, да еще полюбятъ его, то успѣхъ дѣла обезпеченъ.

№ 5

Въ чемъ состоитъ задача народной школы по понятіямъ отечественныхъ педагоговъ?

Докладъ учителя Ѳ. В. Шувалова.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдовало бы выяснить, кого должно признать отечественными педагогами? Педагогъ ли каждый учитель и учительница? Что служитъ критеріемъ или признакомъ для

опредѣленія понятія „педагогъ?“ и чьи мнѣнія о задачахъ народной школы можно признать авторитетными? Отвѣты на эти вопросы могутъ быть различны, и я отвѣтить на нихъ не берусь и прошу высказаться по нимъ членовъ съѣзда. Въ настоящемъ же докладѣ я сдѣлаю только попытку привести и разобрать мнѣнія по вопросу о задачахъ народной школы двухъ-трехъ, по моему мнѣнію, общепризнанныхъ отечественныхъ педагоговъ.

Одинъ изъ этихъ педагоговъ говоритъ, что „всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнію. Народная школа должна отвѣчать на потребности народа. Задача преподаванія языка состоитъ въ руководствѣ учениковъ къ пониманію содержанія книгъ, написанныхъ литературнымъ языкомъ“.

Другой изъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ замѣчаетъ, между прочимъ, что „въ настоящее время всякому человѣку приходится имѣть такъ много дѣла съ печатнымъ словомъ, что пріучить дитя къ разумной бесѣдѣ съ книгою есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ первоначальнаго обученія“.

Третій подходитъ къ интересующему насъ вопросу ближе и разсматриваетъ его подробнѣе. Онъ говоритъ, что „задачу народной школы, какъ идеала, оторваннаго отъ вліяющихъ на школу мѣстныхъ условій, опредѣлить очень не трудно: народное училище не готовитъ ремесленниковъ или земледѣльцевъ, но воспитываетъ *людей*, а потому и должно сообщить не спеціальное, но общее *начальное* образованіе, необходимое *всякому* человѣку, на какую дорогу его бы ни бросила судьба“. „Сообразно съ этой задачей“, говоритъ этотъ педагогъ далѣе, „опредѣляютъ учебную программу народной школы иностранные педагоги, имѣя въ виду подготовленныхъ учителей и исправное посѣщеніе училища ученикомъ въ теченіе восьмидесяти мѣсяцевъ въ жизни, отъ шести до четырнадцати лѣтъ, т.-е. въ теченіе восьми лѣтъ по десяти мѣсяцевъ. Эти педагоги опредѣляютъ учебную программу въ виду достатка большинства родителей учащихся и въ виду огромнаго изобилія учебныхъ пособій и руководствъ по всѣмъ предметамъ обученія“. „Если бы мы вздумали“, продолжаетъ онъ, „списать эту программу, близкую къ идеалу, близкую къ тому, чего только возможно желать, то мы поступили бы крайне смѣшно; такое платье оказалось бы сшитымъ по чужой мѣркѣ. Совершенно напротивъ, мы, зная, какихъ усилій стоитъ нашему народу обученіе дѣтей, зная, какое вліяніе имѣетъ на нашихъ учениковъ семья, зная степень исправности посѣщенія учениками школы, наконецъ, зная время обученія и другія обстоятельства, дурно вліяющія на обученіе, мы можемъ говорить только о томъ, что достижимо

при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится развиваться нашей школѣ". „Въ Германіи", говоритъ онъ, „преподаются въ народной школѣ: географія, естественная исторія, физика и химія, всеобщая исторія и отечественная. Наша же сельская школа не имѣетъ на это ни времени, ни средствъ". „Что же остается нашей сельской школѣ"? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „ей предстоитъ научить возможно лучшему чтенію, и при томъ такъ, чтобы сдѣлать доступнымъ ученикамъ *книжный* языкъ; ей предстоитъ образовать четкій почеркъ у учениковъ, пріучивъ ихъ къ возможно толковому изложенію своей мысли на бумагѣ, избѣгая при томъ грубыхъ ошибокъ противъ правописанія; наша школа должна, наконецъ, настолько *освоить* ученика съ первыми четырьмя дѣйствіями ариѳметики, чтобы онъ и самъ могъ продолжать изученіе этого предмета, изъ пройденнаго убѣдившись въ томъ, насколько *практически* полезно знакомство со счетомъ. Нашей сельской школѣ предстоитъ такъ избрать книги для чтенія въ классѣ и обставить самое обученіе чтенію такими упражненіями, чтобы дѣти: а) возможно скорѣе увеличили свой запасъ словъ, крайне скудный; б) чтобы они пріобрѣли *посредствомъ книги* для чтенія и умственныхъ упражненій возможно больше такихъ свѣдѣній, которыя, открывъ имъ глаза на окружающій міръ, *возбудили бы въ нихъ любознательность* и помогли бы имъ понимать, по окончаніи курса, такія книги, изъ которыхъ они могли бы извлечь пользу; в) такъ какъ въ книгахъ, въ которыхъ ученикъ будетъ искать *непосредственно* приложимыхъ свѣдѣній, часто встрѣтятся рисунки и чертежи, то школа обязана познакомить его съ масштабомъ и черченіемъ плановъ, въ связи съ книгою для чтенія. Вотъ все", заключаетъ этотъ педагогъ, „что можетъ дать сельская школа". „Въ настоящее время сельская школа принесетъ гораздо болѣе пользы тѣмъ, что укажетъ крестьянскому мальчику пути къ самообразованію и разовьетъ въ немъ разумныя потребности, нежели сообщеніемъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыми она его снабдитъ".

Все это сказано избранными мною педагогами уже давно, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, но положенія эти остаются и въ настоящее время въ полной своей силѣ, и какъ-будто сказано это только вчера, и нельзя не признать, что положенія эти самыя вѣрныя и основательныя. Одна живучесть ихъ ручается уже за ихъ вѣрность и основательность.

Никто не станетъ, думаю, возражать и въ настоящее время противъ того, что всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнію, и что и народная школа должна отвѣчать на потребности народа. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что времени

трехъ лѣтъ для занятій въ школѣ крайне мало, и идеальная программа для существующей нашей школы невозможна, и мы можемъ ставить въ задачу ей только то, что достижимо.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ право отнимать у дѣтей драгоцѣнное для ихъ физическаго развитія время, чтобы учить тому, что для нихъ не нужно, что практически не приложимо въ будущей ихъ жизни? Совершенно никакаго. Школа должна сообщать дѣтямъ лишь такія знанія, которыя пригодятся имъ впослѣдствіи для жизни и въ практической ихъ дѣятельности. Если мы, сочтя, по своему мнѣнію, то или другое знаніе для народа полезнымъ, не справившись съ дѣйствительностью, не справившись съ тѣмъ, что это дѣйствительно такъ, и вздумаемъ учить дѣтей этому знанію, полезному только на нашъ взглядъ, въ дѣйствительности же вовсе ненужному, то это будетъ напрасная трата и своихъ, и дѣтскихъ силъ, напрасная трата и своего, и дѣтскаго времени, однимъ словомъ, будетъ напрасный трудъ. Когда мы будемъ этому, полезному на нашъ взглядъ, а не въ дѣйствительности, знанію учить дѣтей, то они будутъ слушать наши уроки—дѣти въ школѣ послушны,—но когда они выйдутъ изъ школы, начнутъ жизнь, и не найдя въ ней приложенія пріобрѣтенному въ школѣ неприложимому въ жизни знанію, сейчасъ же выбросятъ изъ головы это знаніе, какъ ненужный хламъ. Доказательствомъ этому служитъ въ настоящее время изученіе въ нашихъ школахъ грамматики и въ особенности правописанія и рѣшенія искусственно запутанныхъ ариѳметическихъ задачъ. Признавая, по своему мнѣнію, эти предметы въ начальной школѣ необходимыми, сколько мы тратимъ на нихъ силъ и времени, а между тѣмъ дѣти знаютъ эти предметы только до тѣхъ поръ, пока они въ школѣ, а какъ только изъ школы вонъ, такъ и знанія эти изъ головы вонъ!.. Позовите окончившихъ въ школѣ дѣтей черезъ годъ и предложите имъ сдѣланные ими при окончаніи курса диктантъ и задачу, и вы поразитесь тѣмъ, какъ мало осталось у нихъ этихъ знаній, пріобрѣтенныхъ ими годъ тому назадъ!.. Такъ зачѣмъ же учить въ народной школѣ тому, что не составляетъ потребности народа? Могутъ замѣтить мнѣ, что грамматика и въ особенности рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ служитъ средствомъ для развитія ума... Но, во-первыхъ, за грамматикой еще можно признать нѣкоторую долю какъ средства развитія языка, а чрезъ него и ума, сложныя же ариѳметическія задачи совсѣмъ не развиваютъ дѣтскаго ума, и, во-вторыхъ, еслибы это и такъ,—чего я лично, на основаніи опыта, не могу допустить,—то почему намъ нужно развивать дѣтскій умъ именно посредствомъ тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые не

имѣютъ въ жизни народа практическаго приложенія?... Почему не развивать намъ дѣтей посредствомъ чтенія книгъ, посредствомъ такого учебнаго предмета, который дѣйствительно и несомнѣнно даетъ развитіе ума и вмѣстѣ съ тѣмъ и средство продолжать это развитіе и по выходѣ изъ школы, самостоятельно? Развѣ недостаточно будетъ такого развитія посредствомъ чтенія книгъ? Почему помимо этого нужно еще затрачивать такъ крайне много дорогаго времени на рѣшеніе часто крайне безсмысленно запутанныхъ ариѳметическихъ задачъ, не имѣющихъ буквально никакаго приложенія въ жизни? Скажите пожалуйста, почему?

Точно также развѣ не вѣрно и то положеніе, что трехъ лѣтъ обученія крайне мало при той, не только что совершенной неподготовленности, но и крайней неразвитости тѣхъ дѣтей, какія поступаютъ къ намъ въ школу? Развѣ не вѣрно и то положеніе, что въ задачу школы можно ставить только то, что достижимо? Нужно ли все это доказывать? Развѣ неизвѣстна кому та истина, что каждая работа требуетъ необходимой силы и извѣстнаго времени? Нужно ли доказывать то, что изъ куска дерева чтобы получить линейку, помимо того, что кусокъ этотъ долженъ быть извѣстнаго достоинства, и что нужно быть мастеромъ, столяромъ, должно употребить еще и извѣстную силу, извѣстное время, извѣстное средство, орудіе, инструментъ, безъ которыхъ и мастеръ не будетъ въ состояніи сдѣлать надлежащей линейки? И при всемъ этомъ изъ куска дерева длиною въ полъ-аршина выйдетъ и линейка въ полъ-аршина, и не выйдетъ линейки длиною въ цѣлый аршинъ изъ куска дерева въ полъ-аршина. Нужно ли доказывать и то, что то же самое положеніе вѣрно и по отношенію къ школѣ? Нужно ли доказывать, что и ей даютъ каждую осень извѣстнаго рода матеріалъ и что для обработки этого матеріала, помимо умѣнья, нужна извѣстная энергія, сила, нужно извѣстное время, нужны извѣстныя средства? И при всемъ этомъ и школьный матеріалъ долженъ быть извѣстнаго достоинства, доженъ быть податливъ для обработки, другими словами—дѣти должны быть отъ природы способны для воспріятія преподаваемаго имъ въ школѣ... Безъ этого ничто немыслимо!...

Доказательствомъ истины этихъ положеній служитъ то обстоятельство, что, въ виду того, что въ настоящее время потребности народа въ образованіи обширны и что въ погонѣ удовлетворить этой потребности, въ погонѣ дать народу болѣе широкое школьное образованіе, мы расширили въ настоящее время программы по всѣмъ предметамъ начальной школы довольно широко, не сообразуясь ни съ силами учащихъ и учащихся, ни со средствами обученія, ни со временемъ... И

получилось вслѣдствіе этого то, что мы въ настоящее время, для выполненія несоразмѣрно тремъ годамъ обученія расширенной программы, занимаемся вмѣсто положенныхъ 5 часовъ въ день—6, 7 и болѣе часовъ, занимаемся крайне напряженно, спѣшно, совершенно игнорируя и свое собственное здоровье, и здоровье и развитіе учащихся, забывая совершенно старыя истины, что ребенку можно предлагать только по одной трудности заразъ и что лучше немногое, усвоенное хорошо, нежели многое, усвоенное плохо... Въ настоящее время ученикъ, при выходѣ изъ школы, знаетъ сравнительно со временемъ обученія очень много, но потомъ очень скоро весьма многое забываетъ, и въ концѣ-концовъ у него остается знаній гораздо меньше того, сколько бы осталось у него, если бы онъ въ школѣ узналъ и менѣе, но твердо, основательно усвоилъ это сравнительно немногое, такъ какъ на долю и даже на всю жизнь остается въ памяти у дѣтей только то, что хорошо понято и основательно усвоено ими.

Итакъ, не забудемъ, что задача народной школы состоитъ въ томъ, что она, какъ и всякое ученіе, должна отвѣчать на запросы жизни народа. Но запросы жизни народа, запросы народнаго образованія въ настоящее время широки, и наша начальная школа при тѣхъ средствахъ, какими она въ данное время располагаетъ, всему удовлетворить, къ сожалѣнію надо сказать, не можетъ. Она должна строго взвѣсить все и опредѣлить свои силы, средства и, главное, время и поставить въ задачу себѣ только то, что будетъ соразмѣрно всѣмъ силамъ, средствамъ и времени, чтобы въ погонѣ за большимъ слишкомъ не разбросаться и не оставить неусвоеннымъ въ достаточной мѣрѣ существеннаго, чтобы въ погонѣ за журавлемъ не остаться безъ синицы...

На основаніи всего вышеизложеннаго, я предлагаю: 1) при выработкѣ всякихъ программъ для народной школы строго сообразоваться со средствами школы и, главное, со временемъ обученія, котораго крайне мало; 2) учить въ ней учебнымъ предметамъ, имѣющимъ практическое значеніе въ жизни простаго народа и въ виду этого сократить курсъ грамматики и правописанія и изгнать изъ нашей школы рѣшеніе сложныхъ ариѳметическихъ задачъ.

№ 6.

Учитель и ученикъ.

Докладъ учительницы Е. И. Соколовой.

Послѣ прирожденныхъ началъ, склонностей, способностей и дарованій, впечатлѣнія составляютъ первую основу для нашего нравственнаго развитія. Впечатлѣніе — это громадная сила, которая, смотря по своему вліянію въ ту или другую сторону, создаетъ человѣка. Каждый родъ жизни окружающей человѣка среды, ея вѣрованія и убѣжденія производятъ свои впечатлѣнія на духовную жизнь человѣка. Онъ станетъ тѣмъ или другимъ, смотря по тому, каково содержаніе отразившихся впечатлѣній. Средствомъ ослабить вліяніе среды есть размышленіе о жизни, критическое отношеніе къ собственной дѣятельности или самопознаніе. Такого средства дать ученикамъ мы не можемъ: заставить ребенка размышлять о жизни, критически относиться къ своимъ поступкамъ трудно. А потому на помощь ученику и долженъ тутъ явиться учитель. Учитель, въ полномъ смыслѣ учитель, всегда является идеаломъ для ученика, ученикъ всегда и во всемъ старается подражать учителю. Онъ невольно проводитъ параллель между своими поступками, дѣлами окружающей его среды и поступками учителя. При этомъ сравненіи учитель, конечно, если онъ хоть какимъ-нибудь пользуется авторитетомъ у дѣтей, всегда выиграетъ, а слѣдовательно и ослабитъ впечатлѣніе, произведенное средой. Учитель въ бесѣдѣ съ дѣтьми всегда имѣетъ возможность объяснить, что дурнаго было въ извѣстномъ поступкѣ, нарисовать передъ глазами дѣтей идеалъ, къ которому надо стремиться. Ребенокъ всегда все примѣняетъ къ себѣ, а потому онъ невольно будетъ проводить сравненіе между нарисованнымъ идеаломъ и своими поступками: критиковать себя. Когда насъ о чемъ-нибудь спрашиваютъ, мы, чтобы дать отвѣтъ, должны сосредоточить свои мысли на этомъ предметѣ, подумать, а чѣмъ чаще и больше будемъ думать о предметѣ, тѣмъ многостороннѣе будемъ себѣ его уяснять. Если насъ никто и ничто не наведетъ на извѣстный предметъ, то у насъ никакой мысли о немъ быть не можетъ. Заставить ребенка думать, разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ мы легко можемъ сдѣлать путемъ класснаго чтенія, но только разъ навсегда надо рѣшить, чтобы это чтеніе не было механическимъ, какъ часто бываетъ, а было чтеніемъ, пріучающимъ къ размышленію. Поменьше прочитать, но побольше подумать,

уяснить то, что прочитано, разсмотрѣть прочитанное со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ мышленіе наше не было занято, въ томъ и не получитъ своего развитія. Размышленія о примѣненіи нравственныхъ правилъ къ жизни должны быть возможно часты, чтобы получилось убѣжденіе въ необходимости такого примѣненія, чтобы оно воздѣйствовало на волю, чтобы плоды этихъ размышленій проявились на дѣлѣ. Школа существуетъ для того, чтобы распространять просвѣщеніе, а просвѣщеніе не заключается въ одномъ только научномъ образованіи, но и въ просвѣщенномъ, т. е. правильномъ, взглядѣ на жизнь. Потому еще въ школѣ мы должны знакомиться съ жизнью хорошихъ отжившихъ людей, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ихъ опытомъ для своей личной жизни. Чтобы жизнь этихъ людей была тою точкою, къ которой мы должны стремиться. Преслѣдовать въ школѣ только образовательныя цѣли мы не вправѣ, мы не можемъ свалить нравственное воспитаніе на родителей уже потому, что всѣ ли изъ родителей нашихъ питомцевъ имѣютъ правильный взглядъ на жизнь? По большей части, погоня за матеріальнымъ благополучіемъ, бѣдность все чаще и чаще заставляютъ нашихъ крестьянъ запирать подъ крѣпкій замокъ свои нравственныя убѣжденія. Много надо силы воли, очень много, чтобы слѣдовать вполнѣ тому нравственному идеалу, который имѣетъ взрослый крестьянинъ. А такъ какъ ребенку трудно выяснить причину отступленій, то въ семьѣ все рѣже и рѣже рисуютъ ему идеалъ человѣка, а потому этотъ пробѣлъ непремѣнно должна заполнить школа. Школа не имѣетъ права пропустить это. Насколько мнѣ извѣстно, школа оставляетъ сильное впечатлѣніе на ученикѣ и, чѣмъ меньше семейное воздѣйствіе, тѣмъ ярче и сильнѣе образы нравственной личности, выставляемые школой. Благотворное вліяніе школы отразится несомнѣнно и на самой семьѣ чрезъ впечатлительнаго ученика. Всѣмъ конечно извѣстно, что дѣти все, о чемъ читали и разсказывали въ школѣ, передаютъ своимъ родителямъ, конечно, если прочитанное и разъясненное ихъ заинтересовало. Родители, выслушавъ, тоже высказываютъ свое мнѣніе, при чемъ нерѣдко происходятъ горячіе споры. Дѣти до слезъ отстаиваютъ свои убѣжденія—послѣдствія классной работы учетеля. Разъ мнѣ пришлось квартировать въ семьѣ школьника. Ученикъ съ учителемъ читалъ статью, не помню заглавія, только выводъ получился такой: „всѣ люди братья, всѣмъ надо оказывать помощь“. Ученикъ вечеромъ, сидя дома съ матерью, бабушкой и отцомъ, прочитавъ ту же статью вслухъ, а потомъ началъ задавать своимъ тѣ же вопросы, что ему задавалъ учитель. Между прочимъ, вопросъ: „турка братъ или нѣтъ?“ Когда получилъ отъ своихъ отрицательный отвѣтъ, то очень горячо сталъ убѣ-

ждать въ противномъ. Помню, дѣло дошло до слезъ. Кончилось тѣмъ, что они согласились съ его доводами. Подобныхъ примѣровъ много можно привести. И такъ школа, конечно, прежде всего должна позаботиться о развитіи ученика до пониманія того, что онъ читаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ дать ему возможность нравственно совершенствоваться. Для того же, чтобы ученикъ возможно больше и съ пользою для себя прочиталъ подъ руководствомъ учителя, нужно продлить курсъ нашей народной школы хотя бы еще на годъ, не увеличивая конечно учебной программы. Видя ученика, окончившаго курсъ школы и ничѣмъ не отличающагося въ нравственномъ отношеніи отъ недоучившагося или совсѣмъ неучившагося, крестьяне приходятъ къ заключенію, очень невыгодному для школы. „Школу, народную школу дайте Россіи, и тогда лѣтъ черезъ 30 станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время". Вотъ слова Ушинскаго, сказанныя много лѣтъ тому назадъ. Теперь вопросъ: стала ли Россія на прямую дорогу? Сдѣлали ли мы все нужное для этого? Поселили ли мы въ своихъ ученикахъ безкорыстную любовь къ наукѣ, жажду знанія, любознательность?

Чтобы все это сдѣлать, надо самому учителю стоять на надлежащей высотѣ. Изъ нашихъ учительскихъ семинарій выпускаютъ учителей, но и только учителей. Они прекрасно проведутъ урокъ звуковки, грамматики, рѣшатъ съ учениками задачу. Ученики подъ ихъ руководствомъ быстро усваиваютъ грамматическія правила, запоминаютъ, заучиваютъ названія рѣкъ, горъ, городовъ. Но вотъ вопросъ: какъ работаетъ голова такихъ учениковъ самостоятельно? Могутъ ли они развиваться дальше по выходѣ изъ нашей школы? Нѣкоторыя учительницы, имѣющія на рукахъ одно отдѣленіе, заявляютъ, что у нихъ почти не ведется самостоятельныхъ работъ по той причинѣ, что что же будетъ дѣлать учительница, давъ самостоятельную работу дѣтямъ? Мнѣ кажется, тутъ непониманіе того, для чего дается работа. Работа ученика должна показать, насколько ученикъ развился, какъ онъ сладитъ съ данной работой, привыкъ ли онъ разсуждать, а вовсе она дается не для того, чтобы заполнить время отсутствія учителя въ классѣ. Поменьше помощи и побольше самостоятельности. Надо пріучить мальчика, чтобы онъ по выходѣ изъ школы побольше полагался на свои собственныя силы, не боялся работы мысли, чтобы могъ читать не однѣ сказки, но потянулся и къ серьезнымъ книгамъ. Ученикъ всегда и во всемъ старается копировать учителя. Учитель для него то совершенство, къ которому онъ подчасъ совершенно безсознательно стремится. Да иначе и быть не можетъ. Учитель всегда долженъ считаться съ этимъ. Онъ всегда долженъ долженъ помнить, что вся его особа

находится подъ строгимъ контролемъ дѣтскихъ глазъ, что глаза эти ничего не пропустятъ: ни хорошаго, ни дурнаго. Отъ дѣтей скрыть что-либо трудно, прямо невозможно. А потому, если учитель не стоитъ на одномъ мѣстѣ, если онъ не замерзъ, если онъ интересуется общественною жизнью, наукой, ли тературой, то это непремѣнно отразится на дѣтяхъ. Учитель — посредникъ между наукой и дѣтьми. Онъ — та машина, которая дѣлаетъ науку легко воспринимаемой дѣтьми. Если мы не будемъ воспринимать, то намъ нечего и давать. Какъ раньше заготовленная пища должна быть время отъ времени просматриваема, провѣтриваема, такъ и духовная пища, которой мы питаемъ учениковъ, не можетъ сберегаться въ насъ долгое время безъ пересмотра. Приходится пополнять или выбрасывать все оказавшееся негоднымъ изъ того, что мы запасли. Отсюда прямой выводъ, что учителю, чтобы имѣть благотворное вліяніе на учениковъ, всегда и во всякое время надо учиться, знакомиться съ тѣмъ, куда идетъ и чего желаетъ общество, среди котораго онъ живетъ. Онъ долженъ всегда ясно себѣ представлять, знать, чего требуетъ отъ него общество.

Общество не одинъ человѣкъ, его требованія врядъ ли будутъ неправильны, ложны. Школа же отдѣляема отъ жизни быть не можетъ. Чтобы точно опредѣлить свое мѣсто, чтобы идти навстрѣчу запросамъ общества, учитель не долженъ узко спеціализироваться, жить отшельникомъ, знать только школу и школу, т.-е. учить и учить. Да онъ въ такомъ случаѣ не будетъ понимать даже и своихъ-то учениковъ. Ученики, являясь въ школу, очень часто разсказываютъ случаи изъ мѣстной жизни крестьянъ, обсуждаютъ поступки старшихъ, восторгаются часто тѣмъ, что совсѣмъ заслуживаетъ порицанія. Какъ же выяснитъ учитель имъ, что хорошо и что дурно и почему дурно, если онъ не будетъ знакомъ съ мѣстными условіями, съ отношеніями сельчанъ другъ другу, съ характерами ихъ и семейнымъ положеніемъ? Если учитель будетъ только знать, какъ учить грамотѣ, то какъ онъ можетъ повліять на окружающихъ его лицъ? Что онъ отвѣтитъ на вопросы обратившихся къ нему крестьянъ, если онъ ничего не знаетъ о современномъ теченіи общественной жизни, о послѣднихъ научныхъ открытіяхъ, хотя бы въ области, касающейся лично крестьянина-земледѣльца.

Учитель никогда не долженъ говорить, что онъ готовъ быть учителемъ, все изучилъ, что требуется отъ учителя. Учитель всегда долженъ учиться, иначе онъ не можетъ быть учителемъ. Нѣтъ и никогда не можетъ быть въ этомъ случаѣ границы. Если учитель покончитъ со своимъ самообразованіемъ, перестанетъ слѣдить за новѣйшей педагогикой, будетъ вести рутинно свое дѣло, на него непремѣнно напа-

детъ апатія, недовольство собой и всѣмъ окружающимъ, онъ дѣлается раздражительнымъ, а все это конечно очень дурно отразится на школѣ, на ученикахъ. Энергія учителя вызываетъ энергію учениковъ. Веселое настроеніе учениковъ, веселый классный трудъ непремѣнно есть отраженіе настроенія самого учителя. Вы конечно всѣ, господа, сами замѣчали за собою, что когда вы разстроены чѣмъ-нибудь, устали, больны, то занятія идутъ прескверно, тѣ же ученики кажутся вамъ чуть не идіотами; вы приходите къ заключенію, что съ ними ничего не сдѣлаешь, что они безтолковы и т. д. Чувствуете вы себя хорошо, занимаетесь съ удовольствіемъ и ученики покажутся вамъ необыкновенно сообразительными, толковыми. Васъ самого, пожалуй, поразитъ проявившаяся жажда знанія учениковъ, вамъ не хочется даже кончать урока. А все это потому, что сами вы заинтересованы очень тѣмъ, что сообщаете дѣтямъ.

Если учитель интересуется школой, онъ интересуется и всѣмъ тѣмъ, что и кто окружаетъ школу. Учитель не долженъ прекращать своихъ сношеній съ бывшими учениками школы, если не хочетъ, чтобы труды его пропали даромъ. Чтобы ученики его не покончили съ наукой, не забыли читать, онъ долженъ руководить чтеніемъ, выдавать книги, которыя бы интересовали бывшихъ школьниковъ, чтобы трудная, непонятная книга не заставила его совершенно забросить чтеніе. Очень часто ученики и ихъ родители приходятъ за совѣтомъ при устройствѣ дальнѣйшей судьбы бывшаго школьника. Въ этомъ случаѣ совѣтъ учителя рѣдко остается безъ вниманія. Да и на самомъ дѣлѣ, кто же можетъ лучше посовѣтовать, чѣмъ тотъ, кто наблюдалъ ребенка 3, 4 года, достаточно узналъ его способности, наклонности, можетъ-быть, даже помогалъ развитію нѣкоторыхъ особенныхъ способностей. Наша школа названа *начальная*. Намъ надо это твердо помнить. Наше дѣло только выучить читать, писать и считать. Наше дѣло начать образованіе человѣка, но начать такъ, чтобы у него никогда не появилось даже мысли покончить свое образованіе нашей школой. Пусть у него будетъ никогда не покидаемая забота о своемъ самообразованіи. Надо вести преподаваніе въ школѣ настолько интересно, такъ пробудить любознательность ученика, чтобы онъ по выходѣ изъ школы скоро почувствовалъ голодъ и уже самъ позаботился удовлетворить себя въ этомъ отношеніи, чтобы онъ прямо-таки не могъ жить безъ книги, какъ безъ насущнаго куска хлѣба, чтобы дальнѣйшее образованіе народа не было навязаннымъ извнѣ, а явилось прямо требованіемъ отъ лица самого народа. Начало вещь важная всегда и вездѣ, не даромъ существуетъ поговорка: „лиха бѣда начать“. Если правильно сдѣлано начало, то легко добиться и конца. При неправильномъ же началѣ у человѣка пропадаетъ энер-

гія отъ чрезмѣрнаго труда и охота продолжать начатое; человѣкъ боится, что его ожидаютъ еще большія трудности. При обратномъ же началѣ, при постепенной трудности, является и навыкъ уже къ труду, да кромѣ того и пробудившійся интересъ къ дѣлу закрываетъ отъ человѣка его трудности. Поэтому всякій учитель, который хочетъ видѣть плоды своихъ трудовъ, долженъ заботиться не о томъ, чтобы ученикъ твердо выучилъ всѣ правила грамматики, умѣлъ рѣшить всѣ задачи изъ зад. Терешкевича, а о томъ, чтобы онъ въ случаѣ, если не вспомнитъ или не знаетъ чего, умѣлъ найти книгу и разыскать то въ ней, что ему нужно, сумѣлъ заставить себя выучиться тому, въ чемъ ему встрѣтится надобность. Чтобы онъ не говорилъ, что я за такое-то дѣло взяться *никогда* не могу, такъ какъ я того-то и того-то не знаю, а говорилъ, что я за это дѣло возьмусь, выучивъ то-то и то-то. Надо своимъ преподаваніемъ заложить въ дѣтяхъ стремленіе къ самообразованію, пробудить сознаніе, что какъ въ сущности малому они у насъ научаются и какъ надо много знать человѣку, чтобы быть имъ въ полномъ смыслѣ слова. Мнѣ кажется, въ этомъ заключается задача нашей школы, недаромъ она *начальная*. Мы должны начать, но передъ началомъ очень много подумать, чтобы наша школа вмѣсто начала не сдѣлалась концомъ для нѣкоторыхъ. Для этого надо, чтобы учитель самъ всегда двигался впередъ, чувствовалъ въ себѣ побольше энергіи, чтобы онъ порѣже предавался апатіи. Апатія же учителя происходитъ вовсе не отъ чрезмѣрной работы, переутомленія, а отъ замкнутой жизни, жизни безъ общества, безъ товарищей, отъ невозможности подчасъ подѣлиться мыслями съ кѣмъ-либо. Чѣмъ чаще учителя будутъ между собою видѣться, тѣмъ будетъ больше польза для дѣла. Чѣмъ ближе учитель будетъ къ обществу, тѣмъ лучше; учитель, живущій въ прошломъ, возбуждаетъ сожалѣніе въ каждомъ человѣкѣ, живущемъ въ уровень со своимъ временемъ.—Меня интересуетъ вопросъ, къ какому обществу можетъ съ пользою и съ удовольствіемъ примкнуть учитель? Гдѣ будетъ чувствовать онъ себя на своемъ мѣстѣ? Гдѣ найдетъ онъ пищу для своей духовной жизни? Вѣдь учительскаго общества нѣтъ, собираться учителя не могутъ, не дозволено. Куда же намъ дѣваться? Что намъ дѣлать, чтобы избѣжать тяжелой замкнутой жизни, вредно отражающейся на дѣлѣ?

Я помню хорошо то счастливое время, когда такую, временно нападавшую апатію мы сбрасывали съ себя. Это то время, когда мы, не знаю на основаніи какихъ правилъ и положеній, но имѣли возможность оставить свою школу и поѣхать къ сосѣду, послушать его занятія, потомъ въ разговорѣ покритиковать, сравнить съ тѣмъ, что

сдѣлали сами въ свой школѣ, имѣли возможность при этихъ взаимныхъ визитахъ спросить совѣта, разъясненія во встрѣтившихся затрудненіяхъ. Послѣ этихъ визитовъ чувствуешь какой-то подъемъ, усерднѣе занимаешься, является непреодолимое желаніе провѣрить на дѣлѣ то, о чемъ толковали, спорили, невольно пользуешься тѣми пріемами, которые видѣла. Да мало ли встрѣчается помимо преподаванія чисто дисциплинарныхъ мѣръ, которыя перенимаешь у сосѣда, видя, что онѣ даютъ хорошіе результаты. Благодаря рѣдкому посѣщенію нашихъ ревизоровъ и тому, что они не только не даютъ совѣта въ дѣлѣ преподаванія (исключая инспектора), но даже не высказываютъ намъ и того, въ какомъ состояніи нашли школу (это мы узнаемъ изъ отчетовъ чрезъ годъ или два, когда уже поправить дѣла нельзя), мы, не посѣщая при этомъ и другъ друга, часто не довѣряемъ себѣ, сомнѣваемся въ правильности веденія дѣла. Случается, учитель проучить полгода и начинаетъ чувствовать что-то неладное. У него является невольно вопросъ, то ли онъ дѣлаетъ, что надо? Не отсталъ ли онъ отъ другихъ? Хорошо ли усвоили то, что пройдено? Начинаетъ провѣрять. Требуетъ точнаго и яснаго отвѣта отъ дѣтей изъ того, что читали, учили въ сентябрѣ. Дѣти въ декабрѣ нѣсколько утомились, забыли кое-что, отвѣчаютъ хуже, чѣмъ разсчитывалъ учитель получить отвѣтъ. Учитель начинаетъ раздражаться, ему приходитъ въ голову мысль, что онъ не такъ дѣйствовалъ, что онъ не туда шелъ. И вотъ, въ декабрѣ, а то, да и чаще въ маѣ, когда надо больше отдыхать, начинается горячка. Утомляется учитель, утомляются ученики отъ продолжительныхъ ежедневныхъ занятій. Во имя чего? Во имя того, что учителю показалось, что дѣло плохо, что надо больше знать, лучше. Программа очень неопредѣленна, рѣзкой границы нѣтъ. Какъ бы не оказаться хуже другихъ?... Нигдѣ не былъ. Что дѣлается въ школьномъ мірѣ, не знаю. А вѣдь стоило только съѣздить въ такомъ случаѣ къ двумъ-тремъ сосѣдямъ на урокъ, посравнить свое съ тѣмъ, что дѣлается у нихъ, поговорить съ ними, стоило только въ этотъ тяжелый моментъ пріѣхать хорошему ревизору, который бы пробылъ денекъ на занятіяхъ, которому учитель могъ бы свободно указать на свои недочеты, на то, съ чѣмъ ему трудно справиться, съ которымъ бы учитель могъ свободно говорить, не боясь, что онъ упадетъ въ мнѣніи ревизующаго лица, и вся эта гонка непосильная впередъ, всѣ эти страхи экзамена исчезли бы какъ дымъ, дѣло пошло бы своимъ естественнымъ порядкомъ и работа была бы конечно гораздо продуктивнѣе, благодаря спокойному состоянію обѣихъ сторонъ. Вѣдь эти усиленныя занятія, придирчивое отношеніе къ слабымъ ученикамъ сплошь и рядомъ заставляютъ дѣтей совсѣмъ покидать школу.

Учебный день, пропущенный учителемъ ради посѣщенія сосѣдней школы, вовсе не пропавшій день. Вѣдь всякій знаетъ, что иногда день стоитъ цѣлой недѣли.—

№ 7.

Обзоръ программъ, изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1897 г., съ цѣлію выработки болѣе детальныхъ и болѣе опредѣленныхъ требованій по каждому предмету и въ каждомъ отдѣленіи начальной школы.

Докладъ уч. И. Ѳ. Шухвастова.

I. Церковнославянская грамота. Главною цѣлью обученія церковнославянскому чтенію въ народной школѣ каждый изъ насъ ставитъ, чтобы учащіеся постепенно, начиная со второй половины перваго учебнаго года, къ каковому времени они уже достаточно осваиваются съ гражданскою печатью, путемъ чтенія изреченій и молитвъ, толкованія и заучиванія непонятныхъ словъ и выраженій, изученія практическимъ путемъ нѣкоторыхъ формъ славянскаго языка, могли осмысленно и сознательно переводить съ славянскаго языка на русскій текстъ св. Евангелія и др. книги св. писанія, доступныя ихъ пониманію.

Въ объяснительной запискѣ къ программѣ церковнославянской грамоты, помимо этой, преслѣдуемой нами цѣли, ставится еще другая задача — религіозно-воспитательная; т. е. путемъ чтенія славянскаго текста, повліять на душу дѣтей и воспитать въ нихъ молитвенное настроеніе.

Стремленіе къ выполненію этихъ задачъ для каждаго изъ насъ очень желательно, но спрашивается: возможно ли ихъ достигнуть, и можно ли прочитать въ два или въ $2^1/_4$ года Евангеліе, Часословъ и Псалтирь? Если читать все по порядку, не обращая вниманія на доступность или недоступность читаемаго матеріала для учащихся, то преподавателю нельзя будетъ предотвратить выработки въ нихъ механическаго чтенія, не отвѣчающаго и мѣшающаго указаннымъ цѣлямъ. Это во 1-хъ.

Во 2-хъ, въ программѣ нѣтъ подраздѣленій и опредѣленныхъ указаній на то, что именно и обязательно нужно прочесть изъ Евангелія и Часослова во 2-й годъ и что изъ Евангелія и Псалтири въ 3-й годъ? А такая неопредѣленность программы предоставляетъ широкое право лицамъ, ревизующимъ школу и производящимъ экзамены пользоваться

ею, какъ кому вздумается, нисколько не сообразуясь съ возрастомъ и развитіемъ учащихся: одни даютъ прочитать нечитанное въ этомъ отдѣленіи, трудное, слишкомъ отвлеченное; другіе помимо этого требуютъ еще синтаксическаго и этимологическаго разбора.

Во избѣжаніе этихъ неопредѣленностей программы, желательно, чтобы съѣздъ учителей и учительницъ, выбравъ изъ себя комиссію, поручилъ бы ей выработать максимумъ требованій по церковно-славянской грамотѣ для втораго и для третьяго года и, подвергнувъ его разсмотрѣнію съѣзда, представить въ Училищный Совѣтъ на его утвержденіе.

Въ 3-хъ, въ объяснительной запискѣ сказано, что по своей задачѣ и по духу преподаванія, церковно-славянская грамота должна примыкать къ Закону Божіему, какъ ближайшее пособіе для него, и имѣть значеніе непосредственное послѣ него.

Въ настоящее время, не то, что было лѣтъ 30-ть тому назадъ, когда только основывались начальныя школы, большинство законоучителей въ Московскомъ уѣздѣ имѣютъ педагогическую подготовку и потому было бы желательно, чтобы преподаваніе церковно-славянской грамоты возложено было на нихъ. Часы же, которые учителемъ были заняты изученіемъ церковно-славянской грамоты, посвятить каллиграфіи, потому что въ большинствѣ нашихъ школъ она до сихъ поръ значительно страдаетъ.

II. Русскій языкъ. Въ начальной народной школѣ до 1875 года т. е. до того времени, когда ей было предоставлено право учебнаго заведенія IV-го разряда по воинской повинности, особенное вниманіе обращалось не на изученіе грамматики, а на общее, путемъ чтенія и бесѣдъ, развитіе учащихся, ясное и правильное пониманіе ими окружающихъ предметовъ.

Съ 1875 г. направленіе школы сразу измѣнилось: стали обращать вниманіе на изученіе грамматики, на правописаніе и диктанты въ ущербъ преподаванію другихъ предметовъ. Съ этого же года, благодаря дарованной льготѣ, количество начальныхъ школъ стало быстро увеличиваться въ Россіи. Явленіе очень отрадное, но съ этого же времени начался и застой въ нашей школѣ въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. Грамматическій разборъ, правописаніе, диктанты, на что удѣлялась нами бо́льшая половина времени, черезъ годъ, по выходѣ изъ школы учащагося, быстро улетучивались; знанія по остальнымъ предметамъ, благодаря не особенно хорошо составленнымъ руководствамъ для учащихся, оказывались слабы и поверхностны. Такъ продолжалось до появленія примѣрныхъ программъ, изданныхъ въ 1897 г.

которыми, надо надѣяться постепенно будетъ положенъ конецъ нежелательному направленію нашей школы, ибо и въ настоящее время мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ грамматики и диктанта, служащихъ мѣрками развитія учащихся. Объяснительное чтеніе въ связи съ бесѣдами, устными и письменными работами, займутъ подобающее мѣсто, низведя грамматику и правописаніе на второй планъ въ народной школѣ. Въ виду того, что они, т. е. грамматика и правописаніе, получили второстепенную роль и чтобы не было разногласія въ требованіяхъ, относительно ихъ, желательно выработать на нашемъ съѣздѣ болѣе общія требованія по орѳографіи частей рѣчи, такъ какъ въ программѣ опредѣленно указаны только немногія правила, и представить ихъ на утвержденіе Училищнаго Совѣта. Кромѣ этого желательно, чтобы никакого грамматическаго разбора отъ учащихся не требовалось.

Составителями программы не указаны, какія собственно книги могутъ служить по русскому языку руководствомъ для учащихся; поэтому желательно, чтобы здѣсь, на съѣздѣ сдѣланы были указанія, какія сочиненія болѣе будутъ подходящи къ современному требованію программы по каждому отдѣленію.

Я, съ своей стороны, рекомендовалъ бы при изученіи орѳографіи двѣ книжки Некрасова, его руководства, съ которыми многіе изъ насъ знакомы; упражненія, помѣщенныя въ Родномъ Словѣ, годъ 2-й, Ушинскаго; Начатки грамматики Тихомирова; для чтенія и бесѣдъ въ III отд. возвратиться къ 1-й и 2-й части Дѣтскаго Міра Ушинскаго и Бесѣдамъ о природѣ, Зобова; для чтенія въ 1 отд. послѣ букваря просить допустить I-ю ч. Роднаго Слова, Ушинскаго, ибо эта книга во всѣхъ отношеніяхъ до сихъ поръ не потеряла своего значенія, какъ въ глазахъ нашихъ, такъ и въ глазахъ раньше учившихся по ней; до сихъ поръ къ ней относятся съ такой рѣдкой задушевностію и любовію, какъ не къ одной другой.

III. Ариѳметика. Относительно программы по ариѳметикѣ, должно сказать, что составители ея слишкомъ много матеріала отвели на 3-й годъ и очень, сравнительно мало на 2-й. Выполнить то, что назначено для третьяго года, можно, по-моему, только въ два года, присоединивъ сюда, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, и желательное знакомство съ %, съ квадратными и кубическими мѣрами, съ рѣшеніемъ простѣйшихъ задачъ на время, другими словами—весь курсъ ариѳметики, рекомендуемый программой въ начальной школѣ, разбить на четыре года, но только въ тѣхъ школахъ, гдѣ имѣется два преподавателя. Гдѣ же только одинъ, то тамъ курсъ 3-го года слѣдуетъ рас-

предѣлить болѣе равномѣрно между вторымъ и третьимъ годами, исключивъ, конечно, знакомство съ % и задачи на время.

Такъ, можно предложить съ нумераціей знакомить не до 1000, а до 10000, потому что при дальнѣйшемъ ознакомленіи учащихся съ письменнымъ производствомъ дѣйствій возможно будетъ показать въ такомъ предѣлѣ различные пріемы и случаи, чего нельзя сдѣлать въ предѣлѣ 1000.

Далѣе я предложилъ бы во 2-й годъ, что совершенно возможно, такъ какъ знаю по опыту, знакомить съ превращеніемъ, раздробленіемъ, сложеніемъ и вычитаніемъ именованныхъ чиселъ. Въ программѣ втораго года требуется рѣшеніе задачъ устно и письменно соотвѣтствующихъ курсу.

Задачъ, дѣйствительно, въ предѣлѣ 100 на простыя и именованныя числа найдемъ во всѣхъ существующихъ до сихъ поръ задачникахъ. Но задачъ въ предѣлѣ 1000, особенно на именованныя числа и при томъ письменныхъ—почти ни въ одномъ. Приходится, слѣдовательно, каждому учителю или учительницѣ для втораго года составлять свои задачи. А возможно ли это, при томъ количествѣ труда, какое выпадаетъ на одно лицо въ трехъ отдѣленіяхъ? Примѣровъ на письменное вычисленіе въ этомъ предѣлѣ можно найти у Гольденберга и у Полякова. Но задачъ нѣтъ.

Заговоривъ о задачахъ, нельзя умолчать о томъ, что предъявляемыя къ оканчивающимъ курсъ требованія относительно письменныхъ задачъ слишкомъ велики, нисколько не соотвѣтствуютъ тому, что выражено въ программѣ: „увлекаться усложненіемъ условій и отвлеченностію ихъ выраженія никакъ не слѣдуетъ“.

У насъ учащимся даются задачи, какъ это дѣлается въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, не изъ тѣхъ задачниковъ, какіе у нихъ подъ руками и какими они руководствовались въ теченіе своего курса, а совершенно изъ другихъ и съ болѣе сравнительно трудными условіями.

По этому случаю, не выходя изъ рамки, предъявляемой въ объяснительной запискѣ относительно задачъ, желательно, чтобы съѣздъ высказалъ свое мнѣніе: какіе задачники при прохожденіи курса ариѳметики для каждаго года обязательны для начальной школы, и ходатайствовалъ бы объ ихъ утвержденіи передъ Училищнымъ Совѣтомъ.

№ 8.

Критическій обзоръ главнѣйшихъ азбукъ и книгъ для чтенія, употребляющихся въ настоящее время въ земскихъ школахъ. Какимъ условіямъ должна удовлетворять книга для чтенія въ каждый годъ обученія? Выборъ книгъ для 1, 2 и 3 года обученія. Какихъ конечныхъ результатовъ должно достигать чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати?

Докладъ учительницы М. К. Черногубовой.

Критическій обзоръ главнѣйшихъ азбукъ и книгъ для чтенія, употребляющихся въ настоящее время въ земскихъ школахъ.

Какимъ условіямъ должна удовлетворять книга для чтенія въ каждый годъ обученія? Выборъ книгъ для 1, 2 и 3 года обученія. Какихъ конечныхъ результатовъ должно достигать чтеніе *по книгамъ гражданской и церковной* печати?

Со времени основанія народной школы начали появляться различные учебники для этой школы, которыми переполняются школьные шкапы, но въ качественномъ отношеніи учебники уступаютъ количественному: до сихъ поръ нѣтъ ни одного учебника, по которому преподаватель вполнѣ слѣдовалъ бы: въ нѣкоторыхъ учебникахъ приходится сокращать, въ другихъ дополнять содержаніе. Учителю при недостаткѣ времени много приходится его тратить на то, о чемъ долженъ бы позаботиться составитель книги. Начнемъ разборъ книгъ съ азбукъ.

Въ задачу наст. моего сообщенія входитъ разсмотрѣніе букварей: Бунакова, Баранова, Тихомирова и азбука Толстого. Изъ нихъ старѣйшій по времени букварь Бунакова, о немъ и будемъ говорить сначала.

Выборъ первой книги для чтенія очень важенъ; книга должна пріохотить ученика къ чтенію, а потому должна быть интересной по внутреннему содержанію. Интересной книга можетъ быть только тогда, когда въ ней все доступно дѣтскому понятію; подборъ фразъ долженъ быть ясенъ, не должны быть фразы, расхолаживающія ребенка въ чтеніи, какъ напр., пословицы. Въ букварѣ должны быть помѣщены и письменныя упражненія наряду съ прохожденіемъ звуковъ, такъ какъ многими признано за лучшее совмѣстное обученіе чтенію и письму: чтеніе есть обратный процессъ письму, здѣсь одно помогаетъ другому; эти

занятія, вначалѣ трудныя для ребенка, впослѣдствіи облегчаютъ ему работу. Кромѣ того, для маленькаго читателя важна и внѣшность книги: печать должна быть ясная, крупная. Такимъ долженъ быть букварь принципіально.

Учитель при первыхъ урокахъ твердо долженъ помнить главнѣйшее педагогическое правило: не спѣшить и поменьше, но основательно проходить первые звуки.

Приступая къ разбору азбуки Бунакова, укажемъ сначала на положительныя, а потомъ отрицательныя стороны.

1. Матеріалъ въ книгѣ расположенъ правильно, систематически; букварь подраздѣляется на 3 части; въ первой проходятся болѣе легкіе звуки и рядъ къ нимъ упражненій, во второй части подборъ звуковъ, болѣе трудныхъ по произношенію: шипящихъ, носовыхъ и мягкіе гласные; въ третьей губные, гортанные, ъ и ь, знаки въ серединѣ, *і*, *э*, *щ*, *ф*, какъ самые трудные по произношенію и сліянію.

2. Внѣшность книги хороша: печать крупная, ясная, слова распредѣлены въ столбцы, что облегчаетъ дѣтямъ чтеніе.

Отрицательныя стороны слѣдующія:

1. Книга изобилуетъ фразами, состоящими изъ пословицъ, напр., стр. 29, 31.

2. Въ первой части послѣ словъ отсутствуютъ предложенія.

3. Нѣтъ вовсе письменныхъ упражненій; при прохожденіи звуковъ, помѣщены статьи съ навязчивой моралью, когда для дѣтей этого возраста вовсе не понятны эти статьи, ихъ гораздо болѣе могутъ интересовать разсказы изъ дѣтской жизни и природы.

Буквари Баранова и Тихомирова имѣютъ то преимущество передъ букваремъ Бунакова, что въ нихъ послѣ первоначальныхъ упражненій помѣщенъ рядъ письменныхъ, въ остальномъ эти буквари сходны: то же систематическое распредѣленіе звуковъ, тотъ же неинтересный и трудный подборъ фразъ и статей (напр. Бар. стр. 18, 19, 24).

Азбука Толстого какъ букварь непригодна, но какъ первая книга послѣ букваря самая лучшая, какъ по легкости изложенія, такъ и по матеріалу, расположенному по степени трудности.

Изъ новыхъ букварей заслуживаютъ вниманія: 1) Букварь, составленный учительницами и 2) Азбука-картинка Горбунова,—Посадова и Егорова.

Въ новомъ букварѣ учительницъ весь алфавитъ раздѣленъ на 6 уроковъ въ извѣстномъ порядкѣ. Матеріалъ для чтенія хорошъ, много словъ и фразъ взято изъ азбуки Толстого. Въ послѣднихъ урокахъ помѣщены статьи въ извѣстномъ буквенномъ составѣ. Въ книгѣ есть существенный недостатокъ: учительницы забыли главнѣйшее педогогическое правило: „не спѣшить“ и не соразмѣрили количество работы съ силами ученика. Возможно ли весь алфавитъ пройти въ 6 уроковъ? а на большее число уроковъ у нихъ недостаетъ матеріала. Въ книгѣ вовсе нѣтъ письменныхъ упражненій.

Азбука-картинка Горбунова-Посадова вполнѣ пригодна какъ букварь и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ: удачно подобраны фразы и статьи, интересныя и доступныя дѣтскому понятію; матеріалъ расположенъ правильно; послѣ каждаго урока есть письменныя упражненія. Книга выигрываетъ и внѣшностью: печать крупная, ясная, есть картины. Въ концѣ книги помѣщена разрѣзная азбука (цѣна книги 25 к.). Желательно, чтобы эта книга была введена въ наши народныя школы какъ самый лучшій букварь изъ всѣхъ существующихъ. Въ немъ нѣтъ искусственныхъ фразъ и матеріала взято въ мѣру для достаточнаго усвоенія пройденной буквы.

Послѣ разбора азбукъ приступимъ къ разбору книгъ, первыхъ послѣ азбуки, и сначала выяснимъ себѣ, что должно требовать отъ этихъ книгъ.

По прочтеніи азбуки ученикъ, благодаря бесѣдамъ съ учителемъ и чтенію, становится развитѣе, онъ способенъ воспринимать болѣе сложныя статьи, какъ напр. маленькіе разсказы, басни въ прозѣ и проч. Ученика слѣдуетъ пріучать къ устному пересказу прочитаннаго. Надо улучшить и механизмъ чтенія, пріучить къ выразительности. Надо познакомить съ церковно-славянской азбукой и пріучить его хотя не бѣгло, но правильно читать текстъ церковно-славянской печати. Для пріученія ученика къ разсказу и улучшенія въ бѣглости чтенія, книга должна быть интересна ребенку, въ ней должны быть помѣщены бытовыя статьи или разсказы изъ природы. Бѣглость чтенія пріобрѣтается путемъ упражненій, а читать неинтересную книгу ученикъ не станетъ. Въ первой книжкѣ для чтенія должны быть помѣщены письменныя работы для самостоятельнаго упражненія ученика.

Изъ лучшихъ книгъ, первыхъ послѣ азбуки, я нахожу: 1) „Красное солнышко“, 1-я книга послѣ азбуки, Горбунова-Посадова; въ ней есть одинъ недостатокъ — не помѣщены упражненія для самостоятельныхъ письменныхъ работъ, подготовляющихъ къ письменнымъ изложеніямъ, а только упражненія на грамматичныя правила. 2) Книга „Вещ-

ніе всходы, Тихомирова, ч. 1-я; въ ней есть прекрасная система для постепеннаго развитія ученика. Составитель книги знакомитъ ученика своими статьями съ родной семьей, съ обществомъ, указываетъ на обязанности человѣка и знакомитъ съ окружающей природой. Въ этой книгѣ тотъ недостатокъ, что много лишняго матеріала, нѣкоторыя статьи отличаются сантиментальностью (стр. 2-я „Пѣсня", стр. 4-я „Дѣти" и др.); много трудныхъ для этого возраста стихотвореній (стр. 5-я „Изъ дѣтскихъ воспоминаній", стих. Пушкина). Статьи изъ естественной исторіи трудны для разсказа, такъ какъ въ нихъ много описаній (напр. стр. 70-я „Воробей на часахъ", „Скворецъ"). Конечно, учитель изъ этой книги можетъ выбрать статьи, доступныя понятію ученика младшаго возраста, но въ общемъ эта книга скорѣе пригодна для II-го отдѣленія.

3. Книга Барышникова, 1-я послѣ азбуки, по-моему удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Она и интересна, и вполнѣ доступна ученику младшаго возраста. Читая ее, ребенокъ будетъ постепенно расширять свой умственный кругозоръ.

Письменныя работы пріучатъ его къ самостоятельному мышленію. Матеріалъ этой книги распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ отд. помѣщены басни въ прозѣ, легкія по содержанію и удобныя для разсказа (45), сказки (20), разсказы, краткія описанія временъ года, праздниковъ, животныхъ и растеній сообразно съ временами года (напр. „Весна", стр. 62, статьи — „Свѣтлое Воскресеніе", „Лозина", стих. „Жаворонокъ"). Въ отдѣлѣ II-мъ помѣщены статьи о трудѣ и молитвѣ, очень хорошо изложенныя. Въ концѣ книги церковно-славянская азбука и текстъ на болѣе трудныя буквы и сокращенныя слова. Для письменныхъ работъ помѣщены краткія свѣдѣнія изъ русской грамматики и задачи на грамматическія упражненія. Хорошо подобраны работы, подготовляющія ученика къ письменному изложенію мыслей (стр. 107—110).

Книгу Барышникова я рекомендую какъ лучшую послѣ чтенія букваря.

„Род. Слово", ч. I, самая лучшая по подбору матеріала, легкаго, интереснаго и достаточнаго дѣтямъ въ возрастѣ отъ 8—9 лѣтъ. Желательно было бы имѣть ее въ нашихъ школахъ.

Книга для II г. обученія должна преслѣдовать слѣдующую цѣль: научить ученика быстро, свободно и толково читать, должна подготовить его къ слушанію учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ слѣдующемъ году, должна имѣть воспитывающее значеніе. Въ книгу должны входить статьи: обще-литературныя статьи, дающія полезныя свѣдѣнія, и религіозно-нравственнаго содержанія. Отдѣлъ церковно-славянскій я

считаю ненужнымъ въ этой книгѣ, такъ какъ для преподаванія этого предмета у насъ принята прекрасная книга Тихомирова, научающая ученика правильному чтенію и переводу. Гораздо важнѣе я считаю приложеніе къ этой книгѣ: краткія свѣдѣнія изъ русской грамматики и задачи для письменныхъ упражненій.

Я не стану одробно разбирать достоинства и недостатки всѣхъ книгъ, принятыхъ у насъ въ школахъ для II-го отд., такъ какъ это займетъ много времени, да и учителямъ всѣмъ хорошо извѣстно, что до сихъ поръ ни одна книга вполнѣ не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ. Лучшими книгами принято у насъ считать для этого года: Ушинскаго, „Родное Слово“, ч. II-я, Баранова, ч. II-я, Вешніе всходы, ч. II-я, но въ каждой изъ этихъ книгъ есть свои недостатки: въ книгѣ Баранова бѣденъ литературный отдѣлъ, но хороши статьи научныя. Книга „Родное Слово“, ч. II-я, достаточно знакома учителямъ—матеріалъ въ ней прекрасно расположенъ, много статей для бесѣдъ, много письменныхъ работъ, подготовляющихъ ученика къ грамматикѣ. Въ книгѣ „Вешніе Всходы“, ч. II-я, тѣ же недостатки, какъ и въ первой ч.; въ отдѣлѣ „Трудъ и Знаніе“ всѣ статьи, начиная съ 81-й стр. до 106, я считаю трудными для учениковъ II-го отдѣленія. Отдѣлъ изъ жизни животныхъ и растеній прекрасный въ смыслѣ разсказа и полезныхъ свѣдѣній. Лучшей книгой для II-го г. обученія и удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ для этого года являются книги: „Родное Слово“, ч. II-я, и Барышникова ч. II-я.

Выборъ книги для III-го г. обученія очень важенъ, потому что чтеніемъ по этой книгѣ ученики нашихъ школъ заканчиваютъ свое образованіе; чтеніе этой книги должно развить въ ученикѣ охоту къ самообразованію и поэтому она должна удовлетворять всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ для III-го г. обученія, и кромѣ того содержать въ себѣ статьи: изъ произведеній всѣхъ выдающихся русскихъ писателей (статьи, басни, стихи); статьи, знакомящія ученика съ законами общественными; статьи изъ русской исторіи и систематически составленныя статьи по родиновѣдѣнію и міровѣдѣнію.

Всѣмъ этимъ требованіямъ не въ состояніи удовлетворить ни одна изъ всѣхъ принятыхъ нами книгъ для III-го г. обученія и я позволю себѣ указать лучшія книги: „Вешніе Всходы“, Тихомирова, ч. III-я и IV, Баранова ч. III-я, „Дѣтскій Міръ“. Книга „Дѣтскій Міръ“, ч. I, имѣетъ слѣдующіе недостатки: отд. о природѣ, зоологическія статьи и очерки трудно изложены, историческія статьи малы и разсказаны они сказочно (Свят. Ольга); литературный отдѣлъ бѣденъ.

Книга Тихомирова содержитъ въ себѣ богатый литературный отдѣлъ, хорошія для разсказа историческія и географическія статьи и

прекрасныя статьи, дающія полезныя свѣдѣнія. Въ книгѣ Баранова только хорошъ географическій отдѣлъ. Въ заключеніе своего доклада я желаю сказать слѣдующее: при чтеніи географическихъ и историческихъ статей не слѣдуетъ требовать отъ учениковъ заучиванія разсказовъ, какъ это практикуется у насъ въ школахъ; достаточно, если ученикъ пойметъ статью, передастъ содержаніе, иногда напишетъ изложеніе, а затѣмъ сумѣетъ отвѣтить на предлагаемые устные вопросы. Заучиваніе статей отнимаетъ массу времени у учителя и учениковъ и впослѣдствіи учениками совершенно забывается.

Въ вопросѣ 5-мъ есть такой пунктъ: какихъ конечныхъ результатовъ должно достигать чтеніе по книгѣ церковной печати? На этотъ вопросъ я отвѣчу краткой программой. Для I-го г. обученія достаточно знакомство съ буквами и чтеніе текста на болѣе трудныя и сокращенныя слова (какъ у Барышникова или Тихомирова). Для II-го г. обученія—чтеніе и переводъ молитвъ и статей изъ Священной Исторіи Новаго Завѣта (какъ у Тихомирова). Для III-го г. обученія—чтеніе и переводъ Евангелія.

Итакъ, учебники, принятые въ нашихъ школахъ, не удовлетворяютъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ какъ по внутреннему содержанію, такъ, и по внѣшнему.

Лучшими книгами для чтеній я признаю:

1) Для I отд. „Родное слово, ч. I.“—Ушинскаго, Барышникова, книгу для чтенія, ч. I. Въ книгахъ этихъ помѣщенъ интересный, вполнѣ доступный для ученика млад. возраста матеріалъ и много развивающихъ ученика письменныхъ работъ.

2) Для II отд я считаю лучшими книгами: Ушинскаго, „Родное слово, ч. II, и кн. Барышникова, ч. II. Въ этихъ книгахъ помѣщены статьи, постепенно развивающія ученика; интересное и понятное содержаніе статей пріохотятъ ученика къ чтенію; въ нихъ онъ познакомится съ образцами русскихъ писателей, подготовится къ слушанію учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ III отд., а письменныя упражненія пріучатъ его къ письменному изложенію мыслей.

3) Для III ч. обученія я признаю лучшими: кн. „Вешніе всходы“, Тихомирова, ч. III и IV, какъ содержащую въ себѣ богатый литературный отдѣлъ, хорошія для разсказа и дающія полезныя свѣдѣнія статьи, много интересныхъ статей по исторіи и географіи.

4) Историческія и географическія статьи не должны заучиваться для разсказа, такъ какъ это и трудно и безполезно для ученика.

№ 9.

„Дружокъ“, азбука и первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія, Пастухова.

Докладъ учителя В. А. Голубева.

Авторъ, задавшись цѣлью составить книгу для чтенія по идеѣ нашего учителя воспитанія Ушинскаго, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ себя успѣхъ и признательность всѣхъ работниковъ народнаго труда воспитанія и обученія.

Я, съ своей стороны, хотя при бѣгломъ знакомствѣ съ ней, нашелъ ее въ высшей степени прекрасной, разумной въ полномъ смыслѣ значенія этого слова. Не буду касаться внѣшней стороны книги, подбора матеріала, расположенія и проч. съ воспитательной точки зрѣнія, значеніе всякой книги, въ особенности же дѣтской, заключается въ томъ, насколько она оставляетъ добрый слѣдъ въ душѣ ребенка. Для примѣра сопоставлю, сравню современныя и въ большинствѣ распространенныя книги для чтенія маленькимъ дѣтямъ: Букварь Тихомирова, Азбука и послѣ нея книга для чтенія, Баранова,—съ книгою Родное Слово, 1-й годъ, Ушинскаго. Когда много лѣтъ тому назадъ изъ нашихъ школъ изгнали Родное Слово 1-й годъ, то истинные друзья и поклонники Ушинскаго этимъ страшно были огорчены. Въ прошломъ году эта книга разрѣшена лишь для учительскихъ библіотекъ. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ воспитывался по этой первой книгѣ для чтенія, видимъ насколько глубокій слѣдъ остался, что мы, будучи уже взрослыми людьми, не только прекрасно ее помнимъ и знаемъ, но и продолжаемъ разсказывать, пѣть своимъ собственнымъ дѣтямъ чудесныя милыя сказочки, басенки и шутки Роднаго Слова. Это доказываетъ, насколько она драгоцѣнна по воспитательнымъ задачамъ. Но скажемъ ли мы это о букваряхъ Тихомирова или Баранова? Это мертвыя, безсодержательныя книги, наполненныя предвзятыми тенденціями. Спросите нашихъ школьниковъ, что имъ больше нравилось въ этихъ книгахъ? Вамъ не скажутъ. Они забыты, ихъ бросили, какъ бросаютъ ненужную, скучную вещь. Авторъ книги „Дружокъ“ справедливо замѣчаетъ, что книги безсмертнаго педагога и великаго знатока дѣтской души Ушинскаго на столько милы, что „съ книгою дѣти спать ложились“. Авторъ говоритъ: „я старался, чтобы книга моя была вполнѣ дѣтской интересной книгой.

Если она окажется таковой и будетъ другомъ дѣтей, буду считать свою задачу выполненной".

Я же, съ своей стороны, какъ членъ нашего съѣзда, высказываю, что эта книга по своему значенію есть второе „Родное Слово" и лучшая изъ всѣхъ нашихъ практикуемыхъ азбукъ. И прошу передать для разсмотрѣнія ея комиссіи съѣзда. И если эта учебная книга будетъ найдена достойной, то распространить ее въ нашихъ школахъ.

Все содержаніе этой книги составлено по духу Роднаго Слова 1-й годъ и съ дополнительными статейками Л. Н. Толстого.

Прекрасно въ ней сдѣлано, что большинство статескъ и отдѣльныя фразы, указывающія имъ на смыслъ этой статьи, такъ равно и для выразительнаго чтенія, напечатаны жирнымъ шрифтомъ.

Прекрасно сдѣлано и то, что авторъ, вопреки предубѣжденію всѣхъ насъ, отдалилъ изученіе азбуки на болѣе продолжительное время, помня дидактическое правило, что въ этомъ случаѣ въ особенности спѣшность вредна.

Книжка издана съ внѣшней стороны превосходно: крупная печать, хорошія художественныя картинки, очень полная и по цѣнѣ, 27 коп., доступная.

Есть въ книгѣ и недостатки, но, правда, не особенно существенные.

Одинъ существенный недостатокъ является не только въ этой азбукѣ, но и во многихъ другихъ—это пестрота страницы по причинѣ разныхъ величинъ печатныхъ, письменныхъ буквъ.

1) Столбцы словъ напечатаны однимъ размѣромъ.
2) Въ немъ изучаемые звуки—другимъ.
3) Строчки послѣ столбцовъ—третьимъ.
4) Письменное чтеніе—четвертымъ.
5) Письменное упражненіе—пятымъ.

№ 10.

Критическій обзоръ главнѣйшихъ азбукъ и книгъ для чтенія, употребляющихся въ настоящее время въ школѣ. 1. Какимъ условіямъ должна удовлетворять книга для чтенія въ каждый годъ обученія? 2. Выборъ книгъ для 1, 2 и 3 года обученія. 3. Какихъ конечныхъ результатовъ должно достигать чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати?

Докладъ учителя В. М. Булгакова.

Господа преподаватели! Въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ васъ я взялъ на себя трудъ отвѣтить на поставленный вопросъ программы, что и исполнилъ. Теперь прошу вашего вниманія выслушать мой трудъ, въ совершеніи котораго я дѣйствовалъ по своему разумѣнію, на основаніи опыта, и оцѣнить его строго, но съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, въ чемъ вы будете со мной согласны или несогласны.

Я начну свою критическую оцѣнку съ послѣдняго пункта программы вопроса. Чего долженъ достигать ученикъ, окончившій курсъ въ начальной земской народной школѣ? На этотъ вопросъ я отвѣчаю слѣдующее:

Ученикъ такой школы по книгамъ для чтенія совмѣстно съ другими работами долженъ достигнуть слѣдующихъ результатовъ: онъ долженъ научиться читать вразумительно, понимать, хотя не во всемъ объемѣ и глубинѣ, литературную рѣчь и передавать содержаніе прочитаннаго по возможности литературнымъ языкомъ; пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ находить связь между мыслями въ статьѣ и зависимость ихъ другъ отъ друга; научиться письменно излагать содержаніе прочитаннаго по возможности литературнымъ языкомъ; онъ долженъ пріобрѣсти любовь къ самообразованію; получить правильный взглядъ на рельефныя явленія природы, осмыслить свою жизнь въ семьѣ, обществѣ; нужно ему пріобрѣсти нѣкоторыя главнѣйшія понятія о дорогомъ, глубоковоспитывающемъ насъ, русскомъ государствѣ (долженъ познакомиться съ общимъ законовѣдѣніемъ); наконецъ, въ краткихъ чертахъ долженъ онъ познакомиться съ исторіейи географіей своего отечества. Такъ какъ вѣра Христова есть величайшій Божій даръ, потому что она людей изъ жестокихъ сдѣлала гуманными, изъ злыхъ сдѣлала добрыми, ею укрѣпляется семья, съ нею люди бываютъ терпѣливѣе: поэтому ученику должно сообщить въ достаточной мѣрѣ свѣдѣнія объ ученіи Господа нашего Іисуса Христа и Его святыхъ.

Какъ видите, господа, работа трудная и обширная, какъ для ученика, такъ и для учителя. А если мы обратимъ вниманіе на то, что въ школу поступаютъ, если не поголовно, то во всякомъ случаѣ великое большинство совершенно неподготовленныхъ 8-лѣтнихъ дѣтей, то она, эта работа, будетъ ужасающею. Вотъ почему между преподавательницами и преподавателями существуетъ поголовное недовольство угнетающимъ требованіемъ отъ ученика.

Но, господа, какъ бы ни была ужасающею эта работа, она необходима, потому что требуется современною жизнію. Поэтому отказываться отъ нея мы не должны, а съ Божіею помощію продолжать свой тяжелый трудъ, изыскивая средства къ его облегченію. Средства же эти находятся въ хорошихъ книгахъ, въ хорошихъ методахъ обученія и въ учебномъ времени.

Теперь разсмотримъ, достаточно ли хороши наши книги для народной школы. Начнемъ съ букваря и первой книги послѣ букваря. Но, чтобы хорошенько оцѣнить наши буквари, приходится прежде сказать о томъ, какого чтенія ученикъ долженъ достигнуть въ 1-й годъ обученія и какимъ условіямъ должна удовлетворять книга для чтенія въ младшемъ отдѣленіи.

Въ 1-й годъ мы должны ученика научить читать хотя не бойко, но правильно и по возможности выразительно, останавливаясь на знакахъ препинанія; чтобы ученикъ понималъ значеніе словъ и умѣлъ пересказывать краткія мысли съ пониманіемъ.

Для 8-лѣтняго дитяти, совершенно неподготовленнаго, книга для чтенія должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: въ ней должны быть статьи коротенькія, легкія, но занимательныя и симпатичныя. Сначала скажемъ о легкости статей. Тѣ статьи читаются учениками легко, въ которыхъ нѣтъ хитросплетенныхъ словъ; въ которыхъ нѣтъ словъ длинныхъ, труднопроизносимыхъ даже взрослыми; въ которыхъ нѣтъ словъ, не вызывающихъ никакихъ представленій о предметахъ въ умѣ ученика. Трудно читаются тѣ статьи, въ которыхъ слова вызываютъ представленія смутныя, которыя путаютъ мысли, и ученикъ составляетъ изъ нихъ ложныя понятія или же полупонятія, если можно такъ выразиться. Тѣ статьи занимательны для ученика, въ которыхъ содержаніе, главная мысль, прямо бросается въ глаза, въ которыхъ форма соотвѣтствуетъ содержанію. Тѣ статьи не занимательны для ученика, въ которыхъ слова не соотвѣтствуютъ содержанію мысли, т. е. когда мысль совсѣмъ не обширная, но растягивается въ длинную вереницу словъ. Читать такія статьи мы называемъ скучнымъ. Тѣ статьи не занимательны, въ которыхъ мысли малосвязныя или предложенія обры-

вистыя, мысли не доконченныя. Статьи трудно читаются, когда предметъ слишкомъ великъ и серіозенъ для 8-лѣтняго возраста.

Теперь очередь дошла до букваря. Изъ всѣхъ букварей, мнѣ извѣстныхъ, я считаю болѣе пригоднымъ букварь Баранова, помѣщенный въ 1-й книгѣ „Наше Родное". Это я считаю потому, что онъ болѣе другихъ приближается къ истинѣ звуковаго нѣмецкаго метода. Всѣ составители букварей, мнѣ думается, невѣрно поняли звуковой методъ. Они думаютъ (кажется, не ошибаюсь), что только стбитъ расположить звуки въ постепенной трудности, а тамъ подбирай на эти звуки какія угодно слова — и дѣло окончено! Вотъ въ этомъ-то и состоитъ ихъ ошибка. Звуки расположить въ постепенной трудности по сліянію, это еще не все, это только начало. Сущность звукового метода и всякаго другаго, по которому учатъ читать, состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти понятіе и бѣглый навыкъ сливать звуки между собою, или одинъ съ другимъ. Поэтому не нужно задаваться на первыхъ порахъ обширнымъ планомъ, не нужно, чтобы ученикъ сразу сливалъ много звуковъ, что заставляютъ дѣлать наши буквари, а чтобы онъ сливалъ только два или три звука; когда же научится хорошо, скоро и безъ труда сливать три звука, онъ тогда понялъ, въ чемъ состоитъ чтеніе, ему уже легко будетъ слить четыре и болѣе звуковъ. Вотъ почему въ нѣмецкихъ букваряхъ, пока не пройдены всѣ звуки, нѣтъ трехсложныхъ словъ, а только односложныя и двухсложныя, напримѣръ: Buch (книга), Bach (ручей), Schule (школа), sein (быть). Въ нѣмецкомъ букварѣ также нѣтъ стеченія 3-хъ согласныхъ звуковъ, а въ нашихъ букваряхъ нерѣдко бываетъ четыре и пять звуковъ между двумя гласными.

Итакъ, для 1-го года обученія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать болѣе пригодною азбуку Баранова, затѣмъ статьи изъ новой азбуки гр. Толстого и „Наше Родное", 1-й годъ. Этотъ матеріалъ долженъ быть признанъ учебнымъ руководствомъ, или учебникомъ, а добавленіемъ къ нему могутъ служить и другія книги. Особенно 2 книги гр. Толстого, послѣднія, хороши для выработки механическаго чтенія. Передъ статьями 1-й книги Баранова я затѣмъ предпослалъ статейки изъ Н. азбуки Толстого, чтобы сгладить рѣзкій переходъ отъ азбуки, такъ какъ статьи въ книгѣ Баранова по времени еще очень трудны для школьника, а у Толстого онѣ несравненно легче. Книга „Наше Родное", 1-й годъ, пригодна для класснаго чтенія; но она имѣла бы еще болѣе достоинствъ, когда была бы пополнена статьями: о любви къ родителямъ дѣтей, о честности, скромности;— разсказами: о сиротахъ, дружбѣ, бѣдности;— загадками, которымъ Ушинскій придавалъ въ этомъ возрастѣ большое педагогическое значеніе.

„*Наше Родное*“, 2-й годъ. 1-й отдѣлъ этой книги распадается на двѣ части. Въ 1-й части помѣщены библейскіе разсказы на славянскомъ языкѣ. Я не понимаю педагогической цѣли въ этомъ. Чему здѣсь нужно учиться: славянскому или русскому языку? Русскому, конечно, нельзя, а если славянскому, то, во-первыхъ, едва ли можно начинать во 2-й годъ съ этого, такъ какъ въ 1-й годъ по-славянски проходится еще очень немного; во-вторыхъ, такого матеріала для упражненій въ славянскомъ языкѣ здѣсь очень мало, при чемъ бо́льшая часть его гораздо труднѣе, чѣмъ Евангеліе, евангельскія исторіи. Дѣло другое, если бы этотъ матеріалъ былъ изложенъ русскимъ языкомъ, примѣнительно къ возрасту, тогда его съ большою пользою можно было бы читать и здѣсь.

Вторая часть отдѣла напечатана по-русски, но половина статей этой части еще очень трудна для ученика, только-что перешедшаго во 2-е отдѣленіе. Такъ, напримѣръ, статьи: Какъ трудиться во славу Божію; Блаженъ, иже и скоты милуетъ; Чему насъ учатъ муравей и пчела—можно безъ труда читать только въ старшемъ отдѣленіи. 2-й отдѣлъ книги весь хорошъ. 3-й отдѣлъ тоже хорошъ, но его слѣдуетъ пополнить. Въ немъ мало ботаническихъ свѣдѣній, почти нѣтъ свѣдѣній изъ минералогіи, о явленіяхъ природы недостаточно. Напримѣръ: какъ испаряется вода—есть, а отчего происходятъ громъ и молнія—нѣтъ.

Историческій и географическій отдѣлы у г. Баранова перенесены сполна въ 3-ю книгу, предназначенную для старшаго отдѣленія. Но такая масса свѣдѣній тамъ трудно переваривается, потому что ученикъ по этимъ предметамъ бываетъ неподготовленъ. Отсюда вытекаетъ необходимость подготовки ученика въ среднемъ отдѣленіи по этимъ предметамъ. Возможно ли это, мнѣ возразятъ. Возможно и нисколько незатруднительно, отвѣчаю я. Только стóитъ написать исторію въ краткихъ біографическихъ очеркахъ, легкимъ слогомъ, и она будетъ читаться здѣсь съ охотою. Что и дѣлается въ нѣмецкихъ школахъ. Если главнѣйшія географическія свѣдѣнія будутъ изложены въ краткихъ описаніяхъ или картинахъ легкимъ слогомъ ясно и связно, то онѣ будутъ также усвоены безъ труда при помощи географической карты.

3-я книга „*Наше Родное*“, Баранова.—Относительно этой книги я могу сказать, что исторію и географію для начальной народной школы едва ли кому придется написать лучше. Здѣсь тотъ и другой предметъ изложены кратко, но главнаго въ предметахъ не опущено и матеріалъ расположенъ систематически. Въ доказательство систематичности, я представляю слѣдующія соображенія. Наша русская исторія распадается на эпохи: 1) Русь удѣльно-вѣчевая. 2) Русь подъ владычествомъ та-

таръ. 3) Русь Московская. 4) Новая Россія. Для начальной школы всѣ эти эпохи невозможно, конечно, описать подробно; а нужно, такъ сказать, отмѣтить главнѣйшіе пункты въ исторіи. Выполняя такую программу, г. Барановъ и представляетъ намъ ходъ главныхъ картинъ, главныхъ событій нашей исторіи, обрисовывая то или другое событіе настолько, насколько оно необходимо, чтобы 10-лѣтній мальчикъ могъ познакомиться съ прошлымъ своего отечества. Такъ, каждому изъ русскихъ людей интересно знать, какъ началось русское государство, и этому желанію авторъ книги удовлетворяетъ, описывая призваніе князей. Кѣмъ и какъ управлялось русское, еще языческое государство послѣ Рюрика, не оставлено имъ также безъ вниманія. Въ эту эпоху появился величайшій пунктъ нашей исторіи—это принятіе русскими христіанской вѣры. Это событіе величайшее, потому что вмѣстѣ съ вѣрою перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало-по-малу проникать въ составъ государства. Такимъ образомъ, вѣра Христова подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера. Ученикъ начальной школы знакомится съ этимъ величайшимъ пунктомъ исторіи, ему авторъ представляетъ разсказъ о крещеніи Руси. Правда, здѣсь есть пробѣлъ. Авторъ не описалъ намъ жизни князя Владиміра какъ язычника и какъ христіанина, а это показало бы дѣтямъ наглядно, осязательно, что христіанская религія есть величайшее воспитывающее средство. Въ эту эпоху жизнь русскихъ людей постепенно и быстро совершенствовалась, вырабатывались все новые и новые идеалы и правила жизни. На большомъ протяженіи времени этой эпохи между другими появляются замѣчательные наши древне-русскіе князья: Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ и Андрей Боголюбскій. Первые два во многомъ напоминаютъ Владиміра Святаго, и ихъ жизнь для дѣтей весьма воспитательна, третій князь замѣчателенъ тѣмъ, что онъ стремился къ единодержавію, чего послѣ достигла Московская Русь.

Во внутренней дѣятельности Ярослава видно сильное вліяніе христіанства, и она рѣзко отличается отъ дѣятельности первыхъ князей, Олега и Святослава. Онъ заселялъ пустынныя мѣста, строилъ новые города (Юрьевъ и Ярославль), распространялъ христіанство среди подвластныхъ племенъ и устраивалъ церковь, распространялъ грамотность, построилъ замѣчательные Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ, издалъ 1-й сборникъ законовъ (Русская Правда). Ярославъ былъ одинъ

изъ любимѣйшихъ князей въ древней Руси и за свою дѣятельность получилъ прозваніе „Мудраго“.

Послѣ смерти Святополка II-го (1119—1125 г.) вел. княз. сдѣлался Вл. Мономахъ. Мономахъ пользовался большою любовію народа, еще будучи удѣльнымъ княземъ. Онъ оставилъ своимъ дѣтямъ прекрасное поученіе. Исторія объ немъ говоритъ: предыде тіуны (древне-русскія должностныя лица разныхъ разрядовъ) и отроки грабили безъ вѣдома князя. Мономахъ не давалъ обижать ни худаго смерда, ни убогой вдовицы, а самъ давалъ правду, судъ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владиміра. Лѣтописецъ, говоря о смерти Мономаха, замѣчаетъ: „преставился благовѣрный, христолюбивый и великій князь всея Руси, который, какъ солнце, освѣтилъ русскую землю; слухъ о немъ пронесся по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русскую землю; и весь народъ и всѣ люди плакали о немъ, какъ дѣти по отцѣ или по матери“.

Во 2-й половинѣ XII вѣка русская земля распадается на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ. Мѣсто столицы занимаетъ Владиміръ. Возвышается Ростовско-Суздальское княжество. Въ это время появляется новое славянское племя, великоруссы. Великоруссы – это смѣшеніе финскихъ племенъ съ славянскими. Оно не походило ни на полянъ, ни на древлянъ, ни на новгородцевъ. Въ это время происходитъ усиленная колонизація земель. Въ Ростовско-Суздальской землѣ она достигла высокаго развитія при Юріи Долгорукомъ; но первымъ настоящимъ великорусскимъ княземъ былъ сынъ его, Андрей Боголюбскій. Вотъ, по-моему почему, нужно бы написать о всѣхъ трехъ этихъ замѣчательныхъ князьяхъ. Но у г. Баранова ихъ нѣтъ, почему-то они опущены. Вѣроятно, онъ не хотѣлъ расплываться, не хотѣлъ останавливаться долго на описаніи этой далекой отъ насъ эпохи. Но если у г. Баранова здѣсь находится пробѣлъ, зато дальше уже у него нѣтъ никакихъ. Дальше все послѣдовательно, отъ начала татарской неволи до великаго Царя-Освободителя, до послѣдней турецкой войны—все изложено хорошо. Нѣкоторые обвинятъ автора въ сухости его разсказовъ, въ трудности его языка. На это я скажу, что сухость и трудность здѣсь неизбѣжны. Здѣсь написанъ не романъ и не подробная художественная исторія. Авторъ, по всей вѣроятности, старался какъ можно не увеличивать объема книги, поэтому и избѣгалъ расплывчивости, водянистости, сочности въ своихъ разсказахъ, а старался, чтобы главнаго-то не было опущено въ книгѣ. Въ этомъ отношеніи книга Баранова безукоризненно хороша. Только почему-то въ началѣ 1-го

отдѣла статьи напечатаны по славянски. Если бы эти статьи, съ богатымъ содержаніемъ изъ міра религіозно-нравственнаго, были изложены на русскомъ языкѣ, то онѣ служили бы превосходнымъ чтеніемъ, чего нельзя сказать теперь. Современное положеніе школы требуетъ, чтобы ученику преподавались свѣдѣнія по русскому общему законовѣдѣнію, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и гигіенѣ. Въ этомъ отношеніи книга Баранова будетъ неполна. Мнѣ могутъ возразить, возможно ли проходить всѣ эти предметы въ народной школѣ? Въ небольшомъ объемѣ возможно изучать эти предметы въ старшемъ отдѣленіи, если только исторію и географію, какъ я выше сказалъ, будемъ начинать учить въ среднемъ отдѣленіи, а грамматическихъ тонкостей не будетъ требоваться, буква же ѣ не будетъ усердно изучаться.

Родное Слово, 2-й годъ, Ушинскаго. Это хорошая книга для чтенія, слогъ ея легкій, состоитъ она изъ короткихъ статеекъ, мысль статьи облечена въ красивую форму, содержаніе симпатичное и возбуждающее умъ малютки на размышленіе. Статейки этой книги своею симпатичностью мягчатъ сердце дитяти, воспитываютъ въ немъ эстетическое чувство своею художественною формою, кладутъ основы человѣческой нравственности въ его душѣ своимъ привлекательнымъ содержаніемъ, а статьи изъ *„Дѣтскихъ воспоминаній“* воспитываютъ въ немъ и религіозное чувство. Эта книга, какъ и книга Баранова, можетъ служить учебникомъ въ среднемъ отдѣленіи; конечно, ее также нужно будетъ пополнять историческими и географическими свѣдѣніями.

Дѣтскій міръ и *Хрестоматія*, книга для класснаго чтенія въ двухъ частяхъ, Ушинскаго. Эта книга нѣсколько устарѣла и можетъ служить лишь нѣкоторымъ пособіемъ.

Родина. Сборникъ для класснаго чтенія въ 3-хъ частяхъ, А. Радонежскаго. Эта книга тоже устарѣла.

Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. *Учебное пособіе* для народныхъ училищъ, Паульсона. Эта книга обладаетъ достоинствами, но тяжеловата для изученія нѣкоторою растяжимостью мыслей, притомъ она не приспособлена ни къ одному отдѣленію. Изъ нея можно читать по выбору и въ 1, и во 2, и въ 3-мъ отдѣленіяхъ, а чтобы всю цѣликомъ въ какомъ-нибудь одномъ—невозможно. Слѣдовательно, она можетъ служить только пособіемъ.

Книга *„Ручеекъ“* не имѣетъ надлежащихъ достоинствъ. Въ ней мало матеріала, матеріалъ мало обработанъ и форма изложенія не отличается изящностью. Книга эта не приспособлена ни къ одному отдѣленію.

Вешніе всходы 2-я, 3-я и 4-я часть, Тихомирова. Это прекрасные сборники, не имѣющіе себѣ равныхъ въ народной русской литературѣ. Для домашняго чтенія — это настольная книга. Ее съ удовольствіемъ прочтутъ, не всю, конечно, дѣти, а взрослые всю дома, она и въ классѣ можетъ служить прекраснымъ пособіемъ, но учебникомъ все-таки быть она не можетъ, особенно 3-я и 4-я части, потому что въ этой книгѣ очень много собрано матеріала; матеріалъ этотъ по внѣшности какъ-будто расположенъ въ порядкѣ, но если вникнуть глубже, то окажется, что тутъ нѣтъ внутренней связи, нѣтъ системы въ расположеніи этого матеріала. Доказывать все это не входитъ здѣсь въ мою обязанность, да и времени нѣтъ. Имѣя подъ руками такіе сборники, учитель не можетъ разобраться въ матеріалѣ и правильно вести чтеніе. Матеріала въ 3-й и 4-й частяхъ очень много, а между прочимъ много для класса и ненужнаго, напримѣръ; „*Два пути*“, *Лѣтописецъ*, „*Димитрій Самозванецъ*“, Пушкина, и много другихъ. Много матеріала, а между прочимъ многаго и нѣтъ нужнаго для класса, напримѣръ: нѣтъ тамъ описанія Москвы и Петербурга, нѣтъ внутреннихъ губерній Россіи, мало обрисована Екатерина Великая, нѣтъ тамъ Пушкина и такъ далѣе. Въ этой книгѣ множество стихотвореній, содержащихъ глубокое чувство того или другаго поэта, слѣдовательно недоступныхъ дѣтскому чувству по своей глубинѣ, напримѣръ стихотвореніе „Изъ Апокалипсиса“, стр. 87, *Пловецъ*, Языкова.

О методахъ преподаванія я не буду говорить, потому что, насколько мнѣ извѣстно, въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда они стоятъ на своей высотѣ, а объ учебномъ времени напишетъ другой.

ТЕЗИСЫ:

1. Буквари страдаютъ подборомъ трудныхъ словъ. Букварь Баранова страдаетъ менѣе другихъ.

2. *Наше Родное*, 1-й годъ, хороша, но ей нужно предпослать статьи изъ Новой азбуки гр. Толстого.

3. *Наше Родное*, 2-й годъ, имѣетъ хорошія и отрицательныя стороны.

4. 3-я кн. *Наше Родное* хороша, но противъ статей на славянск. языкѣ дѣлаю возраженіе.

5. *Родное Слово*—превосходная книга.

6. Въ книгахъ „*Вешніе всходы*“ указаны недостатки и достоинства

7. Разборъ книгъ Паульсона и другихъ.

№ 11.

Критическій обзоръ главнѣйшихъ азбукъ и книгъ для чтенія, употребляющихся въ настоящее время въ школѣ.

Докладъ учителя Я. В. Миловидова.

Для начинающихъ, чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ, нужно было бы такую книжку, которая, при множествѣ хорошихъ и точныхъ, сравнительно, рисунковъ, давала бы богатый матеріалъ не только для бесѣдъ, разсказа и объяснительнаго чтенія, но и для письменныхъ упражненій. Книга для чтенія такъ тѣсно связана въ элементарномъ курсѣ съ письменными упражненіями, что положительно невозможно раздѣлить то и другое. Между тѣмъ, въ букваряхъ, въ настоящее время болѣе принятыхъ и распространенныхъ въ народной школѣ—Тихомирова, Баранова и Бунакова этого нѣтъ, или же, если есть, то очень мало. Я скажу нѣсколько словъ относительно букваря Д. И. Тихомирова.

1) Книга эта выдержала около 150 изданій; но школа идетъ впередъ вмѣстѣ съ жизнію, а потому и книга эта уступаетъ требованію. Расположеніе же буквъ и подборъ словъ на каждую букву очень хороши, хотя букву М, какъ не легко поддающуюся сліянію,—слѣдовало бы изъ первыхъ уроковъ отнести къ болѣе труднымъ, какъ это сдѣлано въ букваряхъ Вахтерова и Гречушкина. На 7-й стр. въ букварѣ Тихомирова, начиная съ 9-го урока, подъ столбцами помѣщены короткія предложенія и отдѣльныя слова. На нѣкоторыхъ урокахъ подобными отдѣльными словами и предложеніями замѣщены цѣлыя страницы. Слова такъ трудны, что почти не представляется никакой возможности читать съ учениками, съ трудомъ произносимыя взрослыми. (Напр: Малинникъ, именинникъ, чулочникъ, прадѣдушка и т. п.).

2) Что же касается до статей для чтенія послѣ букваря, то онѣ, по трудности своей, почти ни въ одномъ училищѣ не читаются съ учениками.

3) Славянскій отдѣлъ хорошъ.

4) Затѣмъ въ букварѣ Тихомирова помѣщены первоначальныя упражненія въ счисленіи, ни къ программѣ, ни къ возрасту учениковъ не приспособленныя. Въ программѣ, утвержденной 7-го февраля 1897 г., сказано: „въ первый годъ обученія—счетъ прямой и обратный до 100 и четыре дѣйствія въ предѣлѣ первыхъ двухъ десятковъ.“ Въ букварѣ

Тихомирова на всѣ четыре дѣйствія до 100 и притомъ такія помѣщены формолы, что и въ среднемъ отдѣленіи едва ли будутъ подъ силу, (напр. 96:8+84:3+64:4), или какъ напр. на 103 стр. помѣщена задача: „Два крестьянина взяли въ аренду землю за 82 руб., одинъ взялъ за себя 6 десятинъ, а другой 2. Сколько заплатилъ каждый?

Подобную задачу затруднится рѣшить и ученикъ старшаго отдѣленія. Главнѣе всего, какъ я выше сказалъ, что чтеніе тѣсно связано съ письменными упражненіями,—въ букварѣ Тихомирова ихъ совсѣмъ нѣтъ. Приходится учителю письменную работу подбирать изъ другихъ учебниковъ или придумывать и составлять самому, тогда какъ у учителя, съ тремя отдѣленіями, время дорого и каждая минута разсчитана. Изъ вновь вышедшихъ букварей заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія букварь Вахтерова. Букварь этотъ имѣетъ большое сходство съ букваремъ Горбунова-Посадова, но лишь имѣетъ то преимущество предъ нимъ, что онъ снабженъ массою картинокъ подъ каждою буквою, подписанныхъ не всѣми буквами, а съ пропусками, и на мѣстѣ пропущенныхъ буквъ стоятъ точки. Списывая, ученики сами должны придумать и написать значеніе картинки и какія буквы пропущены. Это служитъ хорошимъ письменнымъ упражненіемъ, а также пріучаетъ учениковъ къ самостоятельному мышленію. Въ букварѣ Вахтерова помѣщены письменныя упражненія, но ихъ крайне недостаточно. Въ особенности слѣдовало бы побольше помѣстить статей, какъ „Перепелка и Перепелята“ и „Два товарища,“ т.-е. придумать отвѣты къ подобраннымъ вопросамъ, но въ систематической ихъ трудности. Сначала безъ предлоговъ, потомъ съ предлогами. Славянскій отдѣлъ, помѣщенный въ букварѣ Вахтерова, отвѣчаетъ требованію. Я бы просилъ съѣздъ принять въ нашихъ земскихъ школахъ этотъ букварь, какъ лучшую книгу.

№ 12.

Грамматика и правописаніе, отвлеченность грамматическихъ знаній и трудность усвоенія этихъ знаній и навыковъ правописанія; болѣе легкое и болѣе трудное для дѣтей въ грамматикѣ и правописаніи; минимальная программа грамматическихъ знаній необходимыхъ для правильнаго изложенія мыслей.

Докладъ уч. Я. В. Миловидова.

Знаніе грамматики и приложеніе его на письмѣ выражалось слѣдующимъ постановленіемъ Училищнаго Совѣта: „къ концу 3-го года

написать диктуемый отрывокъ безъ пропуска и искаженія словъ". Сюда слѣдуетъ прибавить: „и умѣть приложить главныя правила правописанія, которыя указаны программою". Такъ это постановленіе Училищнаго Совѣта гг. преподавателями и понималось и понимается. Но жизнь беретъ свое. Послѣдній разъ предъявленные со стороны Училищнаго Совѣта диктанты, кстати и ариѳметическія задачи, не столь легки и просты. Если бы были предложены такіе образцы для диктанта, которые имѣютъ мѣсто только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и тогда бы наша школа не посрамилась. Въ этомъ мы радуемся,—ибо такова сила взгляда. (Это дѣлаетъ намъ честь, а прочимъ удовольствіе). Усовершенствоваться и развиваться въ какомъ-либо изъ предметовъ имѣетъ свою прелесть, но до тѣхъ поръ, пока не ведетъ въ ущербъ другимъ предметамъ. У насъ школа не должна спеціализировать, (если можно такъ выразиться) какіе-либо отдѣльные предметы, это не отдѣльные классы русскаго языка, въ частности русскаго правописанія,—а это одно изъ просвѣтительныхъ учрежденій въ нашей деревнѣ, весь смыслъ котораго: „утверждать въ народѣ религіозно-нравственныя понятія и распространять въ народѣ полезныя свѣдѣнія". Но, взглянувъ поглубже на нашу работу, увидимъ, что мы далеко не дѣлаемъ того, что намъ указано. За исключеніемъ малой доли осмысленныхъ работъ, ее можно назвать „школой русскаго правописанія и ариѳметики". И правда, что мы въ продолженіе, напримѣръ, дня по росписанію дѣлаемъ?—Грамматика, русское чтеніе, ариѳметика, грамматическія упражненія, диктантъ. Это такъ во всю недѣлю, также съ 1-го до 3-го года. Мы должны отрѣшиться отъ той справедливой мысли, что грамматика мало полезная вещь, потому что практика выработала противоположный взглядъ и едва ли можно считаться съ дѣйствительностію: никакихъ снисхожденій не будетъ той школѣ, гдѣ осмѣлятся пренебречь этимъ предметомъ; мы находимся всецѣло въ силѣ и въ крѣпкихъ объятіяхъ той пресловутой грамматики, противъ которой недавно хотѣли объявить войну. При настоящихъ требованіяхъ болѣе всего обращается вниманіе на грамматику и диктантъ. Школа, стараясь удовлетворить этому требованію, выпускаетъ дѣтей пишущихъ подъ диктовку правильно, но подъ диктантъ они пишутъ не вслѣдствіе привычки къ чтенію и письму, а по нѣкоторымъ заученнымъ ими правиламъ, которыя они по выходѣ изъ школы скоро забываютъ. Наконецъ, годъ отъ году все болѣе и болѣе требуется подробный грамматическій разборъ, собственно терминовъ и грамматическихъ формъ, такъ напримѣръ: „Какія бываютъ мѣстоименія? Чѣмъ бываютъ въ предложеніи имя существительное и прилагательное?"и т. п. При письмѣ подъ диктантъ на экза

менахъ подчеркиваются и признаются за ошибки самыя грамматическія тонкости; даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ получаются разногласія въ диктантахъ самихъ спеціалистовъ. Напримѣръ, буква ѣ въ корняхъ: *лѣкарь—лекарь*; *хмѣль—хмель*, или относительно другихъ гласныхъ,—*пискарь—пескарь*, *расти—рости*; также и въ правописаніи суффиксовъ *мачиха—мачеха*, *мужчина*, *мущина*,—*мужщина* (послѣднее наиболѣе правильно). Что же касается до приставокъ, то здѣсь является едва ли не самое главное разногласіе и неправильное толкованіе во всѣхъ учебникахъ правила о приставкахъ *из—воз—низ—раз*, съ такимъ же неправильнымъ исключеніемъ относительно *без* и *чрез* Послѣдователи Буслаева напишутъ *возчувствую*, *изцѣлю*. Послѣдователи Говорова и Кирпичникова съ Гиляровымъ *восчувствую*, *исцѣлю*. И если бы кто либо изъ учениковъ во время диктанта на экзаменѣ написалъ одно изъ подобныхъ разногласій, то ему бы подчеркнули и сосчитали бы за ошибку, тогда какъ самъ Пушкинъ не церемонился съ орѳографіей напр. въ письмахъ къ своей супругѣ. (*Въ церкви*, *въ Казани*, *на кладбище*, *о здоровье* и т. п.). Но если великимъ людямъ не вмѣняются такіе грѣшки, то ученикамъ народныхъ школъ, а съ ними и ихъ учителямъ за тѣ же самые грѣшки подчасъ приходится: первымъ горько, а послѣднимъ солоно!

На орѳографическомъ конгрессѣ въ С.-Петербургѣ пришли къ нѣкоторому упрощенію относительно правописанія именъ прилагательныхъ: во множественномъ числѣ всѣхъ родовъ одно окончаніе ые—іе; однако это упрощеніе не привилось и, если теперь кто изъ учениковъ сельскихъ школъ сдѣлаетъ подобную ошибку въ сложности съ другими, лишается права на полученіе льготнаго свидѣтельства. Итакъ, если у многихъ спеціалистовъ въ диктантахъ получаются разногласія, то какъ же намъ-то, учителямъ народныхъ школъ, научить въ три года писать безъ ошибокъ, или же считать за ошибки да еще грубыя, если ученикъ въ суффиксахъ напишетъ *енькій* или *инькій* или въ окончаніи им. сущ. *икъ*, и *екъ* а если предъявляются такія требованія по грамматикѣ и диктанту, то и времени въ ущербъ другимъ предметамъ, приходится тратить больше, что и подтверждаютъ отвѣты народныхъ учителей земскихъ школъ Московской губерніи, гдѣ большею частію указывается на то же, „что въ ущербъ преподаванію другихъ предметовъ приходится больше тратить времени на преподаваніе грамматики и обращать особое вниманіе на диктантъ“. Представляется весьма интереснымъ выяснить, какія же въ дѣйствительности цѣли преслѣдуетъ грамматика, преподаваніе которой является трудомъ наиболѣе тяжелымъ, особенно много отнимающимъ времени у учителей. Выяснить это пред-

ставляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что въ педагогической литературѣ относительно цѣли обученія грамматикѣ до сихъ поръ еще нѣтъ опредѣленныхъ указаній и мнѣнія по этому предмету различныхъ педагоговъ замѣтно очень расходятся и даже далеко не всегда отличаются желательною точностію. Л. Н. Толстой отвѣчаетъ слѣдующее:

„Единственное объясненіе необходимости грамматики, кромѣ требованія на экзаменахъ, можетъ быть найдено въ приложеніи ея къ правильному изложенію мыслей. Въ своемъ личномъ опытѣ я не нашелъ этого приложенія, не нахожу его въ примѣрахъ жизни людей, не знающихъ грамматики и пишущихъ правильно, и кандидатовъ филологіи, пишущихъ неправильно. Въ своемъ сочиненіи („Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ") Д. И. Тихомиревъ отмѣчаетъ, что еще въ недавнемъ прошломъ значеніе грамматики опредѣлялось такъ: „русская грамматика учитъ правильно говорить, читать и писать по-русски"; но въ настоящее время,—говоритъ онъ,—грамматикѣ не придаютъ такого значенія. Русскаго ребенка не грамматика учитъ говорить по-русски: устной рѣчи ребенокъ научается путемъ подражанія взрослымъ; стилистическія особенности литературнаго языка ребенокъ усваиваетъ практически, чрезъ близкое ознакомленіе съ образцовыми писателями. Грамматика говорить не научитъ; не грамматика учитъ читать и писать, грамматика не поможетъ усвоенію навыковъ толковаго чтенія и письма. Не научитъ вполнѣ грамматика и правописанію, хотя въ настоящее время многіе оправдываютъ введеніе грамматики въ программу начальной школы исключительно орѳографическими соображеніями. Грамматика далеко не обнимаетъ собою всѣхъ орѳографическихъ случаевъ, и добросовѣстно изучившій русскую грамматику, а особенно элементарную, будетъ во многомъ все-таки погрѣшать противъ общепринятой орѳографіи, такъ какъ орѳографія наша основывается не на грамматикѣ только, но и на обычаѣ: научитъ ли, напримѣръ, грамматика употребленію буквы ѣ? Кромѣ того, многія орѳографическія правила, хотя и занимаютъ мѣсто въ грамматикѣ, но не основываются ни на какихъ грамматическихъ законахъ и къ грамматикѣ никакаго отношенія не имѣютъ. Я не говорю, чтобы совсѣмъ уничтожить орѳографію, но изучать ее постольку, поскольку это требуется для письменнаго изложенія, а къ диктантамъ относиться болѣе снисходительно. Обучать правильному письму въ предѣлахъ той программы, которая даетъ право льготы при отбываніи воинской повинности, гдѣ говорится такъ: „учащіеся должны умѣть написать диктуемый отрывокъ безъ пропуска и искаженія словъ. „Является вопросъ: какъ понимать значеніе слова „безъ искаженія"? Будетъ ли это искаженіемъ словъ или

нѣтъ, если ученикъ напишетъ *бьда—беда, разкидалъ—раскидалъ*, ые или ыя, *чикъ—чекъ* и т. п. Мнѣ кажется, что въ такихъ случаяхъ нѣтъ никакаго искаженія словъ".

Минимальная программа по грамматикѣ.

1-й годъ обученія.

Буквы гласныя и согласныя. Дѣленіе словъ на слоги и переносъ части слова въ новую строку. Буквы прописныя и строчныя. Употребленіе прописныхъ буквъ въ именахъ людей, но не во всѣхъ именахъ собственныхъ. Ъ и Ь, знаки въ концѣ словъ (хотя разрабатывается вопросъ объ уничтоженіи этихъ знаковъ, но они легко даются ученикамъ и не затрудняютъ ихъ, если только исключить различіе послѣ шипящихъ буквъ). Ь въ серединѣ словъ между гласною и согласною, который долженъ замѣнять и твердый знакъ. Употребленіе И и І до тѣхъ поръ, пока одно изъ нихъ не будетъ совсѣмъ уничтожено.

2-й годъ.

Имя существительное; родъ, число, падежныя окончанія по вопросамъ. Мѣстоименія личныя, замѣняющія имя существительное. Глаголъ, времена и лица. Предлогъ отдѣльно и въ видѣ приставки. Что касается буквы Ѣ въ глаголахъ, то его слѣдовало бы совсѣмъ исключить, такъ какъ приходится много заучивать неправильныхъ глаголовъ, наприм., *сидѣть, глядѣть* Ѣ, а *тереть, перетъ* Е, или *имѣю, умѣю* Ѣ, а *брею, блею* Е; *имѣли, пѣли* Ѣ, а *плели* Е,—все это сильно запутываетъ учениковъ. Опредѣленіе надлежащей буквы въ случаяхъ не яснаго произношенія въ словѣ согласнаго или гласнаго звука. Употребленіе точки.

3-й годъ.

Имя прилагательное; согласованіе его съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, падежныя окончанія; степени сравненія, полное и краткое окончанія именъ прилагательныхъ. Имя числительное: порядковое и количественное. Что же касается нарѣчія, предлоговъ, союзовъ и междометій, то ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ изучать, такъ какъ и въ министерской программѣ, утвержденной 7 февр. 1897 г., объ этихъ частяхъ рѣчи ничего не говорится.

При прохожденіи синтаксиса опредѣленіе понятія о предложеніи совершенно не должно имѣть мѣста въ народной школѣ. Нѣтъ надобности объяснять ученикамъ: подлежащее и сказуемое, опредѣленіе и дополненіе, а придерживаться такого порядка, какъ это у Ушинскаго. Напр: *вчера за нашимъ садомъ крестьянинъ пахалъ поле сохою очень усердно.* О комъ

здѣсь говорится? Что о немъ говорится? Что онъ пахалъ? Поле. Чѣмъ онъ пахалъ? Сохою. Когда онъ пахалъ? Вчера. Гдѣ онъ пахалъ? За нашимъ садомъ. Какъ онъ пахалъ? Очень усердно.

Или короткую рѣчь сдѣлать распространенною. Лошадь бѣжала. Какая? Когда? Куда? Гдѣ? Какъ?

Знаки препинанія. Точка въ концѣ рѣчи. Запятая при повтореніи словъ, отвѣчающихъ на одинъ и тотъ же вопросъ. Знакъ вопросительный и восклицательный. Запятая передъ пояснительнымъ предложеніемъ. Двѣ точки передъ перечисленіемъ и передъ чужими словами.

Въ заключеніи предлагаю съѣзду высказаться объ уничтоженіи буквы Ѣ, какой-либо буквы И, І, Ъ въ серединѣ словъ, Ы послѣ шипящихъ и буквъ Ѳ и Ѵ и объ уничтоженіи синтаксическаго разбора, т.-е. синтаксической терминологіи.

№ 13.

Грамматика и правописаніе,—отвлеченность грамматическихъ знаній и трудность усвоенія этихъ знаній и навыковъ правописанія; болѣе легкое и болѣе трудное для дѣтей въ грамматикѣ и правописаніи; минимальная программа грамматическихъ знаній, необходимыхъ для правильнаго изложенія мыслей.

Докладъ уч. М. К. Черногубовой.

Вопросъ о грамматикѣ поднимался неоднократно какъ знаменитыми педагогами (Ушинскимъ, Шереметевскимъ и др.), такъ и всѣми учителями средней и въ особенности народной школы. На всѣхъ курсахъ и съѣздахъ народные учителя горячо доказывали о непригодности грамматическихъ знаній въ практической жизни народа, о массѣ времени, которое безполезно тратится на этотъ предметъ, о сухости этого предмета, а главное, о той мертвящей скукѣ, которую испытываютъ ученики при прохожденіи несовершенной съ теоретической стороны науки, о правилахъ которой до сихъ поръ спорятъ спеціалисты (Гротъ, Кирпичниковъ, Говоровъ и др.).

Нужна ли грамматика въ томъ объемѣ, въ какомъ она преподается въ школахъ до сего времени? Важность этого вопроса вѣроятно заставитъ еще не одинъ разъ поговорить ученыхъ и спеціалистовъ, пока всѣ не придутъ къ единству заключенія. Въ настоящее время надо порадоваться тому, что вопросъ о грамматикѣ затронулъ общественныя

умы: говорятъ о ней родители учащихся дѣтей, пишутся статьи въ газетахъ, журналахъ, педагогическое общество выработало упрощеніе правописанія. Но учителя до сихъ поръ остаются въ невѣдѣніи—въ какомъ объемѣ преподавать грамматику. Попрежнему не хотѣлось бы мучить себя и ребятъ, а новыя правила не утверждены. Этотъ мучительный и неразрѣшенный для насъ вопросъ—съѣздъ вѣроятно поможетъ разобрать.

Пока выяснимъ себѣ слѣдующее:

1) Нужна ли грамматика для учениковъ народной школы въ томъ объемѣ, какъ у насъ до сихъ поръ преподается?

2) Развиваетъ ли орѳографія умъ ребенка?

3) Можно ли научить ученика писать правильно безъ орѳографіи?

4) Какая должна быть минимальная программа для учениковъ народной школы по грамматикѣ.

5) Что нужно оставить въ ней для наученія правильному письменному изложенію мыслей, какъ самому нужному въ жизни?

Грамматика научаетъ правильно писать и говорить на родномъ языкѣ, такъ говоритъ одинъ изъ составителей книги, но грамматика, преподаваемая современными учителями, кромѣ того, изощряетъ память, доводитъ устный разборъ до виртуозности, а диктовки до образцоваго безошибочнаго письма. Достигнуть такихъ результатовъ не легко. Много затрачивается силъ учителя и ученика на то, чтобы довести его до безошибочнаго письма. На преподованіе этого предмета уходитъ бо́льшее число часовъ, чѣмъ на остальные предметы (граммат. упр., диктовка, разборъ сколько уносятъ времени!), и немудрено, что грамматика стала главнымъ предметомъ обученія въ нашихъ школахъ. Задача школы—воспитать ученика, развить его умъ и научить всему полезному, а учителя изъ-за соревнованія и самолюбія увеличили программу по грамматикѣ, заучиваютъ правила орѳографіи, диктовки довели до диктантоманіи и мучаютъ себя и учениковъ безполезнымъ трудомъ. Еще 20 л. тому назадъ лучшіе учителя были недовольны существующей программой по грамматикѣ; такъ, въ 1883 г. учительница Соллогубъ въ своемъ докладѣ на учительскихъ съѣздахъ Московскаго уѣзда пишетъ: „Масса свѣдѣній, требуемыхъ по орѳографіи, заставляетъ преподавателей удѣлять возможно бо́льшее число часовъ на диктанты и, пока диктантъ не станетъ главнымъ мѣриломъ знаній ученика, онъ будетъ парализировать всѣ другія письменныя работы“. Она же пишетъ дальше: „Забота о томъ, чтобы выпускные ученики сдѣлали

возможно меньшее количество ошибокъ, не даетъ учителю покоя, особенно въ послѣднее полугодіе. „Учитель Цвѣтковъ въ томъ же году въ своемъ докладѣ трактуетъ: „Не будетъ ли лучше изъять всякую ороографію изъ числа учебныхъ предметовъ, какъ такую отрасль обученія, которая не даетъ нужныхъ свѣдѣній нашаму простолюдину для жизни". Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, если прислушаться къ мнѣнію самихъ крестьянъ, которые на диктанты и ошибки смотрятъ какъ на ненужный предметъ обученія. „Къ чему это васъ учатъ", говорятъ они часто своимъ дѣтямъ, огорченнымъ большимъ количествомъ ошибокъ. „Это тебѣ вовсе не пригодится," успокаиваютъ они своего ребенка: „вотъ научись писать красивѣе, да читать получше". Итакъ, для чего же изучаются подробныя орфографическія правила въ нашихъ школахъ? Ни родителямъ, ни ученикамъ они не нужны. Отвѣтъ простой—для диктантовъ, диктанты для выпускныхъ свидѣтельствъ, но ученики, получившіе эти свидѣтельства, настолько забываютъ всѣ правила даже черезъ годъ, что приходится сожалѣть о массѣ потраченнаго безполезно времени. (Бываютъ, конечно, исключенія—находятся долгопомнящіе всѣ правила правописанія). Слѣдвательно—стоитъ ли изучать ороографію въ нашихъ школахъ какъ науку? Положительно—нѣтъ, такъ какъ эта наука не даетъ полезныхъ знаній и не развиваетъ, а притупляетъ умъ ребенка. Ученики нашихъ школъ запасаются многими впечатлѣніями изъ окружающаго ихъ міра еще до поступленія въ школу, и задача наша—помочь разобраться имъ въ впечатлѣніяхъ, а мы съ первыхъ же уроковъ начинаемъ сушить умъ, изучая на память правила, начиная съ перваго: послѣ шипящихъ буквъ ж, ч, ш, щ не пишутся—я, ю, ы. Какую пищу даемъ мы для ума? Въ лучшихъ случаяхъ способствуемъ укрѣпленію памяти, и только.

Научить правописанію можно безъ заучиванія грамматическихъ правилъ, безъ диктовокъ; для этого слѣдуетъ развить ороографическую зоркость путемъ: а) списыванія съ книги литературныхъ отрывковъ, басенъ, стиховъ, предварительно прочитанныхъ съ учителемъ; b) письмо заученныхъ наизустъ стиховъ и басенъ также укрѣпляетъ зрительную память; с) письменное изложеніе съ предупрежденіемъ ошибокъ помогаетъ тоже правописанію. То что при помощи зрительной памяти научаются правильно писать, доказываютъ намъ ученики глухонѣмые, которые безъ диктантовъ научаются ороографіи. (Объ этомъ говорится въ статьѣ Журн. Образов. за 1899 г.). Волостные писаря, не прошедшіе никакой школы, тоже навыкаютъ писать правильно.

Правила правописанія будутъ въ силѣ до тѣхъ поръ, пока въ среднихъ школахъ не начнутся преобразованія въ ороографіи; нѣко-

торые ученики изъ нашихъ школъ поступаютъ въ среднеучебныя заведенія и по ихъ знаніяхъ, а въ особенности диктовкамъ, составляется репутація школы.

Если объ уничтоженіи правилъ орѳографіи говорить пока преждевременно, то слѣдуетъ походатайствовать объ упрощеніи и сокращеніи правилъ правописанія, наиболѣе затрудняющихъ ученика. Всѣми учителями признано, что наиболѣе затрудняютъ нашихъ учениковъ слѣдующія правила правописанія:

1) Правописанія буквъ: *і*, *ъ*, правописаніе гласныхъ послѣ шипящихъ, приставокъ: *воз*, *раз*, *из*, *низ;* правописаніе мѣстоименій—*онъ* и числит.—*одинъ* для женскаго рода; мѣстоименія *она* въ родительн падежѣ; правописаніе им. прилаг. муж. и средн. род. въ творит. и предл. падежѣ и им. пад. множ. числа.

Въ грамматикѣ затрудняютъ дѣтей запоминаніе теоретическихъ опредѣленій правилъ и терминовъ, но сами термины легко уясняются и запоминаются дѣтьми послѣ ряда многихъ примѣровъ и упражненій, подготовляющихъ дѣтей къ уясненію термина. Если же дѣти путаютъ терминъ, то это происходитъ отъ поспѣшности объясеній.

Для письменныхъ изложеній, какъ самыхъ нужныхъ въ жизни, помогаютъ знанія синтаксиса, почему и нужно пріучать ученика съ 1 года обученія дѣлать разборъ практически простаго предложенія безъ терминологіи по вопросамъ. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ:

1) Грамматика какъ наука орѳографіи не нужна въ томъ объемѣ, какъ преподавалась у насъ до сего времени, а потому желательно сокращеніе затрудняющихъ ученика правилъ правописанія, указанныхъ въ докладѣ.

2) Теоретическое заучиваніе орѳографическихъ правилъ не развиваетъ ученика, а затрудняетъ свободно выразить свою рѣчь, но ясное понятіе о граммат. терминахъ, выведенное путемъ многихъ примѣровъ помогаетъ ученику сознательнѣе относиться къ своей письменной и устной рѣчи.

3) Диктанты слѣдуетъ вести рѣже и предупредительные, а не карательные. Для правильнаго изложенія мыслей поможетъ знаніе синтаксиса и этимологическихъ правилъ, указанныхъ мною въ минимальной программѣ.

Минимальная программа,

составленная сообразно жизненнымъ требованіямъ народа.

I-е отдѣленіе.

Принимая въ разсчетъ ежедневное занятіе ученика 1-го отд. по $^1/_2$ ч. въ сутки, можно пройти: слово; раздѣленіе его на звуки; звуки гласные и согласные, правописаніе сомнительныхъ согласныхъ. Употребленіе буквы *й*, *ъ* въ серединѣ словъ; правописаніе словъ съ двойными гласными и согласными, сложныя слова. Дѣленіе словъ на слоги и переносъ словъ. Понятіе о предметѣ, предметы живые и неживые; правописаніе предлоговъ отдѣльно отъ именъ предметовъ. Разборъ простаго предложенія практически по вопросамъ (безъ терминовъ). Употребленіе точки.

Матеріалъ для письменныхъ упражненій можно брать изъ книги Некрасова, ч. 1-я, изъ книгъ Пуцыковича и Барышникова, ч. 1-я.

Какъ подготовительныя работы къ письменнымъ изложеніямъ могутъ служить группировки предметовъ по родамъ, видамъ; напр., написать животныхъ, растенія, предметы бѣлаго цвѣта. Разсказъ въ 2-хъ или 3-хъ предложеніяхъ.

II-е отдѣленіе (занятіе 4 ч. въ недѣлю).

Имя существительное, раздѣленіе существительныхъ на собственныя и общія и ихъ правописаніе. Глаголъ, времена и лица. Числительныя. Простѣйшія правила правописаній предлоговъ слитно и отдѣльно. Составъ слова — корень, приставка и окончаніе. Понятіе о предложеніи слитномъ и распространенномъ; употребленіе запятой. Главные члены предложенія: подлежащее какъ предметъ рѣчи и сказуемое.

Работами подготовительными къ письменнымъ изложеніямъ II-го отд. могутъ служить: 1) составленіе отвѣтовъ на предлагаемые вопросы; 2) списываніе съ книги съ указанными измѣненіями; 3) дописываніе неоконченныхъ предложеній, составляющихъ цѣлую статью и 4) составленіе разсказовъ и легкихъ описаній по руководящимъ вопросамъ.

III-е отдѣленіе.

Родъ и число именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и ихъ измѣненіе по падежамъ; союзъ и предлогъ.

Практическій разборъ предложеній по членамъ предложенія второстепенныхъ безъ терминологіи; предложенія главныя и поясняющія, полныя и неполныя. Употребленіе всѣхъ знаковъ препинанія. Диктанты слѣдуетъ вести предупредительные, а не карательные. Въ третій годъ обученія должны быть изложенія небольшихъ разсказовъ и басенъ въ прозѣ, географичеокихъ и. историческихъ статей и небольшихъ описаній по выработанному плану.

Выпущено мною по грамматикѣ: употребленіе буквъ: і, э, ѣ, ъ; всѣ правила правописанія частей рѣчи, имѣющихъ эти буквы; правописаніе гласныхъ послѣ шипящихъ; въ глаголахъ выпущены наклоненія; изъ частей рѣчи выпущены нарѣчіе и междометіе.

Если преждевременно говорить о сокращеніи программы по грамматикѣ, преподаваемой въ нашихъ школахъ, то будемъ убѣдительно просить нашихъ глубокоуважаемыхъ представителей съѣзда: г. директора, гг. инспекторовъ, Н. Ф. Рехтера, Д. Н. Шипова, походатайствовать предъ Училищнымъ Совѣтомъ о необязательности обученія буквамъ ѣ и ъ для учениковъ нашихъ школъ. Эти двѣ буквы лишнія въ нашей азбукѣ, онѣ только прочно свили теплое гнѣздышко въ русскомъ алфавитѣ и много отняли учебнаго времени у преподавателей, много стоили слезъ ученикамъ. Если нашу просьбу уважатъ и эти двѣ буквы будутъ изъяты изъ нашихъ учебниковъ, сколько останется свободнаго времени у учителя на преподаваніе другихъ предметовъ.

№ 14.

Грамматика и правописаніе.

Докладъ уч. В. В. Игнатьева.

Беру на себя смѣлость высказаться относительно 6-го пункта программа съѣзда, а именно:

Грамматика и правописаніе,—отвлеченность грамматическихъ знаній и трудность ихъ усвоенія, а также и навыковъ правописанія; болѣе легкое и болѣе трудное для дѣтей въ грамматикѣ и правописаніи; минимальная программа грамматическихъ знаній, необходимыхъ для правильнаго изложенія мыслей.

Наши педагоги придаютъ большое значеніе грамматикѣ, какъ учебному предмету въ народной школѣ: по взгляду однихъ изъ нихъ—она раскрываетъ извѣстную послѣдовательность, связность, правильность,

вообще, разумность явленій языка и устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя правила для устнаго и письменнаго его употребленія; по взгляду другихъ—она представляетъ собою высшую ступень элементарнаго обученія языку, такъ какъ предметомъ наблюденія и изученія является не внѣшнее, а внутреннее—духовный міръ самого учащагося, который доходитъ этимъ путемъ до самонаблюденія, но *не научитъ она говорить, не научитъ она писать* а направляетъ и сосредоточиваетъ вниманіе учащихся на формахъ человѣческой рѣчи, объясняетъ ученикамъ внутренній смыслъ и значеніе этихъ формъ; по взгляду третьихъ грамматика есть „великое развивающее средство", потому что она „заставляетъ мысль освобождаться изъ-подъ вліянія внѣшнихъ условій и работать отвлеченно", и что „всякое грамматическое упражненіе есть отвлеченная логическая работа чистой мысли". Всѣ эти взгляды на грамматику, хотя въ двухъ первыхъ видно нѣкоторое противорѣчіе, какъ напримѣръ первое мнѣніе—грамматика уставливаетъ правила для устнаго и письменнаго употребленія языка, слѣдовательно учитъ говорить и писать, другое мнѣніе—она не научитъ говорить, она не научитъ писать... всѣ взгляды, повторяю, сводятся къ тому, что грамматика есть предметъ и развивающій, и воспитывающій, и представляющій собою высшую ступень обученія и доводящій учащагося до самонаблюденія, а слѣдовательно, при введеніи ея въ число предметовъ народной школы, она должна играть немаловажную роль; а изъ послѣдняго мнѣнія видно, что грамматика есть отвлеченный предметъ, такъ какъ „всякое грамматическое упражненіе есть отвлеченная логическая работа чистой мысли." съ чемъ и нельзя не согласиться.

Какъ извѣстно, дѣти въ нашу школу поступаютъ не моложе 8-ми лѣтъ, поступаютъ неграмотными, изъ семействъ, въ большинствѣ случаевъ, тоже неграмотныхъ, изъ семействъ съ весьма ограниченными взглядами на окружающую природу, съ самыми узкими понятіями о жизни, изъ семействъ грубыхъ и невѣжественныхъ, область мышленія которыхъ не заходятъ дальше изыскиванія способовъ быть сытыми и маломальски одѣтыми, какъ бы за скотиной „уходить", какъ бы ее посходнѣе купить, да какъ бы ее подороже продать и т. д., слѣдовательно и дѣти такихъ семей являются въ школу совершенными дикарями, совершенно неразвитыми, совершенно неподготовленными не только къ воспріятію отвлеченныхъ идей, но даже и простыхъ вещей: ихъ умственный кругозоръ весьма узокъ, все отвлеченное ими весьма трудно воспринимается -нѣтъ у нихъ еще достаточно умственныхъ силъ для обработки отвлеченныхъ понятій и идей.

Выводить ихъ изъ конкретнаго міра, изъ міра чувственныхъ пред-

ставленій въ такомъ возрастѣ весьма трудно и почти немыслимо, хотя воспитатель и обладалъ бы глубокимъ пониманіемъ дѣла, глубокимъ пониманіемъ психологіи и дидактики, хотя бы онъ и обладалъ бы искусствомъ преподавать даже до совершенства.

Грамматика же, какъ выясняется нашими педагогами, есть предметъ отвлеченный, что всякое грамматическое упражненіе есть отвлеченная работа чистой мысли, а потому она-то совершенно и не по силамъ для воспріятія такому возрасту, какой встрѣчается въ нашей сельской школѣ. Преподаваніе по тѣмъ требованіямъ, какія теперь существуютъ, есть не что иное, какъ насилованіе природы дитяти, оно есть цѣлый рядъ ошибокъ противъ правилъ великой дидактики. Въ угоду всѣмъ требованіямъ, а также и личному эгоизму, мы жертвуемъ т. е. вѣрнѣе, распинаемъ природу дѣтей предъ этимъ идоломъ науки, который вдобавокъ, кромѣ своей отвлеченности, сбивчивъ въ опредѣленіяхъ понятій и своими законами далеко не обнимаетъ всѣ частные случаи: что ни правило, то и исключеніе, и такія явленія попадаются почти на каждомъ шагу. Буслаевъ—извѣстный филологъ и педагогъ, въ своемъ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ говоритъ, между прочимъ, что „грамматика при обученіи дѣтей младшаго возраста должна играть только второстепенную роль, въ видѣ прибавленія къ чтенію. Основательное же изученіе отечественнаго языка не можетъ быть предложено ученикамъ ранѣе 14 или 15 лѣтъ.“ (Бусл., 1844 г., стр. 80). Изъ этихъ словъ Буслаева видно, что грамматика весьма трудный предметъ для дѣтей младшаго возраста; она скорѣе забиваетъ, притупляетъ умственныя способности учащихся, нежели развиваетъ. Говорю такъ смѣло на основаніи своихъ опытовъ и наблюденій какъ надъ своею школою, такъ и надъ школами другихъ моихъ товарищей по профессіи. Спрашивается, отчего большинство учащихъ, не довольствуясь положеннымъ временемъ занятій отъ 9 часовъ утра до 3-хъ часовъ пополудни, задерживаютъ дѣтей до 5, а то и болѣе? На подобный вопросъ, лично отнесенный разъ къ одному изъ нашихъ коллегъ, былъ полученъ весьма уклончивый отвѣтъ.—„Стараюсь честнымъ образомъ исполнить свой долгъ.“ И только. Но откровенно говоря, причиною задержки дѣтей въ училищахъ служитъ объемистая по своему содержанію наша грамматика, которая, по существующимъ требованіямъ и по трудности ея усвоенія, занимаетъ первое мѣсто въ школѣ, а на преподаваніе остальныхъ, не менѣе нажныхъ, если не болѣе, положительно не хватаетъ времени, а потому, чтобы не было это обстоятельство имъ въ ущербъ, въ силу принципа—та школа хороша, въ которой занятія ведутся равномѣрно, — многимъ учащимъ приходится

увеличивать число учебныхъ часовъ въ день и тѣмъ самымъ отнимать у дѣтей время, необходимое для возобновленія ихъ умственныхъ и физическихъ силъ и, слѣдовательно, постепенно разрушать нѣжный дѣтскій организмъ. Вялость и плохая воспріимчивость впечатлѣній и знаній, съ одной стороны, усталось и раздраженіе, съ другой—вотъ, по моему мнѣнію, слѣдствія, по знакомому уже намъ выраженію, честнаго исполненія своего долга.

Теперь является вопросъ, какія же мѣры должно принять, чтобы школу привести въ болѣе нормальный видъ, чтобы обученіе въ ней было бы легкое, болѣе производительное, для дѣтей пріятное? Какія мѣры принять, чтобы школа дышала бы жизнію, а не мертвою схоластикою, наводящею скуку и переутомленіе и притупляющею мыслительныя способности учащихся? Какія мѣры принять, чтобы школа болѣе воспитывала бы, а не вбивала бы въ головы маленькихъ слушателей ненужные для нихъ элементы познанія? Чтобы школа давала, кромѣ общаго развитія, все нужное, необходимое для практическихъ цѣлей жизни? Вопросъ этотъ, полагаю, можетъ разрѣшиться отчасти уже тѣмъ только, чтобы грамматика въ школѣ играла не первенствующую роль, а второстепенную, служебную; объемъ ея долженъ сократиться настолько, чтобы она могла служить исключительно только для цѣлей правописанія; мѣсто, ей надлежащее, не въ народныхъ школахъ, а въ болѣе высшихъ классахъ. И правописаніе должно быть въ народныхъ школахъ тоже сокращено: все, что трудно усвоивается и легко забывается, можно выпустить безъ всякаго сожалѣнія. Напримѣръ, букву *ѣ*. Какую роль играетъ у насъ теперь эта буква? Имѣетъ ли она особое такое произношеніе или что другое, что такъ усердно и усиленно гоняемся за ея правописаніемъ?

Буслаевъ въ своей исторической грамматикѣ доказываетъ, что буква *ѣ* первоначально имѣла особое произношеніе: она имѣла видъ йотированнаго звука *а*, отчего она и носитъ названіе ять, и долгаго *е*, произшедшаго отъ сліянія двухъ *е*, раздѣленныхъ по законамъ благозвучія звука *і*—(йота) между двумя гласными: не-*і*-есмь,—вмѣсто неесмь, не-*і*-есть,—вмѣсто неесть. Также она соотвѣтствовала и буквѣ *а*. Такъ напр., нашей приставкѣ *пра* соотвѣтствуетъ въ древне-болгарскомъ произношеніи *прѣ* въ сложныхъ словахъ: прѣбаба, прѣдѣдъ, прѣотецъ. Слѣдовательно, она въ древне-болгарскомъ изложеніи употреблялась совершенно правильно, *по необходимости для обозначенія опредѣленнаго звука*. Подъ вліяніемъ же русскаго языка, значеніе ея стало уменьшаться. Такъ, съ 1125 года, какъ свидѣтельствуетъ списокъ Мстиславовъ (по рукописямъ Моск. Арх. Собора), слово „время“ стало пи-

саться черезъ букву *е*, а съ 1144-го года употребляемыя раньше слова съ буквою *ѣ* стали писаться тоже черезъ *е*, какъ напр., млеко, брегъ трезвъ, чреда, чрезъ, пре, предъ и др.

Какое же значеніе буква *ѣ* имѣетъ теперь? „Она теперь—какъ говоритъ Перевлѣсскій въ своей „Славянской Грамматикѣ“—ровно никакаго звуковаго значенія не имѣетъ и нынѣ употребляется совершенно произвольно только въ силу установившагося обычая.“ Такъ какъ „наши грамматисты,—по выраженію Буслаева—„весьма погрѣшительны въ разсужденіи буквы *ѣ* въ отношеніи къ языку ц.-славянскому, по принятому основанію надлежало бы ставить эту букву вездѣ, гдѣ она употребляется въ древне-ц.-славян. языкѣ“, то на какомъ же основаніи мы пишемъ слова: клей, песокъ, бремя, темя и мн. др. черезъ букву *е*? На какомъ основаніи мы пишемъ букву Ѣ въ сравнительной степени им. прилагат., какъ напр , болѣе, менѣе и др., тогда какъ нужно писать *е*, отъ древне-слав. формъ бол-*і*-э, мен-*і*-э и т. п. Если бы наши „уставщики грамматическихъ законовъ“ были болѣе послѣдовательны въ утвержденіи этой буквы, т. е., не утверждали бы: „когда слышится ё, надо писать *е*“, или, „когда въ словѣ есть два или нѣсколько звуковъ *е*, то надо изображать буквою *ѣ* тотъ звукъ *е*, надъ которымъ стоитъ удареніе, и многое другое, вообще, не вводили новыхъ нелѣпыхъ узаконеній, а основывались бы на древнеболгарской письменности, тогда вопросъ о буквѣ *ѣ* былъ бы на болѣе прочной почвѣ. Спрашивается, къ чему же и мы должны изощрять нашихъ маленькихъ слушателей, будущихъ пахарей, неосновательно изложенными законами употребленія буквы Ѣ? Думаю, гг., хорошо было бы, если эту букву выкинуть изъ области правописанія, а также и не одну ее, но и все, что только въ младшемъ возрастѣ можетъ мѣшать мысли работать не только отвлеченно, но и конкретно. Пишетъ, напр., учащійся на какую-нибудь тему сочиненіе: вдругъ попадается ему слово, надъ которымъ приходится задуматься о его правописаніи: пока онъ рѣшаетъ вопросъ, какъ это слово написать, созданная мысль въ его головкѣ уже меркнетъ, слѣдовательно, нить изложенія прерывается, и самое сочиненіе дѣлается нескладнымъ, кургузымъ. Повторяю, желательно сократить бы изъ объема курса грамматики все, что трудно ими усвоивается, сократить настолько, чтобы оставить время на болѣе воспитательное, на болѣе развивающее и для жизни подходящее дѣло. Останется у насъ тогда болѣе времени на объяснительное чтеніе въ связи съ изложеніемъ прочитанныхъ статей, останется тогда времени на усвоеніе историческихъ, географическихъ, естественно-историческихъ знаній, останется тогда времени и на надлежащее усвоеніе

ариѳметики съ практическими ея примѣненіями и т. д., а также уничтожится и все зло, заставляющее нѣкоторыхъ изъ насъ портить дѣтскій организмъ задерживаніемъ дѣтей въ училищѣ. Сократить курсъ грамматики въ народныхъ школахъ настолько, чтобы она исключительно служила бы небольшимъ цѣлямъ правописанія. Такъ напр. въ *младшемъ отдѣленіи*, полагая 2 урока на правописаніе въ недѣлю, можно будетъ пройти: слово, его раздѣленіе на слога, и послѣдніе на звуки; звуки гласные, согласные и полугласные; упражненія въ вѣрномъ воспроизведеніи слышимаго—т. е., въ писаніи словъ двухсложныхъ, трехсложныхъ и многосложныхъ. Мягкое произношеніе согласныхъ буквъ и смягчающій знакъ; употребленіе раздѣляющихъ согласной отъ гласной буквъ въ серединѣ словъ; употребленіе въ словѣ двухъ одинаковыхъ буквъ, измѣняющихъ значеніе ихъ, напр., сума, сумма и т. д., объ удареніи въ словахъ и переносъ словъ изъ одной строки въ другую по слогамъ.

Въ среднемъ отдѣленіи, полагая 2 урока въ недѣлю, въ теченіе всего учебнаго года, можно пройти:

Понятіе о предметѣ; предметы живые и неживые, духовные и невещественные; признаки предметовъ, дѣйствія и состоянія ихъ; слова, означающія счетъ и порядокъ; простѣйшіе случаи знакомства съ окончаніями словъ и понятіе о приставкѣ безъ раздѣленія. Понятіе о предметѣ рѣчи, о сказуемыхъ и поясняющихъ словахъ, безъ раздѣленія; понятіе о предложеніи со стороны состава членовъ; виды предложеній по составу; употребленіе точки. Предложенія слитныя и употребленіе запятой (не обязательно). Изложеніе прочитанныхъ статей по деталь-ным вопросамъ.

Въ старшемъ отдѣленіи, полагая 3 урока въ недѣлю, въ теченіе всего учебнаго года можно будетъ пройти:

Повтореніе курса средняго отдѣленія. Имена предметовъ — собственныя и общія; родъ и число; измѣненіе именъ по падежнымъ вопросамъ и по числамъ. Имена признаковъ предметовъ (по вопросамъ), измѣненіе этихъ именъ по вопросамъ „какой“ и „чей“ въ порядкѣ падежей; родовыя окончанія ихъ (не обязательно). Имена чиселъ и порядка; измѣненіе этихъ именъ по вопросамъ „сколько“ и „который“ въ порядкѣ падежей. Слова, замѣняющія имена; ихъ измѣненія по всѣмъ вышеозначеннымъ вопросамъ въ порядкѣ падежей. Слова, означающія дѣйствія и состоянія предмета, и ихъ измѣненія по вопросамъ въ порядкѣ спряженія. Слова, означающія различныя обстоятельства дѣйствій и ихъ состояній. Предлоги и союзы. Слова, означающія различ-

ныя восклицанія человѣка. Подлежащее и сказуемое; пояснительныя слова, поясняющія падлежащее, и пояснительныя слова, поясняющія сказуемое. Предложенія главныя и поясняющія. Повторенія о видахъ предложеній. Употребленіе знаковъ ? и ! Употребленіе двоеточія передъ перечисленіемъ. Изложеніе прочитанныхъ статей по болѣе общимъ вопросамъ или по предложенному учителемъ плану. Изложеніе прочитанныхъ статей безъ плана, но не обязательно. Сочиненіе писемъ и наконецъ сочиненіе на заданную какую-нибудь тему, но не обязательно.

Выкинуто же мною изъ программы употребленіе буквы ъ, употребленіе сомнительныхъ гласныхъ; отчасти терминологія, подраздѣленіе второстепенныхъ членовъ, названіе частей рѣчи, названіе подежей. Устный разборъ я допускаю настолько, чтобы дѣти болѣе или менѣе сознательно относились къ слову и къ собственной рѣчи. Диктовку предполагаю дѣлать не часто, а всѣ остальныя письменныя упражненія вести исключительно только для письменнаго изложенія своей мысли, на которомъ могутъ усвоиваться и нѣкоторые необходимые навыки правописанія. Выкинуто мною также правописаніе нарѣчій *не* и *ни*.

№ 15.

Система упражненій въ устномъ и письменномъ изложеніи мыслей, дающая въ результатѣ навыкъ самостоятельно излагать свои мысли.

Докладъ учителя Я. В. Миловидова.

Въ силу примѣрной программы и постановленія Московскаго Уѣзднаго Училищнаго Совѣта, письмененныя изложенія мыслей получаютъ оффиціальное положеніе, а потому, съ своей стороны, считаю нужнымъ высказаться по поводу этого. Вотъ какъ резюмируетъ Училищный Совѣтъ: „желательно, чтобы учащіеся могли письменно излагать прочитанное, и умѣя по плану (или по частямъ) составить письменное изложеніе болѣе легкой и несложной прочитанной статьи, и хотя нѣсколько привыкли къ самостоятельному изложенію мыслей. „Хорошо, если бы гг. преподаватели дѣлали не болѣе того, что здѣсь высказано, Вникая въ суть этого положенія, отъ школы требуется одной разумной простоты, какъ въ содержаніи, такъ равно и въ формѣ предстоящихъ ученическихъ изложеній. Въ противномъ же случаѣ,—въ погонѣ за преміей, конечно, не ученику, а самому учителю,—этотъ предметъ шагъ

за шагомъ завоюетъ себѣ первенство въ нашей школѣ и подобно грамматикѣ возьмемъ все лучшее время и лучшія силы. Претендовать на самостоятельный и обширный трудъ учениковъ можно только въ томъ случаѣ, если они всесторонне развиты и имѣютъ положительныя знанія изъ общественныхъ наукъ, а мы имѣемъ предъ собою только такія силы, которымъ даны только начатки, элементы гражданскихъ наукъ, и которыя должны ограничиваться только работами ихъ ума и развитія, а работа ихъ есть не что иное, какъ подражаніе,—напримѣръ: написать прочитанный разсказъ, описать предметъ по данному плану, написать басню въ видѣ разсказа; а матеріаломъ для сего можетъ служить любой изъ школьныхъ предметовъ: духовно-нравственный, географическій, историческій, естественно-историческій и проч. Предлагаемыя письменныя работы на испытаніи должны быть посильны и доступны дѣтямъ, опредѣленны и равны для всѣхъ школъ. Разъ къ школѣ предъявляются извѣстныя требованія и они должны пополнить возложенную на нее задачу, то необходимо высказать опредѣленныя, конечныя, такъ сказать, требованія по сему предмету. Одно дѣло—работа, а другое дѣло—это требованіе; ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя указать точныхъ границъ; можно предложить, и можно исполнить или слишкомъ много, или слишкомъ мало, или же совсѣмъ не исполнить. Чтобы привести къ единству, необходимо слѣдуетъ представить или указать для всѣхъ образцы работъ и, мало того, надо знать направленіе и идею новаго постановленія. Что же можетъ служить идеаломъ? Какая книга и руководство отвѣчаетъ этому? Если не въ утвердительномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ желательномъ укажу на „Родное слово“, годъ II-й, Ушинскаго. Въ пользу этой книги говорить нечего, все, о чемъ только можно писать, имѣя въ виду нашу школу и первую попытку въ благомъ начинаніи, можно найти въ этой книгѣ: содержаніе, форма, простота, логика и проч. въ достаточной степени могутъ служить для письменныхъ работъ на испытаніи. Не довольно ли было бы, если ученикъ такъ хорошо опишетъ предметъ, какъ напримѣръ въ книгѣ: огородъ, садъ, хлѣбъ, домъ и проч.; хорошо было бы, если нашъ ученикъ такъ же просто, но мило и самостоятельно разскажетъ дѣтскія воспоминанія. Не будемъ ли довольны знаніемъ естественно-историческимъ, какъ по примѣрнымъ статьямъ: путешествіе воды, пища растеній, исторія одной яблоньки и проч. Все это какъ нельзя болѣе должно служить не только какъ подходящимъ матеріаломъ, но и строго образцовымъ. Руководствуясь даннымъ богатымъ примѣромъ, мы должны, смотря по развитію класса, дополнять, расширять ихъ міровоззрѣніе научными свѣдѣніями путемъ класснаго и внѣкласснаго чтенія, но не уклоняясь и не увекаясь.

Мнѣ думается, разъ поставленъ на разъясненіе вопросъ: „Какія требованія по письменному изложенію будутъ предложены“, то отсюда вытекаетъ, съ нашей стороны, нижеслѣдующая работа: Что такое за видъ работы? Какая цѣль? Пути къ ея достиженію? Матеріалъ, форма, величина, степень. Отдѣлы: содержаніе повѣствовательное, басня, сказка, стихотвореніе, историческое, духовно-нравственное и т. д.—и это все требованіе настолько неопредѣленно, настолько обширно, что никто не будетъ знать, гдѣ оно кончается и откуда начинается. Эта область, мнѣ кажется, у насъ въ недалекомъ будущемъ породитъ цѣлый хаосъ всякихъ неудовольствій, а можетъ-быть и непріятностей. Если при требованіи къ грамматикѣ дѣйствовали какъ нельзя болѣе неограниченно, то здѣсь, если не обставится извѣстными циркулярными распоряженіями, будетъ неограниченное требованіе гг. ревизующихъ. Мы должны сейчасъ же требовать образцы работъ по всѣмъ отраслямъ науки, нужно знать, въ какомъ духѣ или направленіи намъ дѣйствовать.

Не вдаваясь въ подробности, въ частности, укажу видъ письменныхъ работъ: I. Цѣль изложеній — чтобы дѣти сумѣли впослѣдствіи толково разсказать простые случаи, встрѣчающіеся въ ихъ жизни. II. Виды письменныхъ работъ: 1) Небольшіе по объему, но богатые по содержанію разсказы. 2) Басни въ видѣ разсказовъ (Два Плуга). 3) Простыя по формѣ притчи (о Мытарѣ и Фарисеѣ). 4) Разсказы о чудесахъ (Воскрешеніе сына вдовы Наинской). Историческіе разсказы желательны, но въ виду трудности выбора короткихъ статей для экзамена лучше избѣгать ихъ. 6) Описаніе животныхъ, предметовъ только по плану (Хлѣбъ. Капустная бабочка. „Родное Слово“, годъ 2-й, Ушинскаго). Какія же претензіи должны быть предъявлены къ изложенію?— Главное, чего надлежитъ требовать отъ изложеній? Это—правильности въ логическомъ отношеніи, на грамматическія же ошибки, если и обращать вниманіе, то на такія только, которыя искажаютъ смыслъ слова (пропускъ буквъ, когда это не результатъ описки, соединеніе двухъ словъ въ одно), падежныя окончанія существительныхъ и прилагательныхъ; погрѣшности же противъ остальныхъ грамматическихъ правилъ не должны служить укоромъ.

Въ системѣ устномъ и письменномъ изложеніи, какъ это сказано въ намѣченномъ вопросѣ—одно весьма существенное средство: чтеніе, развитіе умственное, пріученіе къ размышленію, къ передачѣ своихъ мыслей сначала устно, а потомъ ужъ письменно. Для этого нужно внести въ сухую учебу живое слово, прямой обмѣнъ мыслей, непринужденную бесѣду дѣтей между собою и съ учителемъ и чтеніе образцовъ литературы съ толкомъ, разъясненіями, самостоятельной работой мысли.

Подготовлять къ письменному изложенію слѣдуетъ со второй половины перваго учебнаго года. Здѣсь можно указать образцы упражненій въ „Букварѣ“, Вахтерова, и „Родное Слово“, годъ 2-й, Ушинскаго. Во второй учебный годъ—отвѣты на вопросы избранныхъ статей, потомъ прочитанныхъ и разобранныхъ статей по плану, наконецъ—изложеніе легкихъ, короткихъ, прочитанныхъ статеекъ самостоятельно, съ предупрежденіемъ грамматическихъ правилъ правописанія. Надо замѣтить, что при изложеніи не слѣдуетъ постоянно вести учениковъ по выработанному плану, но давать работу самостоятельной мысли.

Въ третій годъ обученія—переходъ отъ легкихъ къ болѣе сложнымъ статьямъ, но доступнымъ дѣтскому пониманію. Самостоятельное составленіе плана. Дѣленіе статьи на части. Переложеніе басенъ. Переложеніе стихотвореній. Описаніе предмета по плану—времена года. Письма по данному образцу.

Въ заключеніе скажу, что на экзаменахъ должны быть предлагаемы не двѣ письменныя работы, какъ это дѣлается теперь въ Московскомъ уѣздѣ, т.-е. диктантъ и изложеніе, а одна. Въ силу закона объ экзаменахъ на полученіе льготнаго свидѣтельства по отбываніи воинской повинности, долженъ быть диктантъ, поэтому письменныя изложенія должны вестись въ продолженіе учебнаго года, провѣрка которыхъ можетъ быть при ревизіи, на экзаменахъ же—одинъ диктантъ.

№ 16.

Основы для выбора знаній: о природѣ, географическихъ и историческихъ, недостатки въ постановкѣ этихъ предметовъ въ народной школѣ. О необходимости устройства музея наглядныхъ пособій.

Докладъ учителя А. А Соколова.

По волѣ законодателя, въ положеніи о народныхъ училищамъ 1874 года, „Народная школа имѣетъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозно-нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя свѣдѣнія“. Религіозно-нравственное воспитаніе относится къ обязанностямъ законоучителя школы, попечителя и учителя, распространеніе же полезныхъ свѣдѣній — только на обязанности послѣдняго, т. е. учителя.

Съ самаго начала возникновенія народныхъ школъ съ 3-хъ годичнымъ курсомъ и до сего времени, согласно вышеозначенному положенію о нихъ, наши отечественные педагоги Ушинскій, бар. Корфъ, гр. Толстой, Бунаковъ, Тихомировъ, Барановъ, Горбуновъ-Посадовъ и другіе, относя къ полезнымъ свѣдѣніямъ знакомство съ природой и родиной, вводили и вводятъ въ книгу для класснаго чтенія, въ большей или меньшей степени, статьи и для ознакомленія съ окружающей насъ природой, родиновѣдѣніемъ и міровѣдѣніемъ.

Объемъ свѣдѣній по вышеозначеннымъ предметамъ намѣчался и развивался въ народныхъ школахъ Московскаго уѣзда постепенно, а именно: 1) На съѣздѣ учителей въ 1882 году былъ возбужденъ вопросъ о разработкѣ программы по исторіи, 2) на съѣздѣ—въ 1884 году была предложена программа свѣдѣній изъ природы, географіи и исторіи Я. Е. Жуковымъ и 3) на педагогическихъ курсахъ въ 1897 году была бесѣда руководителя ихъ Д. И. Тихомирова о чтеніи естественно-историческомъ, географическомъ и историческомъ. Сообщеніе знаній по этимъ предметамъ не было обязательнымъ, но во вновь утвержденной примѣрной программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1897 г.) относительно сообщенія этихъ свѣдѣній, на стр. 23-й, сказано такъ: „Кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, *должны быть читаемы* статьи по *исторіи и географіи Россіи*, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію съ родиной, статьи по *естествовѣдѣнію*, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигіенѣ и другія дѣловыя статьи, помѣщенныя въ классной хрестоматіи". Слѣдовательно, сообщеніе знаній по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію съ этого времени становится *обязательнымъ*. Въ школахъ нашего уѣзда стремленіе учителей къ сообщенію этихъ знаній было и раньше, что мы видимъ изъ конспектовъ пройденнаго, помѣщенныхъ въ отчетахъ о школахъ нашего уѣзда за прошедшіе годы.

Какіе *воспитательныя* цѣли могутъ преслѣдоваться при сообщеніи знаній *о природѣ?*

Народныя учителя, живя въ деревнѣ ясно видѣли, что сельское населеніе, за рѣдкими исключеніями, мало имѣетъ знаній объ окружающей ихъ природѣ. Желая принести населенію посильную пользу, учителя съ первыхъ же лѣтъ своей службы сообщали путемъ бесѣдъ и чтенія, знанія о природѣ своимъ учащимся, а черезъ послѣднихъ и населенію. На первыхъ порахъ своей службы учителю пришлось узнать о суевѣріи народа, а извѣстно, что суевѣріе служитъ преградой къ пониманію явленій природы и къ улучшенію народнаго труда. Учитель

видѣлъ, что веденіе сельскаго хозяйства раціонально требуетъ массы знаній. Дѣйствительно, во всю свою жизнь крестьянину приходится постоянно имѣть дѣло съ природой и бороться съ ней. Правда, дѣти сельскихъ жителей и знакомятся съ окружающей природой рано и получаютъ много впечатлѣній изъ нея, но школа, имѣя это въ виду и зная, что здѣсь они начали свое образованіе и тутъ же закончатъ его, *должна* эти впечатлѣнія привести въ сознаніе, воспитать, на сколько возможно, разумное, сознательное отношеніе къ природѣ, школа *должна* присоединить къ прежнимъ знаніямъ —новыя, указать на неизмѣнность законовъ въ явленіяхъ природы, возбудить интересъ къ знанію и охоту къ чтенію.

Какія *воспитательныя* цѣли могутъ преслѣдоваться при сообщеніи знаній по *географіи и исторіи?*

При сообщеніи основныхъ понятій по географіи и исторіи путемъ бесѣдъ и чтенія популярно-научныхъ статей, школа должна дать законченное первоначальное общее образованіе, которое будетъ служить окончившему курсъ ученику фундаментомъ къ дальнѣйшему развитію. Литературно-художественныя статьи по тѣмъ же предметамъ будутъ имѣть дѣйствіе на воображеніе и чувство, укрѣпятъ знанія, возбудятъ любовь къ труду на общую пользу и стремленіе къ большему ознакомленію съ родиной и міровѣдѣніемъ. Подъ вліяніемъ чтенія тѣхъ и другихъ статей ученикъ можетъ потомъ сдѣлаться разумнымъ сыномъ родины. При знакомствѣ съ минувшемъ судьбой нашего отечества ученикъ узнаетъ лучшихъ людей родной земли, ихъ самоотверженное и безкорыстное служеніе на общую пользу, быть можетъ это ему подскажетъ, что жить слѣдуетъ не только для себя, но и для другихъ, для общества, для родины.

Для возможности сообщенія знаній по естествовѣдѣнію, географіи и исторіи *воспитательно* могутъ быть слѣдующія средства;

1) Книга для класснаго чтенія съ значительными отдѣлами литературно-художественныхъ статей и научно-популярныхъ.

2) Бесѣда учителя при чтеніи тѣхъ и другихъ статей.

3) Школа должна располагать по этимъ предметамъ достаточнымъ количествомъ наглядныхъ пособій.

4) Устройство музея наглядныхъ пособій при Уѣздной Управѣ.

5) Экскурсіи и путешествія.

6) Чтеніе и пѣніе стихотвореній о природѣ и родинѣ на школьныхъ праздникахъ.

7) Достаточное количество хорошихъ книгъ въ ученической библіотекѣ и своевременное пополненіе ея.

8) Хорошимъ наглядным пособіемъ къ распространенію полезныхъ знаній можетъ быть садоводство, огородничество и пчеловодство при училищѣ, если только эти отрасли сельскаго хозяйства находятся въ умѣлыхъ рукахъ учителя, и если бесѣды учителя съ учениками (а не занятія, на которыя у учащихся нѣтъ и времени) не будутъ производиться въ ущербъ школьному дѣлу вообще.

9) Благотворное вліяніе имѣло бы для школы уменьшеніе программы по грамматикѣ и указаніе Училищнаго Совѣта на задачники, въ объемѣ которыхъ и могли бы предъявляться требованія.

На успѣхъ школы вообще и возможность сообщенія полезныхъ знаній съ *воспитательными* цѣлями въ частности имѣетъ вліяніе, значительная часть манкировокъ по болѣзни, отсутствіе врачебнаго надзора, недостатокъ питанія, одежды и обуви, болѣзнь учителя и гигіеническія условія школьнаго помѣщенія.

Обученіе было бы *воспитывающимъ*, если бы учащіе не были принуждены, по причинѣ значительнаго объема программы въ настоящее время, увеличивать число учебныхъ часовъ съ 4 или 5 до 7 — 8 въ день. До поступленія въ школу дѣти большую часть дня проводили въ движеніи на свѣжемъ воздухѣ, а въ школѣ ихъ, даже учениковъ младшаго отдѣленія, дѣтей 8-ми лѣтъ, задерживаютъ съ 8 часовъ утра и до вечера.

Не будетъ также обученіе *воспитывающимъ*, если въ теченіе учебнаго года учитель или учительница, подъ вліяніемъ мысли о ревизіи и экзаменѣ, будетъ торопиться, хотя и по своей волѣ, сообщеніемъ знаній и постоянно повторять пройденное до заучиванія. Конечно, въ такихъ случаяхъ учитель сознаетъ, что работаетъ не такъ, а трудъ не по совѣсти—разрушительно дѣйствуетъ на человѣческую личность, принижаетъ и угнетаетъ его. Разумѣется этого не было бы, если бы сообщеніе знаній учитель дѣлалъ не торопясь, спокойно, безъ вспышки и возвышенія голоса, наглядно, концетрически, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, посильно для учащихся, обращая надлежащее вниманіе на малоспособныхъ учениковъ и внушая имъ вѣру въ свои силы и стремленіе руководиться *своимъ* разумомъ, самостоятельно. Но дѣти наблюдательны. Страхъ учителя или учительницы за свое положеніе и мнѣніе о нихъ Начальства ученики успѣваютъ подмѣтить и невольно передается и имъ, а извѣстно, что страхъ въ человѣкѣ вреденъ: онъ подавляетъ всякую душевную и физическую дѣятельность, истощаетъ силы и че-

ловѣкъ теряетъ сообразительность. Слѣдовательно обученіе будетъ *воспитывающимъ*, если учитель самъ увѣренъ въ правильности веденія своего дѣла, не боится за будущее и вѣритъ въ доброе отношеніе къ нему начальства.

Въ настоящее время учитель бо́льшую часть учебнаго дня удѣлять на обученіе быстрому разбору сложныхъ предложеній, письму подъ диктантъ безъ ошибокъ, рѣшенію трудныхъ для 10—12-ти-лѣтняго возраста задачъ и умѣнью хорошо письменно изложить статью, прочитанную учителемъ только одинъ разъ и безъ устнаго пересказа ученикомъ, а поэтому для возможности сообщенія полезныхъ знаній учителю приходится невольно, не жалѣя ни своихъ ни дѣтскихъ силъ, увеличивать число учебныхъ часовъ.

Извѣстно, что мальчики и дѣвочки, окончившіе курсъ въ школѣ, быстро забываютъ типы задачъ, которыми они руководились при рѣшеніи ихъ въ школѣ, и значительную часть правописанія, несмотря на то, что они имѣли въ школѣ громадную для дѣтскихъ силъ практику потому и другому предмету. Прежде, лѣтъ 15—20 тому назадъ, оканчивали курсъ и съ 10-ю ошибками въ диктантѣ, задачу на экзаменѣ рѣшали только вполнѣ посильную для учениковъ начальныхъ школъ, но, несмотря на все это, про нихъ въ настоящее время можно сказать, что, по причинѣ посильнаго для нихъ ученья, они вынесли изъ школы добрую память о ней и стремленіе къ саморазвитію путемъ чтенія.

Расходуя большую часть времени на грамматику съ грамматическимъ разборомъ, диктантъ, изложеніе и рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ по различнымъ задачникамъ и на различные типы, учителю остается очень и очень мало времени на сообщеніе знаній о природѣ, родинѣ и чтеніе литературно-художественныхъ статей, что главнымъ образомъ имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ *воспитанія* человѣка.

Сообщеніе знаній по исторіи и географіи Россіи и естествовѣдѣнію съ воспитательной точки зрѣнія весьма желательно, а программою М. Н. П. требуется, какъ мы уже знаемъ и обязательно (23 стр.), но въ какомъ размѣрѣ должны быть сообщены всѣ эти свѣдѣнія, — программа не указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе курса этихъ предметовъ „дополнительными свѣдѣніями“ можетъ быть лишь съ разрѣшенія начальства. Такимъ образомъ, какъ составители книгъ для класснаго чтенія, такъ ровно и народные учитетя до тѣхъ поръ могутъ находитяся въ затруднительномъ положеніи относительно обязательнаго объема знаній по этимъ предметамъ, пока начальствомъ не будетъ указанъ minimum этихъ свѣдѣній. Правда, той же программой указывается, что должны быть читаемы статьи, „помѣщенныя въ классной

хрестоматіи", а при объясненіи статей учитель долженъ сообщить „только самое неоходимое, избѣгая многословія и не удаляясь отъ читаемаго текста.

Книгами для класснаго чтенія въ настоящее время болѣе всего служатъ слѣдующіе: Буквари и первыя книжки для чтенія Тихомирова и Баранова; „Родное Слово", 2-й годъ, „Дѣтскій Міръ", 1—2 части Ушинскаго, 1, 2, 3 и 4 книжки Толстого; 3-я книга Баранова; „Вещіе Всходы"—Тихомирова и „Бесѣды о Природѣ"—Зобова.

За отсутствіемъ такой христоматіи, съ помощью которой можно было бы дать полезныя знанія согласно программѣ М. Н. П., учителю приходится пользоваться для класснаго чтенія нѣсколькими книгами, при чемъ содержаніе одной книги дополняется статьями или цѣлыми отдѣлами другой.

По причинѣ отсутствія книги для класснаго чтенія съ достаточными отдѣлами свѣдѣній, указанныхъ программою М. Н. П., а также и для удобства учащимъ и учащимся, желательно, чтобы была издана или указана для этой цѣли книга со слѣдующими отдѣлами:

1) Религіозно-нравственный; 2) О человѣкѣ; 3) О природѣ; 4) Землевѣдѣніе, міровѣдѣніе и географія Россіи; 5) Исторія Россіи; 6) О сохраненіи здоровья; 7) Сельское хозяйство и 8) Литературно-художественной.

Чтобы не стѣснять самодѣятельности учителя, ему предоставляется программою М. Н. П. выборъ книгъ для класснаго чтенія, а также и право переносить части курса изъ одного года въ другой. Распредѣлить сообщеніе знаній изъ природы, географіи и исторіи по отдѣленіямъ долженъ самъ учитель согласно мѣстнымъ условіямъ и выбору книгъ. По этимъ же причинамъ одинакового объяма свѣдѣній въ школахъ по вышеозначеннымъ предметамъ въ дѣйствительности и быть не можетъ. Подробная разработка программы по сообщенію свѣдѣній изъ природы, географіи и исторіи должна быть составлена самимъ учителемъ, но *намѣтить основныя начала* этихъ предметовъ *весьма желательно*.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, что же, приблизительно, возможно сообщить въ народной школѣ по этимъ предметамъ, безъ увеличенія учебныхъ часовъ, т. е. *безъ ущерба физическому развитію учащихся*, но съ увеличеніемъ курса на одинъ годъ?

При посильныхъ для учащихся занятіяхъ по грамматикѣ, диктанту, письменному изложенію и ариѳметикѣ и при детальной разработкѣ программы М. Н. П., основы знаній изъ природы, географіи и исторіи въ начальномъ народномъ училищѣ могли бы быть намѣчены слѣдующей программой:

I. Изъ природы.

1.

О человѣкѣ. Части человѣческаго тѣла. Органы чувствъ. Скелетъ, мускулы, нервы, мозгъ, кровеносные сосуды, сердце, желудокъ, легкія и наружные покровы. Душевныя способности.

2.

а) *Животныя млекопитающія.* Домашнія животныя: лошадь, корова, овца, свинья, собака, кошка. Дикія животныя: медвѣдь, волкъ, лисица, бѣлка, заяцъ, кротъ, ежъ, летучая мышь, обезьяна, тюлень, китъ. Животныя травоядныя, плотоядныя и насѣкомоядныя. Жвачка животныхъ. Польза и вредъ животныхъ. Забота и любовь человѣка къ домашнимъ животнымъ. Горе и радость дикихъ животныхъ, защита отъ холода, доброе отношеніе къ нимъ человѣка.

б) *Птицы.* Канарейка, куры, скворецъ, ласточка, ястребъ, сова, дятелъ. Птицы домашнія и дикія, перелетныя и зимующія. Птицы насѣкомоядныя, хищныя и водныя. Различіе между выводковыми и птенцовыми птицами. Полезныя птицы. Сходство и различіе съ млекопитающими животными.

в) *Пресмыкающіяся (и земноводныя) животныя:* Ящерица, ужъ, гадюка, лягушка, жаба. Чѣмъ дышатъ эти животныя. Полезныя пресмыкающіяся. Сравненіе ихъ съ млекопитающими и птицами

г) *Рыбы.* Окунь, сельдь, стерлядь. Чѣмъ и какъ дышатъ рыбы. Отличіе рыбъ отъ другихъ животныхъ.

д) *Насѣкомыя.* Майскій жукъ, бабочка, пчела, муха. Животныя позвоночныя и безпозвоночныя. Превращенія насѣкомыхъ и органы дыханія. Вредъ и польза отъ насѣкомыхъ; ихъ враги.

е) *Безпозвоночныя животныя* (продолженіе). Паукъ, червь, улитка. Польза отъ нихъ и вредъ.

3.

Растенія. Яблоня, кленъ, вишня, березка, ива, ель, сосна, рожь, овесъ, ленъ, клеверъ, мохъ, грибъ. Деревья, кусты, хлѣбныя растенія, огородныя овощи, цвѣты, травы, мхи, грибы. Части растеній. Значеніе для растенія корня, коры, листьевъ и плодовъ. Пища растеній. Цвѣтковыя растенія, части цвѣтка. Безцвѣтковыя или споровыя растенія. Растенія однолѣтнія и многолѣтнія. Размноженіе растеній сѣменами,

корнями и отпрысками. Пользы растеній для человѣка. Зависимость животныхъ отъ растеній. Торфъ и каменный уголь.

Примѣчаніе. Въ начальной школѣ не слѣдуетъ удѣлять много времени на подраздѣленія животныхъ и растеній по сухой научной системѣ на классы, отдѣлы, семейства, роды и виды, хотя эти занятія съ учащимися болѣе старшаго возраста и способствуютъ логическому мышленію. Чтеніе статей, которыя живо рисуютъ жизнь животныхъ, и бесѣды съ наглядными пособіями по поводу этихъ статей скорѣе пробуждаютъ въ ученикахъ интересъ къ окружающему и разумное отношеніе къ природѣ.

4.

Ископаемыя или минералы. Кремень, глина, соль, сѣра, нефть, желѣзо, мѣдь, золото, ртуть, шиферъ, гранитъ, известь. Камни, земли, соли, горючія вещества, металлы. Производство стекла. Руда, рудники и производство металловъ. Польза, доставляемая человѣку ископаемыми.

5.

О водѣ, воздухѣ и теплотѣ. Свойства воды и воздуха. Части воздуха. Вѣтеръ, буря и путешествіе воды. Расширеніе тѣлъ отъ теплоты. Измѣреніе теплоты. Хорошіе и плохіе проводники тепла. Испареніе, туманъ, роса, иней, облако, дождь и снѣгъ. Значеніе воды, воздуха и теплоты для жизни человѣка, животныхъ и растеній.

6.

Магнитъ, устройство компаса. *Электричество*, устройство громоотвода.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія эти изъ книгъ „Дѣтскій Міръ“ Ушинскаго или „Бесѣды о Природѣ“ Зобова.

II. Географія.

I.

Землевѣдѣніе. а) Страны свѣта. Компасъ. Рисунокъ и планъ. Масштабъ. Страны свѣта на планахъ. Равнины, плоскогоріе, низменность, степь, пустыня, тундра, тайга. Гора, холмъ и ихъ части. Рѣка и ея части: истокъ, русло, устье, притокъ, порогъ, водопадъ и берега правый и лѣвый. Озеро, прудъ, болото. Океанъ, море, заливъ, проливъ

и гавань. Островъ и полуостровъ. Польза отъ горъ, рѣкъ и морей. Климатъ. Почва. Географическая карта.

б) Видъ земли и глобусъ. Отчего бываетъ день и ночь. Отчего происходятъ времени года. Части свѣта и океаны, знакомство съ полушаріями. Раздѣленіе земли, по степени тепла, на пояса. Вулканы и гейзеры.

2.

Міровѣдѣніе. Планеты. Луна и перемѣны ея. Затменія луны и солнца. Падающія звѣзды и кометы. Солнце и неподвижныя звѣзды. Млечный путь. Міръ или Вселенная.

3.

Россія. Границы, горы и возвышенности. Моря, озера и рѣки. Водные пути и каналы. Общее понятіе о климатѣ и почвѣ Россіи. Народонаселеніе Россіи и раздѣленіе его по образу жизни и занятіямъ. Государственное и общественное управленіе Россіи.

Сѣверный край. Лѣсная сторона. Прибалтійскій край. Западный край. Промышленный край. Хлѣбородная или черноземная полоса. Степной край. Прикаспійскія степи. Кавказъ. Уральскій край. Сибирь.

4.

Сосѣднія съ Россіей государства. Перечисленіе главнѣйшихъ—въ разныхъ странахъ—государствъ и ихъ главнѣйшіе города.

Примѣчаніе. При сообщеніи знаній по географіи дѣло учителя—преслѣдовать воспитательныя цѣли, а по этому не слѣдуетъ доводить эти свѣдѣнія путемъ усиленнаго повторенія, что отнимаетъ много учебнаго времени, до заучиванія.

Статьи для чтенія изъ 3-й книги Баранова и „Дѣтскій Міръ“ Ушинскаго.

III. По исторіи.

Жизнь русскихъ славянъ за 1000 лѣтъ. Начало русскаго государства. Кн. Ольга и кн. Владиміръ. Крещеніе русскаго народа. Ярославъ Мудрый. Кіево-Печерскій монастырь. Владиміръ Мономахъ. Сѣверная Русь. Татарская неволя: Битва на Калкѣ, Нашествіе Батыя, Александръ Невскій, Св. Петръ и кн. Іоаннъ Калита, Преподобный Сергій Радонежскій, Дмитрій Донской, Сверженіе татарскаго ига. Покореніе Казани и Астрахани. Завоеваніе Сибири. Прикрѣпленіе кресть-

янъ къ землѣ. Борисъ Годуновъ и Дмитрій Царевичъ. Дмитрій Самозванецъ. Грамоты Троице-Сергіевской лавры. Мининъ и Пожарскій. Воцареніе Михаила. Присоединеніе Малороссіи. Расколъ въ Православной церкви. Петръ Великій и первыя преобразованія Петра. Завоеваніе береговъ Балтійскаго моря. Основаніе Петербурга. Ломоносовъ. Екатерина Великая. Заботы Екатерины II о просвѣщеніи. Присоединеніе Новороссіи и Крыма. Александръ I и Отечественная война. Николай I и осада Севастополя. Александръ II и преобразованія: Освобожденіе крестьянъ; новый судъ; земскія учрежденія; всеобщая воинская повинность.

Примѣчаніе. Хронологія — только самыхъ важнѣйшихъ событій.

Главное вниманіе обращается на слѣдующіе свѣточи нашей исторіи: Св. Владиміръ, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Димитрій Донской, Мининъ и Пожарскій, Петръ Великой, Екатерина Великая, Александръ I и Царь Освободитель.—Все остальное въ исторіи сгруппировывается около этихъ лицъ и ихъ дѣяній.

Статьи для чтенія „Вешніе Всходы“ Тихомирова и „Дѣтскій Міръ“ Ушинскаго.

Наглядныя пособія для сообщенія свѣдѣній:

I. Изъ природы.

1. Картины Вольнаго Экономическаго Общества.
2. Зоологическій атласъ Папъ-Карпантье.
3. Десять картинъ, изд. Фену и К°, „Изъ русской природы и жизни.
4. Гербаріумъ (собранный самимъ учителемъ).
5. Коллекція минераловъ (въ дополненіе къ собранному учителемъ).
6. Компасъ.
7. Магнитъ.
8. Термометръ.

II. Изъ географіи.

1. Глобусъ.
2. Карта Московской губерніи.
3. Карта полушарій.
4. Карта Россійской Имперіи или карта Европейской Россіи и карта Азіатской Россіи.

5. Карта Европы.
6. Картины Животовскаго.

III. Изъ исторіи.

1. Историческія картины Рождественскаго.
2. Или картины Зенгбуша (самыя дешевыя).

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Принимая во вниманіе, что почти всѣ дѣти сельскаго населенія заканчиваютъ свое первоначальное образованіе курсомъ народнаго училища, въ школѣ *должно сообщать ученикамъ знанія изъ природы, географіи исторіи.*

2) Для возможности сообщенія этихъ знаній *воспитательно и посильно* для учащихся, желательно *курсъ примѣрной программы М. Н. П.* (безъ добавочныхъ свѣдѣній по основнымъ предметамъ, кромѣ сообщенія знаній изъ природы, географіи и исторіи) *распредѣлить на четыре года.*

3) *Въ настоящее время не имѣется такой книги для класснаго чтенія*, съ помощью которой учитель могъ бы концетрически сообщить знанія изъ природы, географіи и исторіи въ объемѣ, указанномъ мною въ докладѣ.

4) Въ виду *воспитательныхъ цѣлей*, желательно имѣть въ школѣ большее количество *наглядныхъ пособій и музей* этихъ пособій при Уѣздной Управѣ.

5) При увѣренности учителя въ правильности веденія своего дѣла, при отсутствіи боязни за свое будущее и при вѣрѣ въ доброе отношеніе къ нему начальства, — обученіе учащихся вообще и сообщеніе полезныхъ знаній въ частности—будетъ *воспитывающимъ.*

№ 17.

О IV дополнительномъ отдѣленіи при 1-мъ Всѣхсвятскомъ училищѣ.

Докладъ учительницъ Е. С. Никольской и Е. А. Грузовой.

На послѣднихъ педагогическихъ курсахъ въ 1897 году, при пересмотрѣ программы Министерства Народнаго Просвѣщенія, преподаватели народныхъ школъ пришли къ убѣжденію, что выполненіе дополнительныхъ программъ въ теченіе трехлѣтняго курса обученія въ народныхъ

училищахъ невозможно, тутъ-то и возникъ вопросъ о 4-омъ годѣ обученія въ народной школѣ, вызвавшій много разговоровъ и преній.

Что 4-ый годъ обученія въ нашей школѣ необходимъ, это можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ:

1) Если собрать статистическія свѣдѣнія по всѣмъ школамъ, въ какомъ отдѣленіи задерживается больше всего учениковъ на 2-ой годъ, то, вѣроятно, получится тождественный отвѣтъ, что задерживается больше всего учениковъ на 2-ой годъ во II-омъ отдѣленіи. Отчего же это происходитъ? А происходитъ это оттого, что, разсмотрѣвъ внимательно программу 1897 года Министерства Народнаго Просвѣщенія, всѣ убѣдятся, что самая трудная и непосильная работа приходится на II-ое отдѣленіе.

Мы переводимъ изъ I-го въ II-ое отдѣленіе учениковъ, умѣющихъ правильно читать, списывать съ книги, не искажая слова, писать, болѣе или менѣе, прилично каллиграфически по 2-мъ линейкамъ; — между тѣмъ какъ въ II-омъ отдѣленіи ученику, начиная съ Закона Божія, приходится изучать все вновь, кромѣ того приходится пріучать его и къ скорописи, иначе не будетъ возможности выполнять ту массу письменныхъ работъ, которая требуется во II-омъ отд.; поэтому часто оказывается, что ученикъ, въ I-омъ отдѣл. писавшій хорошо, конечно, по крупному, во II-мъ отдѣл. начинаетъ писать каракули; учитель съ него всыскиваетъ, а между тѣмъ ученикъ ничѣмъ не виноватъ: писать по крупному только можно медленно, а при массѣ различныхъ письменныхъ упражненій во II-мъ отдѣленіи у ученика является торопливость, которая безусловно вредно отзывается на его работѣ: помимо того, что ученикъ пишетъ некрасиво, у него нарушается и вниманіе, отъ невниманія часто являются ошибки, которыя онъ тотчасъ же самъ и исправляетъ.

Преподаватель и самъ часто торопитъ ученика, а вынужденъ онъ это дѣлать изъ боязни не успѣть пройти программу II-го отдѣленія, поэтому онъ старается, какъ можно скорѣе, сообщать дѣтямъ правило за правиломъ, чтобы успѣть пройти все до экзамена.

Многіе учителя и учительницы, особенно недавно практикующіе, встрѣтившись со своими товарищами, справляются о количествѣ пройденнаго ими матеріала и, если узнаютъ, что въ той или другой школѣ прошли нѣсколько больше, чѣмъ у нихъ, начинаютъ усиленно заниматься со своими учениками, чтобы не отстать отъ другихъ, является соревнованіе, которое вредно отзывается на школѣ. Въ результатѣ получается что же? Учитель утомляетъ себя и учениковъ, раздра-

жается, получаетъ сбивчивые отвѣты, и вообще подобный урокъ надо считать потеряннымъ, потому что онъ не достигъ своей цѣли.

Многіе возразятъ, что преподавателю нѣтъ нужды торопиться проходить программу II-го отдѣл., потому что мы имѣемъ право переносить то или другое изъ одного года въ другой по своему усмотрѣнію, можно то или другое пройти раньше или позднѣе или вовсе перенести на 3-ій годъ обученія, но тогда получится столько неразработаннаго матеріала въ 3-емъ отдѣленіи, что не будетъ физической возможности справиться ни ученику, ни учителю; такимъ образомъ пострадаетъ 3-ье отдѣленіе.

2) Изъ II-го отдѣленія въ III-ье переводится не болѣе половины и даже, по большой части, $^1/_3$ учениковъ, это происходитъ оттого, что многіе изъ учениковъ II-го отдѣленія не усвоили хорошо преподаннаго имъ въ учебномъ году, не по малоспособности своей, а потому что слишкомъ обширна и трудна программа II-го отдѣленія для ребенка 9—10 лѣтъ.

Такіе-то ученики оставляются на 2-й годъ, потому что въ 3-емъ отдѣленіи занятія уже настолько серьезны, что требуютъ развитія и самостоятельной работы отъ учениковъ. Но отчего же происходитъ, что одни ученики могли воспринять преподанное имъ, а другіе плохо, и даже бываютъ такіе, которые совершенно остаютъ отъ класса?

Надо принять въ разсчетъ возрастъ ученика, его умственное развитіе: большинство учениковъ 3-го отдѣл. отъ 11 — 12 лѣтъ, а между тѣмъ объемъ программы такъ великъ, что въ этомъ возрастѣ воспринять все основательно едва ли могутъ всѣ ученики; малоуспѣшные ученики должны бы были остаться на 2-ой годъ въ III-емъ отдѣленіи, но до сихъ поръ сохранилось мнѣніе еще у многихъ экзаменаторовъ, что должны кончать всѣ ученики, представляемые на экзаменъ, и потому учителя стараются тянуть учениковъ, налегаютъ на слабыхъ, чтобы подогнать всѣхъ къ экзамену, а этого при нормальной постановкѣ дѣла не должно быть.

Изъ всего сказаннаго выше можно вывести слѣдующее заключеніе: программа II-го отдѣленія, по своей обширности, не можетъ быть пройдена и вполнѣ усвоена въ теченіе одного года, а отсюда и вытекаетъ необходимость 4-го года обученія.

При четырехгодичномъ курсѣ обученія можно было бы равномѣрно распредѣлить матеріалъ занятій на 4 года, и работа оказалась бы посильной и учителю, и ученику, тѣмъ болѣе, что задача народной школы — дать возможно больше толковыхъ и основательныхъ свѣдѣній ученику, которыя могли бы быть ему полезны на всю жизнь, имѣя въ

виду, что большинство обучающихся въ нашихъ школахъ ограничивается этимъ образованіемъ, а получивъ толчекъ къ развитію въ школѣ, ученикъ можетъ пополнять свои знанія чтеніемъ по выходѣ изъ школы; поэтому намъ и надо стараться сообщить нашимъ дѣтямъ, какъ можно больше, и толково изъ того, что стоитъ въ дополнительной программѣ, но все это выполнимо въ томъ случаѣ, если въ нашемъ распоряженіи будетъ достаточное количество времени, т.-е. при четырехгодичномъ обученіи.

Сейчасъ мы тоже проходимъ, ходя далеко не всю, дополнительную программу въ III-емъ отд., но этотъ трудъ не достигаетъ существенной цѣли, потому что не успѣемъ сообщить и выяснить одного предмета, какъ уже перескакиваемъ на другой, за неимѣніемъ времени; при распредѣленіи той же программы на 4 года обученія учитель можетъ заниматься спокойно, толково, а также онъ не будетъ вынужденъ задерживать учениковъ послѣ класса, что безусловно вредно, какъ для учителя, такъ и для ученика.

Вообще поспѣшность, съ которой мы теперь проходимъ программу въ 3 года, приводитъ къ грустнымъ результатамъ: учитель, всѣми силами, старается вложить ученикамъ тѣ или другія знанія и, кажется, все объяснилъ толково, а вмѣсто того получаетъ неувѣренные, сбивчивые отвѣты, часто совершенно искажающіе смыслъ; учитель падаетъ духомъ, думая, что онъ недостаточно хорошо передалъ ученикамъ, а на самомъ дѣлѣ это происходитъ оттого, что ученики, по своему недоразвитію, не могли воспринять всего преподаннаго имъ, между тѣмъ какъ на слѣдующій годъ, будучи постарше, они это же самое восприняли бы безъ труда.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ данныхъ становится яснымъ, что 4-ый годъ обученія, при существующей программѣ съ дополнительными свѣдѣніями, кромѣ ариѳметики, желателенъ и даже, можно сказать, необходимъ, а пока это еще не осуществилось, въ тѣхъ школахъ, гдѣ это возможно, 4-ый дополнительный классъ желателенъ и положительно полезенъ, въ чемъ мы убѣдились изъ нашей двухлѣтней практики занятій съ учениками IV-го дополнительнаго отдѣленія въ нашемъ I-мъ Всѣхсвятскомъ училищѣ.

Вслѣдствіе разногласія по поводу преобразованія народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ въ школу съ четырехгодичнымъ курсомъ, при той же программѣ, вопросъ о 4-мъ годѣ обученія остался открытымъ, но въ видѣ опыта нашимъ Начальствомъ предложено было ходатайствовать предъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа объ открытіи IV-го дополнительнаго отдѣленія въ тѣхъ школахъ, гдѣ най-

дутъ это возможнымъ сами преподаватели, что и было сдѣлано при двухъ училищахъ: Красковскомъ и I-мъ Всѣхсвятскомъ.

Мы нашли возможнымъ открытіе IV-го дополнительнаго отдѣленія въ нашемъ Всѣхсвятскомъ училищѣ потому, что у насъ три преподавательницы, слѣдовательно, всегда можно найти время для занятій съ IV отдѣленіемъ; занятія эти доказали намъ, какіе благопріятные результаты даетъ IV дополнительное отдѣленіе, что можемъ подтвердить слѣдующимъ примѣромъ изъ своей практики. Одинъ мальчикъ 11 лѣтъ въ III-емъ отд. былъ хорошимъ ученикомъ, особенно любилъ ариѳметику, хорошо рѣшалъ задачи, но отставалъ отъ другихъ нѣсколько въ изложеніи; это происходило оттого, что, какъ мы замѣтили, мальчикъ не любилъ читать, хотя онъ и бралъ книги, но мѣнялъ часто не читанныя, такъ что приходилось заставлять его читать насильно, изложенія же онъ писалъ все-таки сносно, потому что обладалъ хорошей памятью, орѳографически писалъ вѣрно и, хотя по смыслу, придерживался книги, но въ общемъ выходило недурно, окончилъ курсъ онъ хорошимъ ученикомъ. Мы, учительницы, этого ученика считали способнымъ, но лѣнивымъ, думая, что онъ просто не желаетъ работать, но оказалось на самомъ дѣлѣ не такъ. На слѣдующій годъ этотъ ученикъ заявилъ о своемъ желаніи поступить въ IV-ое дополнительное отдѣленіе. Надо было видѣть, съ какимъ интересомъ началъ онъ заниматься, вслушивался со вниманіемъ въ каждую прочитанную статью, старался всегда первымъ передать ее и часто просилъ именно ту книжку, изъ которой былъ прочитанъ какой-нибудь разсказъ въ классѣ, успѣшно окончилъ IV отдѣленіе, очень полюбилъ чтеніе, и теперь одинъ изъ ревностныхъ посѣтителей библіотеки и читаетъ съ разборомъ.

Однажды онъ самъ сказалъ, будучи въ IV отдѣленіи: „Вотъ когда я понялъ, что значатъ квадратныя и кубическія измѣренія“, а между тѣмъ онъ былъ хорошимъ ученикомъ по ариѳметикѣ и въ III-емъ отдѣленіи. Оказывается, что все это непониманіе происходило оттого, что онъ, мальчикъ отъ природы неглупый, былъ недоразвитъ и потому занимался не съ охотой, когда же онъ толково сталъ уяснять себѣ, что толкуютъ въ классѣ, онъ и полюбилъ занятія, такъ что IV отдѣленіе не принесло ему ничего, кромѣ пользы.

Теперь перейдемъ къ вопросу: Много ли было желающихъ пріобрѣсти дополнительныя свѣдѣнія въ теченіе двухъ лѣтъ? Желающихъ посѣщать IV дополнительное отдѣленіе въ два года было 11 чел., въ 1899 году было желающихъ 5 чел. изъ 18 чел., окончившихъ курсъ, въ 1900 году — 6 чел. изъ 23 чел., а въ 1901 году изъявили желаніе 9 чел. изъ 26 чел., конечно, количество этъ очень не велико, но это

можно объяснить тѣмъ, что многіе еще и не знаютъ, что такое IV-ое отдѣленіе, такъ какъ это дѣло еще новое и очень часто сами ученики заявляютъ о своемъ желаніи продолжать, а не родители, но можно быть увѣреннымъ, что когда IV отд. будетъ организовано нормально, какъ 4-ый годъ обученія, то количество учениковъ IV отд. возрастетъ, потому что у родителей будетъ сознаніе, что онъ долженъ посѣщать IV отд., такъ какъ по окончаніи его ученики получатъ свидѣтельство, а теперь изъ IV отд. ученикъ ничего не получаетъ, потому, можетъ-быть, и многіе изъ родителей не довѣряютъ пользѣ IV отд., что можемъ подтвердить слѣдующимъ примѣромъ, имѣвшимъ мѣсто въ нашей школѣ. Одна дѣвочка, окончившая курсъ въ нынѣшнемъ году въ нашей школѣ, очень бы желала продолжать 4-ый годъ обученія, т.-е. посѣщать IV-е отд., и просила объ этомъ своихъ родственниковъ, но ей сказали, что она уже кончила курсъ, и теперь ей надо работать и отдаютъ ее въ портнихи, хотя крайности въ этомъ нѣтъ, и если бы былъ 4-й классъ нормальный, то ей позволили бы ходить въ школу въ IV отдѣленіе.

Можетъ-быть, возразятъ, что многіе не будутъ, при четырехгодичномъ курсѣ обученія, кончать курсъ, выйдутъ раньше изъ школы, но это зависитъ отъ мѣстныхъ условій и семейныхъ обстоятельствъ, и сейчасъ у насъ много выбываетъ до окончанія курса, особенно изъ II-го отд., такъ что будетъ ли количество выбывающихъ до окончанія курса при четырехгодичномъ курсѣ обученія больше, чѣмъ теперь, трудно сказать.

Въ заключеніе должно сказать, что 4-ый годъ обученія желателенъ вполнѣ, не отвергая пользы IV дополнительнаго отдѣленія, каковое существуетъ при двухъ училищахъ; такъ какъ замѣтно, что ученики, являющіеся въ IV дополнительное отдѣленіе, относятся къ дѣлу сознательно, съ живѣйшимъ интересомъ и съ большимъ вниманіемъ, стараясь не пропустить ничего изъ того, что говоритъ учитель, пріобрѣтаютъ вкусъ и любовь къ книгѣ и выходятъ изъ IV дополнительнаго отдѣл. съ порядочнымъ запасомъ довольно основательныхъ знаній, которыя служатъ толчкомъ къ саморазвитію путемъ чтенія.

При такомъ сознательномъ отношеніи къ дѣлу со стороны учениковъ IV дополнительнаго отдѣленія учитель получаетъ большое нравственное удовлетвореніе, но при этомъ надо замѣтить, что занятія въ IV дополнительномъ отдѣленіи требуютъ со стороны учителя большаго и серьезнаго труда, а также много времени, поэтому IV дополнительное отдѣленіе вполнѣ желательно и возможно въ школахъ съ тремя преподавателями, такъ какъ вполнѣ понятно, что гораздо больше времени останется у преподавателей той школы, гдѣ на каждаго преподавателя приходится одинъ классъ, притомъ дѣло это облегчается еще

значительно тамъ, гдѣ всѣ преподаватели школы принимаютъ участіе въ занятіяхъ съ учениками IV дополнительнаго отдѣленія.

Такъ, въ нашей Всѣхсвятской школѣ занятія съ IV отдѣленіемъ въ прошедшіе два года были раздѣлены между двумя преподавательницами, по-предметно, Е. С. Никольской и Е. А. Грузовой, а въ слѣдующемъ учебномъ году мы намѣрены раздѣлить занятія между всѣми тремя преподавательницами, что еще болѣе облегчитъ намъ это дѣло, и росписаніе уроковъ въ IV дополнительномъ отдѣленіи можно составить нормально, не задерживая этихъ учениковъ послѣ класса, что приходилось дѣлать эти два года. Вотъ все, что мы можемъ сказать о IV-мъ дополнительномъ отдѣленіи при школѣ съ тремя преподавателями; что же касается школы съ двумя преподавателями, то тамъ эти занятія распредѣлить гораздо труднѣе, и судить объ этомъ мы не беремся, объ этомъ сообщитъ учительница Красковскаго училища, М. К. Черногубова, а въ школѣ съ однимъ преподавателемъ IV дополнительное отдѣленіе окончательно невозможно. Особой программы для IV дополнительнаго отдѣленія нѣтъ.

Распредѣленіе занятій и матеріалъ, пройденный съ учениками IV дополнительнаго отдѣленія въ I Всѣхсвятскомъ училищѣ.

Въ 1899 году по русскому языку, исторіи и географіи занималась учительница Е. С. Никольская, а по естественной исторіи и по ариѳметикѣ—учительница Е. А. Грузова.

Въ 1900 году по русскому языку, исторіи, географіи и естественной исторіи занималась учительница Е. С. Никольская, а по ариѳметикѣ—учительница Е. А. Грузова.

По Закону Божію ученики IV дополнительнаго отдѣленія занимались совмѣстно съ учениками III отдѣленія.

Занятія эти въ прошломъ 1900 году были распредѣлены такъ: такъ какъ учительница Е. С. Никольская имѣла I-ое отдѣленіе, то до Рождества занималась съ нимъ до 12 час., два послѣобѣденныхъ часа употребляла на занятія съ IV отдѣленіемъ, да еще часы Закона Божія въ I отдѣленіи.

Учительница Е. А. Грузова брала одинъ часъ для занятій съ IV отд. по ариѳметикѣ, когда въ ея II отд. была какая-нибудь самостоятельная работа, часы Закона Божія во II отд. или же занималась съ IV отд. отъ 3—4 час., этотъ же часъ употребляли для внѣкласснаго чтенія.

По русскому языку больше всего было обращено вниманія на изложеніе, чтобы пріучить учениковъ свободно изъясняться на своемъ родномъ языкѣ, какъ устно, такъ и письменно. Статьи для изложеній

выбирались изъ 3 и 4 книги „Вешніе Всходы“ Тихомирова и изъ другихъ книгъ; писали изложенія по беллетристикѣ, описанія историческія и географическія, дѣлали сравненіе предметовъ. Первое время главное вниманіе было обращено на то, чтобы ученики быстро схватывали содержаніе статьи и сейчасъ же соображали, на сколько частей можно подраздѣлить ту или другую статью; планъ записывался, строго придерживаясь послѣдовательности, не искажая фактовъ и смысла данной статьи; въ концѣ же года ученики писали свободно, не записывая плановъ. При письмѣ изложеній обращено было вниманіе и на главныя правила правописанія, но вообще надо замѣтить, что самостоятельныя письменныя работы, которыхъ въ IV отд. не мало, вырабатываютъ стилистику, но при этомъ не страдаетъ и орѳографія: за немногимъ исключеніемъ, ученики IV отд. пишутъ почти безъ ошибокъ; также писали статьи безъ подготовки по исторіи, географіи и естественной исторіи въ предѣлѣ пройденнаго, что очень полезно для провѣрки знаній ученика въ данномъ предметѣ.

Русская исторія—по учебнику Тихомирова, пополнялась свѣдѣніями и по другимъ источникамъ.

По географіи:—подробно географія Россіи, учебники Пупыковича и Меча, всеобщая географія—по географической хрестоматіи Воронецкаго.

По естественной исторіи систематически пройдено по I-ой и II-ой ч. „Дѣтскій Міръ“.

Свѣдѣнія по физикѣ и другія—по книгѣ взрослыхъ, III ч., Алчевской.

По ариѳметикѣ—начиная съ квадратныхъ и кубическихъ мѣръ, до періодическихъ дробей.

Ариѳметика—Киселева, задачники—Евтушевскаго, II ч., и Малининъ и Буренинъ.

Въ заключеніе предлагаемъ выразить слѣдующія пожеланія.

1) Желательно 4-хъ годичное обученіе съ дополнительной программой, кромѣ ариѳметики, и съ сокращеніемъ грамматики.

2) До введенія 4-хъ годичнаго курса обученія оставить IV дополнительное отдѣленіе въ тѣхъ школахъ, гдѣ желаютъ этого сами преподаватели.

№ 18.

Выполненіе дополнительныхъ программъ. Возможно ли сообщеніе дополнительныхъ свѣдѣній, указанныхъ въ примѣрныхъ программахъ Мин. Нар. Просв., въ теченіе трехлѣтняго обученія въ народныхъ училищахъ, или же необходимо для этого установить 4-й годъ обученія, какъ это сдѣлано при двухъ училищахъ, съ разрѣшенія начальства? Выяснить, насколько необходимы дополнительныя свѣдѣнія, конечную ихъ цѣль. Много ли было желающихъ пріобрѣсти дополнительныя свѣдѣнія въ теченіе 3-хъ послѣднихъ лѣтъ существованія IV отдѣленія при двухъ училищахъ?

Докладъ учительницы М. К. Черногубовой.

Въ программѣ Мин. Нар. Просв. § 2 сказано: „Если школа находится при особенно благопріятныхъ условіяхъ (напр., для каждаго отдѣленія есть особый учитель или учительница), то курсъ ученія можетъ быть расширенъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями по предметамъ, преподаваемымъ въ народныхъ училищахъ, но лишь съ разрѣшенія директора сихъ училищъ, которое дается отдѣльно для каждой школы, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія Попечителя учебнаго округа.“ Эти свѣдѣнія относятся къ грамматикѣ, отечественной исторіи, географіи, письменнымъ изложеніямъ и ариѳметикѣ. Допускаются чтенія брошюръ по русской исторіи и географіи изъ числа одобренныхъ Мин. Народн. Просвѣщенія.

Въ Московскомъ уѣздѣ рѣдко можно встрѣтить школу съ составомъ 3-хъ преподавателей, но и тамъ, гдѣ преподавателей 2 или 1, часто программа исполняется въ совершенствѣ и проходятся всѣ разрѣшенныя программой дополнительныя свѣдѣнія, кромѣ программы по ариѳметикѣ. (Въ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ по ариѳметикѣ разрѣшается пройти всѣ 4 дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями, а также вычислять площади поверхности и объемы простѣйшихъ тѣлъ). Итакъ, программа учителями исполняется, проходятся дополнительныя свѣдѣнія, ученики прекрасно отвѣчаютъ на экзаменѣ и по грамматикѣ, и по исторіи, и по географіи, удивляютъ слушателей своими знаніями;

но только эти труженики-малыши да учителя ихъ знаютъ, до какихъ усилій, усталости, доходящей до полнаго истощенія силъ, доводятъ ихъ занятія, нерѣдко съ 8-ми часовъ утра до 5-ти часовъ дня. (Пусть простятъ меня учителя за эту откровенность!) Какихъ же результатовъ достигаетъ такое преподаваніе? Ученики отъ утомленія теряютъ охоту къ ученію, по окончаніи курса рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ связь съ училищемъ. Въ первые 2—3 года еще многіе обращаются въ школу за книгой, но мало-по-малу среда заѣдаетъ ихъ, а нетвердыя знанія исчезаютъ изъ памяти, а между тѣмъ школа должна развить охоту къ ученію, къ самообразованію. Отчего же бываетъ такое печальное явленіе? Учитель былъ на высотѣ своего призванія, ученики хорошіе. Отвѣтъ одинъ—отъ утомленія, отъ вліянія окружающей среды и нетвердыхъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ. Учителю нужно было пройти большую программу въ 3 неполные года, такъ какъ учебный годъ въ нашихъ школахъ продолжается не болѣе 7-ми мѣсяцевъ. Если принять во вниманіе, что ученикъ въ возрастѣ отъ 8-ми до 11 лѣтъ долженъ выучиться читать, правильно безъ ошибокъ писать, научиться хорошо излагать статьи, получить свѣдѣнія по географіи и исторіи, да притомъ еще твердо знать хронологію, свободно переводить церковно-славянскій текстъ и знать по Закону Божію молитвы, Ветхій, Новый завѣтъ и катехизисъ, а по ариѳметикѣ дѣлать чудеса въ устномъ вычисленіи и рѣшеніи всякихъ задачъ,—такъ можно понять всю трудность программы: и немало времени, трудовъ и силъ положитъ ученикъ за 21 мѣсяцъ (не считая манкировокъ), чтобы одолѣть всѣ эти науки. Учитель спѣшно пройдетъ всю программу, оставляя часто по отдѣленіямъ такихъ учениковъ, которые производятъ на первый взглядъ впечатлѣніе неспособныхъ, а на самомъ дѣлѣ они—туго развивающіяся дѣти. Въ особенности много отсталыхъ является во II-мъ отдѣленіи—это доказано статистикой; въ этомъ отдѣленіи программа обширнѣе, труднѣе; при переводѣ учитель знаетъ, что въ III-мъ отдѣленіи ему еще больше предстоитъ работы, и онъ не рѣшается на переводъ отсталыхъ, а ученикъ, оставаясь въ томъ же отдѣленіи, окончательно залѣнивается и теряетъ охоту къ ученію. Въ III-мъ отдѣленіи у учениковъ и учителя идетъ спѣшная горячая работа: надо загладить пробѣлы II-го отдѣленія, надо сообщить побольше полезныхъ знаній, надо приготовить къ выпускному экзамену; и вотъ учитель и ученикъ отъ непосильной работы нервничаютъ, раздражаются, что вовсе портитъ дѣло въ школѣ. Ненормальная постановка школьнаго дѣла влечетъ неизбѣжно такія послѣдствія. Очевидно, программа слишкомъ велика для 3-хъ неполныхъ лѣтъ, и эта главная причина раздраженія учителя. По окончаніи

курса ученія въ школѣ нерѣдко болѣе способныя и усердныя дѣти, сознавая нетвердость пріобрѣтенныхъ знаній, просятъ опять допустить ихъ въ школу „подовторить выученное", какъ выражаются ихъ родители, отъ которыхъ поступаютъ тоже просьбы о принятіи ихъ ребенка. „Что ему болтаться, пусть походитъ еще годъ, тверже будетъ знать," говорятъ они. Во многихъ школахъ 2—3, а иногда и большее количество учениковъ посѣщаютъ школу по окончаніи въ ней курса и терпѣливо просиживаютъ всѣ часы занятій. Изъ числа окончившихъ курсъ учениковъ находятся выдающіеся своими способностями и стремленіемъ къ ученію, которые жаждаютъ свѣта и познаній и умоляютъ учителя опредѣлить ихъ учиться дальше въ какое-нибудь училище, или хотя дозволить имъ посѣщать прежнюю школу. Такъ какъ въ Московскомъ уѣздѣ есть только 2 двухклассныя школы, которыя очень отдалены отъ ввѣреннаго мнѣ училища, то я, уступая просьбамъ этихъ маленькихъ Ломоносовыхъ и тѣхъ, которые желали повторить пройденное, обратилась съ просьбой къ Училищному Совѣту въ 1897 году разрѣшить мнѣ открыть 4-е дополнительное отдѣленіе при ввѣренномъ мнѣ училищѣ. Въ томъ же году на Рождественскихъ каникулахъ я узнала, что ходатайство мое принято Училищнымъ Совѣтомъ, который постановилъ: ввести занятія въ тѣхъ школахъ, гдѣ это будетъ возможно для преподавателей. Въ то время въ ввѣренную мнѣ школу поступила опытная и дѣльная учительница, и я нашла вполнѣ возможнымъ открыть у себя дополнительное отдѣленіе. За три года существованія IV отдѣленія въ нашемъ училищѣ окончили курсъ 35 человѣкъ, а училось 39 человѣкъ; 4 только не доучились до экзаменовъ; остальные исправно посѣщали школу, рѣдко манкировали, серьезно относились къ занятіямъ, подчиняясь всѣмъ школьнымъ порядкамъ. Со 2-й учительницей мы устроили правильное распредѣленіе занятій: раздѣливъ всѣхъ учениковъ на 4 группы, мы занимались каждая съ 2-мя группами (I—III, II—IV), переходя изъ отдѣленія въ отдѣленіе каждая съ своими учениками. Такое распредѣленіе занятій помогло намъ слѣдить за ходомъ своей работы, своихъ ошибокъ и легче провѣрять ученическія работы. Программой занятій намъ служило постановленіе г. Инспектора К. К. Кноблоха, утвержденное г. Директоромъ. Эта программа заключала въ себѣ всѣ дополнительныя свѣдѣнія, разрѣшенныя программой Мин. Народ. Просвѣщ. Намъ удавалось каждый годъ проходить основательно слѣдующее: полный курсъ русской исторіи, географіи, по ариометикѣ кубическія и квадратныя мѣры, 4 дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями; ученики читали образцы русскихъ писателей, писали болѣе трудныя изложенія; занимались уроками Закона Божія вмѣстѣ

съ III-мъ отдѣленіемъ и съ нимъ же читали и переводили евангеліе. Изъ чтеній статей въ хрестоматіяхъ, въ отдѣльныхъ брошюрахъ и изъ бесѣдъ съ учительницами они получили много свѣдѣній изъ природы: по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, физикѣ. Классной хрестоматіей служила книга Ушинскаго, „Дѣтскій міръ", часть II-я, а книги, дополняющія свѣдѣнія, читались „Богданова", Изъ русской природы," Вагнера, Вебера „Понемногу обо всемъ", книги Брэма о животныхъ, Зобова и другія.

Трехлѣтній опытъ доказалъ, что занятія на 4-й годъ обученія приносятъ ученикамъ большую пользу: они становятся развитѣе, тверже знаютъ пройденное въ IV-мъ отдѣленіи, пріобрѣтаютъ много полезныхъ знаній, у нихъ пробуждается интересъ къ книгѣ. Нѣкоторые изъ учениковъ IV-го отдѣленія нашей школы поступили въ московскія школы продолжать свое образованіе. Но не смотря на всю пользу IV-го отдѣленія, я признаю, что такая постановка дѣла въ нашихъ школахъ ненормальна не только для учениковъ, но и для самихъ преподавателей: 1) ежегодно мы должны готовить 2 выпуска учениковъ; обширная и неравномѣрно распредѣленная программа занятій во II-мъ и III-мъ отдѣленіяхъ проходилась обычнымъ чередомъ торопливо и скачками; въ IV-мъ отдѣленіи мы пополняли ея пробѣлы. 2) Ученики являлись вольнослушателями и посѣщеніе школы для нихъ считалось необязательнымъ. 3) Притомъ получалось крайнее утомленіе отъ поправокъ массы письменныхъ работъ учениковъ II-го и IV-го отдѣленія. Послѣ усиленнаго дневнаго труда приходилось весь вечеръ посвящать письменнымъ ученическимъ работамъ и свободнаго времени въ учебное время едва оставалось на чтеніе газеты и подготовку къ слѣдующему дню. Не было возможности выбрать времени на серьезное чтеніе и самообразованіе, такъ необходимое для учителей.

Правильной постановкой учебнаго дѣла и вполнѣ продуктивной для учениковъ нашей школы я считаю введеніе обязательнаго 4-хъ годичнаго курса обученія съ существующей программой, которую слѣдуетъ распредѣлить на 4 года такъ, чтобы учитель не спѣша могъ пройти всю программу и дополнительныя свѣдѣнія, необходимыя для крестьянскихъ дѣтей. При сокращеніи программы по грамматикѣ это возможно будетъ исполнить.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю необходимымъ обратить вниманіе настоящаго собранія на то, что съ такой организаціей IV-го дополнительнаго отдѣленія можно примириться только временно, что надлежитъ принять всѣ мѣры къ созданію особыхъ школъ съ высшимъ курсомъ, чѣмъ начальная, и съ особымъ педагогическимъ персоналомъ. Потреб-

ность населенія въ продолженіи образованія и послѣ окончанія курса въ земской школѣ проявляется настоятельно, объ этомъ свидѣтельствуютъ усиленныя просьбы учащихся и ихъ родителей, — и какъ тяжело бываетъ видѣть окончившаго курсъ ученика, бездѣятельно проводящаго жизнь до поступленія на мѣсто; въ это время, оставаясь почти весь день на улицѣ, онъ страшно балуется и служитъ дурнымъ примѣромъ другимъ дѣтямъ. Для учителя, преданнаго своему дѣлу и любящаго дѣтей, цѣлая трагедія заключается въ дурномъ поведеніи своего бывшаго ученика, въ особенности способнаго, подававшаго большія надежды въ будущемъ. Между тѣмъ, такое положеніе дѣлъ неизбѣжно: многія дѣти кончаютъ въ очень раннемъ возрастѣ, 11 — 12 лѣтъ, когда они еще не пригодны для практической жизни и поневолѣ остаются не у дѣла; благотворное же вліяніе школы на нихъ прекращается, и они всецѣло подпадаютъ вліянію некультурной среды. Продолжить воздѣйствіе школы на населеніе до болѣе поздняго возраста, дать обучающимся въ ней большее развитіе и сообщить свѣдѣнія, пригодныя и для практической жизни, такъ необходимо. Иначе труды учащихъ будутъ приносить скудные плоды.

Некультурная среда будетъ разрушать всѣ усилія по развитію образованія.

Изъ всего изложеннаго я нахожу:

1) Программа Мин. Народн. Просвѣщ. велика и трудна для 3-хъ годичнаго обученія въ нашихъ школахъ при двухъ, а иногда и одномъ учителѣ, почему и дополнительныя свѣдѣнія проходятся поспѣшно, неосновательно.

2) Дополнительныя свѣдѣнія по природѣ, русской исторіи и географіи необходимы нашимъ ученикамъ.

3) 4-е дополнительное отдѣленіе полезно для учениковъ нашихъ школъ, но болѣе желательно введеніе обязательнаго 4-хъ годичнаго курса обученія при существующей программѣ съ сокращеніемъ нѣкоторыхъ правилъ правописанія по грамматикѣ.

4) Вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно необходимо устройство особыхъ по преимуществу профессіональныхъ училищъ съ болѣе подробной программой общеобразовательныхъ предметовъ, чѣмъ въ начальной школѣ; въ эти училища могли бы поступать окончившіе курсъ земской школы.

№ 19.

Возможно ли сообщеніе дополнительныхъ свѣдѣній, указанныхъ въ Примѣрныхъ Программахъ М. Н. П. въ теченіе трехлѣтняго обученія въ народныхъ училищахъ?

Докладъ учителя Ѳ. В. Шувалова.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо опредѣлить время, въ теченіе котораго можетъ происходить и происходитъ обыкновенно ученіе, и указать на тѣ предметы обученія, которые проходятся у насъ въ школахъ въ настоящее время.

Считая учебнымъ временемъ съ 1-го сентября по 15-е мая, получимъ всего 36 недѣль; но вычтя изъ этого 3 недѣли святокъ, одну недѣлю на масляницу и говѣніе и двѣ недѣли — Страстную и Пасху— да около 12 праздниковъ и царскихъ дней, случающихся среди недѣль учебнаго времени, получимъ 28 чисто учебныхъ недѣль, что, переводя на дни, составляетъ: 6×28=168 учебныхъ дней — весь учебный годъ. Во столько же приблизительно дней получается учебный годъ и по класснымъ журналамъ. А считая, какъ по положенію, учебный день съ 9 до 3-хъ часовъ, въ 5 учебныхъ часовъ, получимъ: 5×168=840 учебныхъ часовъ въ годъ. Это самое наибольшее число учебныхъ часовъ въ году, не принимая въ разсчетъ манкировокъ учениковъ, и въ томъ случаѣ, если законоучитель не отнимаетъ у учительницы ни одного учебнаго часа. Въ противномъ случаѣ, число это сократится.

Теперь, зная количество учебнаго времени въ году, посмотримъ, какіе у насъ въ школѣ предметы обученія и сколько ихъ. По Положенію о начальныхъ училищахъ и по примѣрнымъ программамъ они извѣстны и ихъ немного: Законъ Божій, славянская грамота, русскій языкъ, чистописпніе, ариѳметика и, гдѣ возможно, пѣніе. За исключеніемъ Закона Божія, на долю учительницы достается только четыре учебныхъ предмета на весь годъ. Пустяки! Но когда разсмотримъ эти предметы такъ, какъ они могутъ изучаться и какъ обыкновенно изучаются, то получимъ учебныхъ предметовъ довольно много. Такъ напр., для изученія русскаго языка его необходимо разложить на его составныя части, а именно: на обученіе чтенію и связанныя съ нимъ упражненія, которыхъ не мало, обученіе грамматикѣ, обученіе правописанію,

обученіе толковому изложенію мыслей. И такъ приходится поступить съ каждымъ учебнымъ предметомъ, и получается уже не четыре, а болѣе 20 учебныхъ предметовъ. На каждый изъ этихъ предметовъ необходимо назначить отдѣльные уроки, отдѣльные часы. Если мы обозначимъ всѣ эти предметы и попробуемъ распредѣлить между ними все имѣющаеся у насъ время, то получимъ примѣрно слѣдующую таблицу.

		Число уроковъ.	
Младшее отдѣленіе 20 чел.		Въ недѣлю.	Въ годъ
Русскій языкъ или обученіе чтенію.	Предварительныя бесѣды. Разложеніе словъ, ознакомленіе съ звуками и буквами и сліяніе звуковъ.	6	168
	Чтеніе: русское и славянское. Заучиваніе наизусть. Разсказываніе прочитаннаго и заученнаго. Наглядное обученіе (знакомство съ окр. мір.)		
Чистопис. или обучен. письму.	Изученіе начертанія буквъ. Диктовка и правописаніе.	2	56
	Письмо подъ тактъ и разныя письм. упр. .		
Ариѳметика.	Устное обученіе счету и устное рѣшеніе задачъ	1	28
	Ознакомленіе съ цифрами и ариѳметическими знаками, приложеніе ихъ на письмѣ.		
Средн. отд. 15 чел.			
Слав. чтеніе и заучиваніе непонятныхъ словъ. .		1	28
Обученіе чт. русск. и заучиваніе стихотв. и басенъ.		2	56
Грамматика и разборъ грамматическій. . . .		1	28
Разсказываніе прочитаннаго и заученнаго. . . .		1	28
Знакомство съ окружающ. міромъ		1	28
Правописаніе, диктовка.		1	28
Чистописаніе (продолженіе обуч. письму)		1	28
Устныя вычисленія и рѣшеніе задачъ.		2	56
Нумерація, 4 дѣйств. съ простыми числами, рѣшеніе задачъ.		1	28
Старш. отдѣл. 5 чел.			
Славянское чтеніе и переводъ.		2	56
Р. чтеніе, разсказываніе и заучиваніе		1	28
Грамматика и разборъ грамматич.		1	28

Правописаніе, диктовка.	1	28
Письменныя изложенія	1	28
Устныя вычисленія и рѣш. устн. задачъ.	2	56
Таблица мѣръ, раздробленіе и превращеніе им. чиселъ, 4 дѣйств. съ именов. числами и рѣш. письм. задачъ.	1	28
Церковное пѣніе.	1	28
	30	840

Таблица эта показываетъ число учебныхъ предметовъ въ начальной школѣ и какое количество времени въ теченіе недѣли и въ теченіе года учительница можетъ заниматься съ учениками по каждому изъ приведенныхъ въ таблицѣ предметовъ. При внимательномъ и вдумчивомъ разсматриваніи этой таблицы, нельзя не поразиться тѣмъ, какъ крайне мало времени приходится на занятія учительницы съ учениками положительно по каждому учебному предмету!.. Возьмемъ, напр., хотя бы обученіе чтенію, предметъ, на который приходится болѣе всѣхъ другихъ уроковъ—168, минутъ по 45—50, какъ это обыкновенно бываетъ. Приступая къ обученію чтенію, необходимо употребить нѣсколько предварительныхъ или подготовительныхъ уроковъ, потомъ нѣсколько уроковъ на разложеніе словъ и выдѣленіе звуковъ, нѣсколько уроковъ на ознакомленіе съ буквами и сліяніе звуковъ, потомъ начнется обученіе чтенію по книгѣ, пріученіе къ разсказыванію, заучиванію и т. д. Кто изъ обучавшихъ этому лично не знаетъ, какъ на все это много нужно времени при всей опытности, при всемъ умѣньи и при всемъ возможномъ напряженіи силъ? Если хотя примемъ во вниманіе и то, что два раза по стольку же времени ученики могутъ заниматься безъ учительницы, самостоятельно, и что самостоятельныя занятія ихъ будутъ самыя продуктивныя, хотя на это нельзя разсчитывать, то и тогда все-таки никакъ нельзя признать того, что 168 уроковъ въ годъ для занятій учительницы съ 20 учениками обученіемъ русскому языку вполнѣ достаточно.

Что же можно сдѣлать, какому правильному и красивому письму можно научить за два урока въ недѣлю или въ 56 уроковъ, въ которые приходится изучить начертаніе 34 буквъ строчныхъ и 30 буквъ прописныхъ?

Въ какой степени возможно научить 20 чел. дѣтей счету, вычисленіямъ и умѣнью рѣшать задачи въ 1 урокъ въ недѣлю или въ 28 уроковъ? Въ какой? Обратимъ на это надлежащее вниманіе и вдумаемся... Можетъ-быть, подумаютъ, что можно на этотъ предметъ да и на

другіе назначить побольше уроковъ? Но гдѣ взять ихъ, отъ какого предмета можно убавить? Посмотримъ на таблицу! Въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ на каждый учебный предметъ уроковъ приходится еще меньше, большею частію всего по одному уроку въ недѣлю или по 28 уроковъ въ годъ. Насколько, напр., основательно можно научить грамматикѣ и грамматическому разбору хотя бы въ среднемъ отдѣленіи въ 28 уроковъ, въ которые нужно пройти около 150 правилъ? Такъ что не по одной трудности, не по одному правилу за разъ приходится сообщать, какъ того педагогика требуетъ, а слишкомъ по 5 въ одинъ урокъ. Какому толковому изложенію мыслей на бумагѣ можно научить въ 3-мъ отд. въ 28 уроковъ?

Точно также какой бы мы ни взяли предметъ обученія въ нашей школѣ, увидимъ, что времени имѣемъ для его изученія крайне мало.

Итакъ, послѣ правильнаго опредѣленія количества учебнаго времени и послѣ внимательнаго разсмотрѣнія учебныхъ предметовъ начальной школы, нельзя не притти къ тому заключенію, что въ теченіе трехъ лѣтъ обученія сообщеніе дополнительныхъ свѣдѣній, указанныхъ въ примѣрныхъ программахъ М. Н. П. положительно *невозможно*, такъ какъ недостаточно времени даже и на обязательные предметы.

Какъ же это такъ? могутъ замѣтить мнѣ. Это неправда! Вы говорите: невозможно, а между тѣмъ ученики и въ настоящее время, при трехлѣтнемъ обученіи, знаютъ обыкновенно при окончаніи курса и исторію своего государства, и географію, и даже многое изъ естественной исторіи! Совершенно вѣрно и это послѣднее, да только трехлѣтнимъ-то курсъ нашей школы въ настоящее время лишь считается-а учатся-то дѣти гораздо больше: вмѣсто 30 часовъ въ недѣлю—40 и болѣе, вмѣсто того, чтобы начинать ученье въ 9 часовъ утра и кончать въ 3 часа дня, начинаемъ сплошь и рядомъ въ 8 часовъ, а кончаемъ въ 4, 5 и позднѣе, и изучаются всѣ предметы крайне спѣшно, неосновательно, не усваиваются... При нормальныхъ же занятіяхъ сообщеніе дополнительныхъ свѣдѣній, повторяю, *невозможно*.

Но жаль, что это такъ! Право, жаль! Жаль оставить нашихъ питомцевъ въ невѣдѣніи относительно того, откуда пошло и какъ стало быть наше, дорогое намъ отечество, каково оно теперь и какъ велико, гдѣ, что въ немъ есть и откуда берется что изъ тѣхъ предметовъ, какіе онъ постоянно видитъ или даже употребляетъ... Со всѣмъ этимъ необходимо его познакомить, необходимо во всемъ этомъ заинтересовать его...

Въ виду этого, для болѣе нормальной постановки дѣла въ нашихъ школахъ, нельзя не признать необходимости увеличить число лѣтъ обученія, и вмѣстѣ съ этимъ, нельзя не пожелать сокращенія по крайней мѣрѣ на половину такихъ, не имѣющихъ въ жизни простаго народа практическаго значенія, предметовъ, какъ грамматика и правописаніе; нельзя также не пожелать и совершеннаго изгнанія изъ начальной школы сложныхъ ариѳметическихъ задачъ, которыя составляютъ для дѣтей не науку, а муку...

На основаніи всего вышесказаннаго, я считаю необходимымъ:

1) Увеличить число лѣтъ обученія въ нашихъ школахъ по крайней мѣрѣ на одинъ годъ.

2) Вмѣстѣ съ этимъ уменьшить курсъ грамматики и правописанія и совершенно изгнать рѣшеніе сложныхъ, искусственныхъ ариѳметическихъ задачъ.

3) Дополнительныя же отдѣленія оставить для училищъ Красковскаго и Всѣхсвятскаго, а чтобы этими дополнительными отдѣленіями могли пользоваться ученики и другихъ школъ уѣзда, устроить при названныхъ училищахъ общежитія. Это будетъ первая ступень къ созданію высшаго типа земскихъ училищъ, вызвать къ существованію которыя жизнь не замедлитъ, время идетъ къ тому.

№ 20.

Выяснить причины, вслѣдствіе которыхъ большая часть дѣтей задерживается на повторительный курсъ въ одномъ и томъ же отдѣленіи и оставляетъ училище, не достигши окончанія курса.

Докладъ уч. Е. Ѳ. Соловьевой.

Сначала отвѣчу на послѣдній вопросъ, т. е. почему дѣти часто оставляютъ школу до окончанія курса?

Причинъ на это, конечно, не мало. Первая и немаловажная причина, это чисто экономическая, которой мы, учащіе, измѣнить не можемъ. Касается она больше всего дѣвочекъ и, къ сожалѣнію, отзывается всегда на болѣе способныхъ, которыя быстро усваиваютъ механизмъ чтенія и письма. Эти послѣднія, дотянувши первое полуго

II-го отдѣленія, а часто, посѣщая школу только одну зиму, оставляютъ ее, чтобы быть помощницами своимъ матерямъ въ домашнемъ хозяйствѣ. На увѣщеванія же учителя нерѣдко слышишь со стороны родителей такой отвѣтъ: „ну, ей не въ солдаты идти, выучилась читать, писать, и слава Богу, а вамъ спасибо!“ Часто также прерываютъ и даже прекращаютъ занятія по недостатку одежды и обуви. Мальчики въ этомъ случаѣ нѣсколько счастливѣе дѣвочекъ: тѣмъ представляется со стороны семьи больше шансовъ къ окончанію курса. Но есть причины и чисто школьнаго характера, которыя являются не малымъ тормазомъ къ окончанію курса—это непомѣрная обширность программы и малый срокъ ея прохожденія, невозможный для такого юнаго возраста, въ какомъ оканчиваютъ курсъ крестьянскія дѣти.

Мы, учителя и учительницы моск. у., время отъ времени получаемъ оффиціальныя предписанія, не задерживать учащихся позже трехъ часовъ. Получимъ такое предписаніе, прочтемъ, задумаемся надъ нимъ, да и положимъ. А задуматься-то и есть надъ чѣмъ: не исполнить этого предписанія, значитъ не исполнить условій нашего наемщика Земства и навлечь гнѣвъ, выговоръ и т. п. со стороны непосредственнаго нашего начальства—инспекціи. А исполнить, т. е. заниматься до 3-хъ часовъ—значитъ не успѣть пройти къ экзамену всей программы; да и ранѣе экзамена есть пугало—это ревизія, начинающаяся со второй половины ноября, при которой рискуешь получить замѣчаніе, что мало пройдено: „въ такой-то школѣ ужъ вотъ сколько пройдено, а въ другой изо всего такъ и рѣжутъ“. А тутъ еще нужно учительницамъ заниматься рукодѣліемъ (хотя многія и сами толкомъ иглы въ рукахъ держать не умѣютъ) и должны непремѣнно имъ заниматься не въ предметные часы; а потомъ желательно и обученія пѣнію и т. д. И вотъ сколько всего, что нужно сдѣлать отъ 9 до 3-хъ часовъ. А въ учебномъ году, по нашему подсчету, всего лишь 168 учебн. дней или 28 недѣль. Такъ, напримѣръ, въ I-мъ отдѣленіи (имѣя въ виду школу въ 3 отдѣленія на одного учителя) на прохожденіе букваря, на выучку бѣглому, выразительному и съ умѣніемъ перезсказа чтенію приходится всего лишь 168 час. въ годъ, т. е. 33 учебн. дня. По здравому разсужденію, въ такой короткій срокъ выучить такъ многому ребенка, конечно, невозможно. Вотъ и приходится учителю брать время уже незаконное, а именно: начинать не въ 9, а въ 8 часовъ, перемѣну дѣлать не въ часъ, а въ полчаса, кончать занятія не въ 3, а въ 4 часа и даже въ 5, смотря по усердію учителя. Натягивая такимъ незаконнымъ образомъ отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ въ день, а въ годъ составляя 504 часа, что въ теченіе двухъ лѣтъ (если задерживать только II-е и III-е отдѣ-

ленія) дастъ намъ цѣлый учебный годъ, котораго у насъ недостаетъ на прохожденіе программы, и останется 160 часовъ для преподаванія рукодѣлія и пѣнія въ двухъ отдѣленіяхъ.

Такимъ образомъ, нарушая законное требованія Управы заниматься 5 ч. въ день, натягивая лишній учебный годъ, мы поступаемъ такъ, вполнѣ сознавая, что дѣлаемъ беззаконія прежде всего передъ беззащитнымъ ребенкомъ, отнимая у него золотое время отдыха и прибавляя къ его голодному, уже и безъ того утомленному мозгу еще лишніе 2—3 часа въ день и тѣмъ самымъ переутомляя его совершенно; а затѣмъ мы нарушаемъ условія найма, уже не говоря о своемъ-то переутомленіи, не думая, что еще вечеромъ многое предстоитъ приготовить къ слѣдующему дню, т. е. поправка тетрадей, выборъ матеріала занятій и проч.

Что же заставляетъ учителя такъ распоряжаться и дѣтскимъ и своимъ временемъ отдыха, опять повторю: невозможно-обширная программа для юнаго возраста и малый срокъ времени ея прохожденія. Хотя мы всѣми неправдами какъ бы и находимъ недостающій намъ годъ обученія, но это миѳъ; мы только себѣ глаза отводимъ, забывая непродуктивность такой работы, такъ какъ работоспособность ума ребенка продолжается лишь 2—3 часа, а далѣе наступаетъ упадокъ и такимъ образомъ, переутомляя мозгъ ребенка, мы не только ничего не прибавляемъ къ его знаніямъ, но даже этимъ переутомленіемъ уничтожаемъ и пріобрѣтенное раньше. Но впереди ревизія, а тамъ еще ревизія, экзаменъ,—и все благоразуміе забыто. Такъ въ неестественномъ напряженіи проходитъ годъ, настаетъ новая задача: кого переводить въ слѣдующее отдѣленіе. И не мало мучается учитель надъ этой, на видъ простенькой задачей! Изъ I-го отдѣленія, на мой взглядъ, должны бы быть всѣ переводимы, кто выучился читать, писать и считать въ предѣлѣ представленія ребенка въ 8-милѣтнемъ возрастѣ, т. е. въ предѣлахъ 10. Такихъ же дѣтей, которыя этому въ годъ не научились, бываетъ очень мало, то дѣти анормальныя, для каковыхъ должно бы быть устроено спеціальное хотя бы одно на губернію училище. Но у насъ въ I-мъ отдѣленіи остаются не немногія, а добрая $^1/_3$ отдѣленія, потому что нужно разсчитать на остающуюся половину II-го отдѣленія, да и выбрать слѣдуетъ построже, зная непомѣрность требованій во II-мъ отдѣленіи. Переведенныя, такимъ образомъ, изъ I-го во II-е отдѣленіе, по мнѣнію учителя, казались бы и способными, но окажутся не совсѣмъ готовыми по своему возрасту (9 лѣтъ) къ воспринятію всей премудрости программы II-го отдѣленія; побьются безсильно, и сажаютъ ихъ обратно

въ I-е отдѣленіе, или они уходятъ совсѣмъ изъ училища, къ огорченію родителей и неестественному удовольствію учителя.

При переводѣ учениковъ въ III-е отдѣленіе подборъ происходитъ еще тщательнѣе: здѣсь ученики нужны безъ сучка, безъ задоринки, чтобы всѣ могли превозмочь самыя замысловатыя, туманныя задачи, которыя могутъ попасться на выпускномъ экзаменѣ, чтобы всѣ могли выучиться диктантъ писать безъ ошибокъ, однимъ словомъ, всѣ должны сдать выпускной экзаменъ на 5, иначе экзаменаторъ измѣнитъ о тебѣ мнѣніе и за поведеніе въ умѣ поставитъ 3, а то и 2, да что-нибудь дурное напишетъ въ отчетѣ. И вотъ, при такихъ-то перспективахъ, многихъ способныхъ, по возрасту и по своимъ стараніямъ успѣвшихъ учениковъ приходится обижать, оставляя на второй годъ и тѣмъ способствуя нерѣдко преждевременному его уходу изъ школы. И такъ, чтобы сократить % преждевременно покидающихъ учениковъ и чтобы знанія учениковъ были основательны, я бы, съ своей стороны, предложила ходатайствовать предъ Училищнымъ Совѣтомъ не предъявлять со стороны экзаменаторовъ непомѣрныхъ требованій — писать безъ искаженія словъ; по грамматикѣ предъявлять минимальныя требованія по выработанной учителями программѣ; уничтожить, какъ особый предметъ, грамматическій разборъ; не требовать по ариѳметикѣ билліонныхъ вычисленій, не встрѣчающихся въ обыденной жизни крестьянина, и не предлагать на выпускномъ экзаменѣ запутанныхъ задачъ, приводящихъ въ смущеніе даже и самихъ преподавателей, а передъ Земствомъ ходатайствовать ввести 4-й годъ обученія во всемъ уѣздѣ, не въ видѣ дополнительнаго курса, какъ это существуетъ въ Красковскомъ и Всѣхсвѣтскомъ училищахъ, а для нормальнаго распредѣленія матеріала программы Мин. Нар. Пр.; этимъ самымъ мы дадимъ ученикамъ твердыя знанія, которыя положатъ основу для дальнѣйшаго его самообразованія путемъ чтенія, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, продолжающіе чтеніе послѣ окончанія курса ученики больше изъ лучшихъ.

Для пріобрѣтенія же дополнительныхъ свѣдѣній и для дальнѣйшаго образованія крестьянина мы должны просить Земство ускорить ходатайство о разрѣшеніи открытія новаго типа училища имени Пушкина, по выработанной уже нами программѣ.

№ 21.

Докладъ завѣдующаго Коломенскимъ двухкласнымъ, М. П. П., училищемъ, Московскаго уѣзда.

Ив. Ив. Виноградова.

Господа, по поводу всѣхъ выслушанныхъ здѣсь, на съѣздѣ народныхъ учителей, докладовъ невольно приходится вернуться назадъ къ программѣ, чтобы сказать нѣсколько словъ про предметъ преподаванія ариѳметики, которому въ докладахъ или совсѣмъ не удѣлено мѣста, какъ въ докладѣ г. Голубева, если я не ошибаюсь, или указано, что ариѳметика не развиваетъ ума, какъ выразился въ своемъ докладѣ г. Шуваловъ, съ чѣмъ, навѣрно, никто не можетъ согласиться, такъ какъ ариѳметика единственный предметъ, который только и познается при помощи ума. Что же касается остальныхъ докладовъ, то въ нихъ во всѣхъ по поводу ариѳметики выражены только пожеланія, чтобы на экзаменахъ не были предлагаемы со стороны экзаменаторовъ запутанныя по своему содержанію и не легко поддающіяся рѣшенію учениковъ ариѳметическія задачи. Съ этимъ пожеланіемъ согласились всѣ присутствующіе на съѣздѣ, и надо надѣяться, что эти пожеланія гг. учителей будутъ выполнены со стороны экзаменаторовъ.

Но исчерпывается ли этимъ весь вопросъ по ариѳметикѣ? Неужели нѣтъ больныхъ мѣстъ, о которыхъ слѣдовало бы возбудить вопросъ? Во всѣхъ докладахъ проглядываетъ главная мысль о введеніи объяснительнаго чтенія, какъ способствующаго къ дальнѣйшему самообразованію ученика, и объяснительное чтеніе разсмотрѣно со всѣми подробными деталями. Въ докладѣ г. Соколова представлена даже обширная программа по этому предмету, которая, я нахожусь въ полной увѣренности, ни въ одной изъ земскихъ школъ не можетъ быть выполнена въ точности не только на урокахъ объяснительнаго чтенія, но даже и на простомъ чтеніи безъ всякаго объясненія, потому что и на это нехватитъ времени. Если же изо всѣхъ отдѣловъ будутъ брать частями, то отъ такого чтенія не получится знанія по географіи, русской исторіи оконченнаго, представляющаго изъ себя цѣлое. Ученикъ отъ такого объяснительнаго чтенія будетъ знать какъ-будто все и въ то же время ничего. Я не отвергаю ни въ какомъ случаѣ введенія объяснительнаго чтенія и пользу его, но только осмѣливаюсь предложить не вести его въ ущербъ другимъ предметамъ, а главное—ариѳметикѣ.

Про объяснительное чтеніе говорятъ: оно пригодно для жизни ученика и въ будущемъ, а ариѳметика развѣ не нужна въ будущемъ, что ей совершенно не дано мѣста на съѣздѣ? Знанія ариѳметики приложимы въ повседневной жизни богача и бѣдняка не только ежедневно, но чуть ли не ежеминутно, а потому въ школѣ она должна стоять чуть ли не на первомъ мѣстѣ. По поводу ариѳметики я хотѣлъ замѣтить, что не слишкомъ ли много нѣкоторые изъ насъ продѣлываютъ упражненія, относящіяся только до бѣглаго счета отвлеченныхъ чиселъ, а не производятъ ариѳметическихъ дѣйствій на примѣрныхъ задачахъ, взятыхъ изъ обыденной жизни. Мнѣ приходилось видѣть и слышать, какъ ученики отлично производятъ ариѳметическія дѣйствія, когда имъ въ вопросахъ предлагается: 8 увеличить вдвое, 5 увеличить на два, 12 уменьшить въ 3 раза и т. п., и въ то же время стоятъ молча, когда имъ на эти же дѣйствія предлагаются вопросы въ формѣ ариѳметической задачи. Не указываетъ ли это на то, что быстрый отвлеченный счетъ мало способствуетъ знанію рѣшенія ариѳметическихъ задачъ? Видя, что ученики быстро считаютъ и въ то же время не могутъ рѣшить задачу, ясно опредѣляется, что ученикъ привыкъ къ терминамъ вдвое, на два, въ три раза и т. п. и въ то же время при заданной задачѣ становится въ тупикъ только потому, что не знаетъ, какое дѣйствіе ему нужно произвести: сложеніе или вычитаніе и т. п.

Между тѣмъ, въ жизни-то и встрѣчаются все задачи, а не отвлеченныя числа. Пріучая ребенка съ первой ступени къ сознательному рѣшенію задачъ въ предѣлѣ 10-ти, не трудно будетъ рѣшать задачи и въ послѣдующихъ отдѣленіяхъ, такъ какъ главныя основныя дѣйствія ариѳметическія остаются одинаковыми и при производствѣ дѣйствій надъ многозначными числами. На ариѳметику нужно глядѣть какъ на главный предметъ въ народной школѣ, а изъ докладовъ между тѣмъ про ариѳметику было не слыхать, а въ программѣ вопросовъ съѣзда про нее не видать.

Я хочу еще сказать здѣсь, что при прохожденіи курса по ариѳметикѣ въ народной школѣ или совсѣмъ не употребляются коммерческіе счеты, а если и употребляются, то упражненія на нихъ производятся въ самой ограниченной мѣрѣ, такъ какъ продѣлываютъ на счетахъ лишь сложеніе и вычитаніе, тогда какъ на нихъ прекрасно можно продѣлывать и умноженіе и дѣленіе, что выполняется у меня въ училищѣ.

Съ какою охотою и любовію относятся дѣти къ этимъ упражненіямъ, могу засвидѣтельствовать тѣмъ, что въ свободное отъ классныхъ уроковъ время они сами берутъ счеты и практикуются на нихъ при помощи моихъ записокъ, составленныхъ въ руководство. Въ этихъ за-

пискахъ указано, какъ производить умноженіе и дѣленіе на 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и т. п.

Если гг. учителямъ и учительницамъ будетъ угодно, то я могъ бы послѣ съѣзда представить эти записки. Въ настоящее время онѣ у меня дома, и я не предвидѣлъ случая, что могъ бы ихъ представить на съѣздѣ. Меня заставило высказаться по поводу ариѳметики лишь то, что никто изъ гг. докладчиковъ не касался ариѳметики, если не считать замѣчаній о трудности экзаменаціонныхъ задачъ. Вычисленіе на коммерческихъ счетахъ служитъ прекраснымъ наглядньшъ пособіемъ при прохожденіи курса ариѳметики. Въ своемъ короткомъ замѣчаніи я не имѣю возможности коснуться до всѣхъ подробностей преподаванія ариѳметики, но не могу согласиться, что ариѳметика не развиваетъ ума. Это одинъ изъ предметовъ, который главнымъ образомъ и касается до ума. И обидно за то, что ариѳметикѣ, матери точныхъ наукъ, никто въ своихъ докладахъ не отвелъ мѣста. Можетъ быть, въ моихъ замѣчаніяхъ много недостатковъ, да я ихъ и не отвергаю, потому что высказаться пришлось безъ всякой особой подготовки, могу сказать, на пути къ собранію съѣзда, желая лишь выразить этимъ, что ариѳметика въ жизни нужна не меньше объяснительнаго чтенія и про нее не слѣдуетъ забывать.

Въ концѣ всего я хочу еще замѣтить, что, указывая на свои записки какъ руководство къ упражненіямъ на коммерческихъ счетахъ, я этимъ вовсе не желаю ихъ навязывать въ руководство своимъ товарищамъ по труду, если они окажутся непригодными для другихъ, но желалъ только выразить этимъ, что навѣрно у многихъ изъ насъ, благодаря многолѣтней практикѣ, найдутся записки и по другимъ предметамъ, которыя, думаю, оказали бы большую услугу для другихъ учителей на педагогическомъ поприщѣ, если бы эти труды сдѣлались достояніемъ для всѣхъ желающихъ путемъ изданія ихъ. Для этого слѣдовало бы устроить бюро изъ гг. учителей, куда бы представлялись подобныя записки на обсужденіе. Отъ подобныхъ руководствъ, составленныхъ на основаніи многолѣтней практики, мнѣ кажется, можно получить больше пользы, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя сплошь-да-рядомъ составляются въ богатыхъ кабинетахъ лицами, никогда не видавшими и школу-то.

Мы здѣсь на съѣздѣ не мало говорили, что объяснительное чтеніе есть средство развивающее, дающее возможность ученику къ дальнѣйшему самообразованію, но при этомъ всегда нужно еще помнить и объ урокахъ другихъ предметовъ, которые потребуются отъ ученика при поступленіи въ высшую школу. Нужно всегда смотрѣть, что сель-

ская школа есть первая ступень въ другія высшія училища, а поэтому не слѣдуетъ ее разобщать отъ другихъ и затворять въ ней двери для выхода за большимъ свѣтомъ.

№ 22.

Сообщеніе, какихъ первоначальныхъ полезныхъ знаній, кромѣ общихъ образовательныхъ предметовъ, указанныхъ въ ст. 3. Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, наиболѣе желательно въ этихъ училищахъ (гимнастика, пѣніе, ремесла, мастерства, рукодѣліе, плодоводство, огородничество и прочее).

Докладъ уч. В. В. Глазкова.

Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ программы въ начальныхъ народныхъ училищахъ, въ рядъ съ ними выступаютъ дополнительныя знанія какъ-то: гимнастика, ремесла, мастерства, рукодѣліе, пѣніе, садоводство, огородничество и пр., возникаетъ вопросъ—что же изъ нихъ наиболѣе желательно и полезнѣе будетъ для школы?

Не входя въ область сихъ дополнительныхъ знаній, не анализируя еще каждый изъ нихъ отдѣльно — насколько одно другаго пригоднѣе въ школѣ, приходится невольно коснуться и общеобразовательныхъ предметовъ, дать мѣсто и имъ для связи съ послѣдними.

Признаваясь открыто, благодаря неусыпнымъ трудамъ сельскаго учителя и учительницы, все проходимое въ школѣ безусловно выполняется въ болѣе подробной формѣ. Анализировать во всей полнотѣ каждый преподаваемый въ школѣ предметъ я не буду—этому здѣсь нѣтъ мѣста. Короче сказать, всѣ предметы преподаются изъ года въ годъ обширнѣе и сложнѣе, далеко заходя за предѣлы программы, это уже аксіома, на это должно смотрѣть, конечно, какъ на хорошіе школьные задатки. Но какъ съ этимъ бороться? Сколько надо силъ и на долго ли ихъ хватитъ? Въ этомъ себѣ дастъ отчетъ каждый изъ насъ, а между тѣмъ, нерѣдко уже слышатся между преподавателями толки о томъ, что какъ много приходится работать по школѣ, указываютъ на сильную усталость, чувствуютъ изнеможеніе, если хотите, чуть каждый изъ нихъ и не боленъ, да въ этомъ и не можетъ быть сомнѣнія, и въ то же время съ удовольствіемъ разсказываетъ о своей школьной работѣ, что она такъ успѣшно пройдена, удачно выполнено необходимое и зашла уже

за предѣлы программы. Разсуждая такимъ образомъ, этотъ неутомимый труженикъ забываетъ здѣсь о всѣхъ трудностяхъ школьныхъ и о своей болѣзни, если таковая есть, снова воспрянетъ духомъ и пріободрится; все это похвально, но въ то же время и непосильно, все это сопряжено съ растратою силъ и потерею здоровья,—невольно возникаетъ вопросъ: кто же побуждаетъ насъ заходить въ непроходимыя дебри? не мы ли сами въ этомъ виновны, да очень можетъ быть, инстинктивно подгоняя другъ друга, если не ошибаюсь—не изъ желанія ли вѣрно занять видное мѣсто между товарищами, но это безконечное стремленіе ни къ чему не поведетъ, а надо бы сообразоваться съ своими силами и съ тѣмъ персоналомъ, съ которымъ учителю или учительницѣ приходится имѣть дѣло, и посмотрите, что каждый нихъ представляетъ изъ себя въ отдѣльности и всѣ они въ совокупности, взгляните—въ какой средѣ они вращаются, какое направленіе получается ими въ общественной ихъ жизни и въ каждой семьѣ, взятой отдѣльно—конечно, самое жалкое, а отсюда и понятія у него обо всемъ самыя ограниченныя, при которыхъ только и можно проходить самое необходимое и усвоить попрочнѣе, дабы ученикъ могъ долѣе по выходѣ изъ школы сохранить въ своей памяти, нежели выдти съ бо́льшимъ запасомъ для него не уясненнымъ.

Учитель, конечно, не долженъ ограничиваться только именно тѣмъ, что онъ прошелъ, въ томъ случаѣ, если ему удалось выполнить все необходимое и ученики усвоили вполнѣ основательно, мнѣ кажется, можетъ идти впередъ, только лишь безъ особыхъ усилій и напряженій и не утомляя тѣмъ своихъ учениковъ; ему поспѣшать теперь некуда: онъ выполнимъ,—что лежало на его совѣсти.

Въ довершеніи всего вышесказаннаго — на учителѣ лежитъ еще прямой долгъ озаботиться о нравственномъ воспитаніи ребенка и на это должно удѣлить нѣсколько времени, надо же ему отличать черное отъ бѣлаго, такъ что если опускать сторону воспитанія и не слѣдить за этой молодой силой, а только: читай, пиши, рѣшай, то еще не значитъ, что ребенокъ готовъ вступить въ жизнь; нѣтъ, ошибочно, нравственно испорченное дитя никому не нужно, въ этомъ можетъ быть повиненъ и самъ учитель: долженъ же предвидѣть въ своемъ питомцѣ—дурныя и хорошія наклонности, первыя по возможности искоренять путемъ убѣжденій и совѣтовъ, а за вторыя умѣло съ осторожностію, не развивая тщеславія, поощрять, съ указаніемъ на пользу послѣднихъ; хотя самая малая часть привьется къ ребенку, и за это надо порадоваться, очень можетъ быть, этотъ маленькій зародышъ, принесетъ со временемъ обильный плодъ ему самому и вмѣстѣ съ тѣмъ

будетъ и полезнымъ общественникомъ, да къ тому нравственно воспитанное дитя склонно скорѣе воспринимать и самую науку. Очевидно теперь, сколько предстоитъ учителю работы, не входя въ кругъ дополнительныхъ знаній.

Вступая въ область дополнительныхъ знаній—встрѣчается задача не легкая: то и другое изъ нихъ проситъ себѣ мѣсто въ школѣ, кажется, и отказывать имъ не приходится, а къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи дѣлъ, приходится отказать, развѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ, на все это нѣтъ времени, и могутъ идти въ ущербъ общеобразовательнымъ предметамъ.

Возможно ли преподаваніе какого-либо мастерства или ремесла, во 1-хъ, за неимѣніемъ мѣста и времени, во 2-хъ, по незнанію самаго дѣла самими преподавателями, это возможно лишь при другомъ, совершенно постороннемъ преподавателѣ, которому это дѣло хорошо извѣстно и который спеціально изучалъ его. Затѣмъ, нѣтъ пока мѣста при школѣ садоводству и огородничеству: во 1-хъ, не при всякой школѣ имѣется земля, да и не всякій, очень можетъ быть, опять-таки знаетъ дѣло, во 2-хъ, изъ учителей и учительницъ на половину отлучаются изъ школы въ вакаціонное время, которымъ необходимъ же и отдыхъ, а главное—сами ученики едва ли могутъ принимать участіе, они какъ-разъ нужны для семьи, помогать въ полѣ и дома. Если это все такъ необходимо и полезно, то на это должны быть профессіональныя школы.

Что же касается гимнастики и рукодѣлія, то мнѣ кажется, дать мѣсто можно въ томъ случаѣ, если въ одинъ день изъ недѣли (указать въ какой, зависитъ отъ общаго взгляда) удѣлить на это послѣобѣденный часъ, т.-е. отъ 2—3 ч.; расчитываю, что этотъ часъ въ недѣлю ущербу занятіямъ не принесетъ, по окончаніи же уроковъ гимнастикой и рукодѣліемъ заниматься неудобно: во 1-хъ, ученики утомлены—вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаватель, во 2-хъ, ученики не могутъ быть оставляемы въ школѣ: многіе изъ другихъ селеній, да могутъ встрѣтиться и другія причины.

Гимнастика должна занимать мальчиковъ, а рукодѣліе падаетъ на дѣвочекъ. Гимнастика въ сельской школѣ должна быть, конечно, не во всей ея полнотѣ, а лишь ограничиться элементарнымъ строевымъ порядкомъ, съ различными формами тѣлодвиженій, но безъ вольныхъ упражненій, такъ какъ на это при школѣ не имѣется необходимыхъ гимнастическихъ приспособленій, но замѣнить ихъ какими-либо играми,— въ родѣ того, какъ прыганьемъ черезъ веревочку, если есть возможность запастись веревочной лѣстницей, или же замѣнить лѣстницей обыкновеннаго калибра, только для этого приспособленной.

Учителю это болѣе примѣнительно, но если бы пожелала и учительница, то она можетъ, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, уполномочивать одного изъ старшихъ, болѣе взрослыхъ учениковъ, который могъ бы заняться съ своими сверстниками и меньше его мальчиками.

Польза отъ гимнастики, безъ сомнѣнія, должна быть, она укрѣпляетъ организмъ человѣка, оживляетъ и ободряетъ мальчика, даже принесетъ ему, можетъ-быть, нѣкоторую пользу при поступленіи на военную службу, онъ нѣкоторымъ образомъ, хотя не во всей полнотѣ, будетъ понимать выправку, знать: что значитъ вольно и смирно, умѣть идти шагъ въ шагъ и т. п. и это для него достаточно, а въ школьной жизни послужитъ ему забавой и утѣшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исправитъ тѣлесные недостатки, особенно въ такіе молодые годы.

Относительно рукодѣлія мною указано, что оно падаетъ на дѣвочекъ; если преподаваніе его признать нужнымъ въ школѣ, то вести его въ то время, когда ведется мальчикамъ преподаваніе гимнастики, но это возможно при 2-хъ преподавателяхъ, если же одинъ, то совмѣщать въ одно и то же время то и другое невозможно; учительница, вѣроятно, отдастъ предпочтеніе рукодѣлію, а учитель гимнастикѣ.

Въ какомъ объемѣ преподавать рукодѣліе, съ чего начать и чѣмъ закончить, объ этомъ сказать утруждаюсь, но не теряю надежды, что точное разъясненіе послѣдуетъ со стороны г-жъ учительницъ, которымъ дѣло это сродно и не безъизвѣстно, если это только дополнительное знаніе поставится въ школѣ на видъ.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ, какъ достичь повсемѣстнаго преподаванія пѣнія? Но чтобы дать прежде на этотъ вопросъ Отвѣтъ, приходится вопросъ облечь въ другую форму: возможно ли при настоящемъ положеніи въ каждой школѣ достичь желаемаго, т.-е. пѣнія? отвѣтъ прямой: нѣтъ, на томъ основаніи, что не всякій, очень можетъ быть, изъ насъ, учителей и учительницъ, имѣетъ такое знакомство съ пѣніемъ, чтобы его преподавать, а если и знаетъ, то знаетъ для себя, т.-е. имѣетъ смутное понятіе о пѣніи, а чтобы передать другимъ, научить пѣть, это, признаться, не такъ легко, для этого надо же знать хоть малую часть теоріи, а посему, чтобы достичь повсемѣстнаго преподаванія пѣнія, надо каждому изъ преподавателей самому знать, а иначе надо на это имѣть спеціальное лицо, которое могло бы вести это дѣло, и если его имѣть, то уже не для одной школы, а означенное лицо должно уже имѣть цѣлый районъ школъ, удѣляя на это, если такъ нужно, по одному или по 2 часа въ каждой школѣ въ теченіе недѣли.

Теперь возникаетъ вопросъ: сколько же потребуется такихъ учителей на уѣздъ? Да, вѣрно, не мало, и притомъ ему, какъ особому

преподавателю, мнѣ кажется, должно быть особое вознагражденіе, такъ какъ каждый трудъ оплачивается, а что онъ успѣетъ сдѣлать, какую этимъ принесетъ пользу, кто его будетъ контролировать? объ этомъ вѣдаетъ будущее (а пѣнія въ храмѣ онъ вести не можетъ, какъ учитель на нѣсколько школъ); теперь ясно видно, пока каждый преподаватель въ своей школѣ не будетъ самъ преподавать и имѣть къ тому нѣкоторую охоту или привязанность, достичь повсемѣстнаго преподаванія пѣнія нѣтъ никакой возможности.

Удалять изъ школы совсѣмъ пѣнія не слѣдовало бы, тамъ гдѣ уже оно преподается, оставить за тѣми школами, удѣляя на это одинъ часъ въ недѣлю, хотя въ субботу послѣдній часъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ ущербъ другимъ предметамъ, ученики же крайне бываютъ довольны, когда наступаетъ урокъ пѣнія, они всегда такъ бываютъ настроены весело, замѣтно, имъ это доставляетъ удовольствіе, что мною замѣчено въ школахъ, обучая самъ безпрерывно, состоя на службѣ, изъ года въ годъ.

Объемъ преподаванія, какъ въ повсемѣстномъ преподаваніи, если бы оно состоялось, такъ и въ частномъ, долженъ быть самый доступный и ограниченный, по понятіямъ нашихъ школьниковъ, которымъ какъ-разъ не приходилось и не приходится слышать той музыки, того стройнаго пѣнія, которое бы могло его къ этому подготовить, т.-е. дало бы толчекъ къ развитію эстетическихъ чувствъ, всего этого онъ лишенъ, далеко отстоитъ въ этомъ отъ городскаго мальчика.

Обученіе должно быть начато съ самыхъ простѣйшихъ молитвъ, съ голоса—безъ всякихъ нотъ, предварительно раздѣливъ учениковъ по голосамъ, которыхъ только въ школѣ, по возрасту мальчиковъ и дѣвочекъ, должно быть три, а легче обучать еще не съ голоса, а подъ какой-либо музыкальный инструментъ, хотя подъ скрипку, но очень можетъ быть, многимъ этотъ инструментъ незнакомъ въ смыслѣ игры на немъ, тогда замѣнить какимъ-либо другимъ и избранныя вами молитвы, какъ напр.: Отче нашъ, Достойно есть, Богородица Дѣво, радуйся, а еще лучше начать со словъ: Аминь, Господи помилуй, подай Господи, Тебѣ Господи, Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ и т. п. будутъ усваиваться довольно легко, сами по себѣ ученики потомъ будутъ замѣчать недостатки въ своемъ пѣніи и по возможности съ помощію руководителя выходить изъ этихъ ошибокъ.

Затѣмъ, когда ученики навыкнутъ пѣть молитвы, у нихъ нѣкоторымъ образомъ слухъ сталъ работать, они стали понимать строй и тактъ, слышится плавное и правильное согласованіе голосовъ, можно для дальнѣйшей работы сообщить и ноты. Обучать въ школѣ, на мой

взглядъ, удобнѣе цифирному методу Шеве, начать, какъ и должно, съ гаммы, предварительно объяснивъ значеніе цифръ, т.-е. умѣть читать ноты по цифрамъ; пѣніе гаммы, т.-е. пѣніе нотъ послѣдовательно одна за другой вверхъ и внизъ, иначе говоря, взадъ и впередъ, удается довольно легко, дѣти нисколько не затрудняются въ рядовыхъ нотахъ, когда усвоится ими гамма, слѣдуетъ пѣть черезъ ноту, пріучая этимъ переходить съ ноты на ноту и брать ее на должной высотѣ, такимъ образомъ упражняясь въ этомъ, достигается правильный переходъ съ ноты на ноту, а разъ вами это достигнуто, можно воспользоваться 1-мъ выпускомъ Альбрехта, найти несложныя упражненія, какъ напр.: „Слову вѣра, хлѣбу мѣра, деньгамъ счетъ, или: Вставайте-ка, пастушки, кукушка ужъ кричитъ“ и т. п. и ученики безъ особаго труда вамъ голосомъ передадутъ должное и здѣсь ученикъ вполнѣ уже пріучается къ такту, и постепенно такъ переходя отъ болѣе легкихъ упражненій, можно перейти на болѣе уже легкія пѣсенки, какъ напр.: „При долинушка калинушка стоитъ, Катанье на конькахъ, Три для русскаго святыни, Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и т. п. все это можно встрѣтить въ I-мъ выпускѣ Альбрехта. Для дальнѣйшаго разнообразія могутъ служить его же, выпуски II и III, гдѣ можно много встрѣтить матеріала для школьниковъ.

Изучивъ пѣніе въ школѣ, нѣкоторыми преподавателями съ тѣми же выученниками достигнуто пѣніе церковное, которое сопровождается при богослуженіи въ праздничные и воскресные дни иногда и вмѣстѣ со взрослыми. Это явленіе, по-моему, весьма желательно, а между тѣмъ на пѣніе, должно признаться, не обращается должнаго вниманія, а надо признать, что оно имѣетъ особенную цѣну въ глазахъ крестьянскаго населенія и оно возвысило бы значеніе земской школы.

Желательно бы и въ нашихъ земскихъ школахъ, по возможности, кто уже ведетъ и можетъ вести пѣніе, не покидалъ бы его, а поддерживалъ.

Въ довершеніе вышеизложеннаго, долженъ признать, что дополнительныя знанія, выше мною указанныя, должны бы войти въ школьную жизнь, при чемъ не расширять программу, а по возможности нѣчто и сократить и особенно курсъ грамматики и поставить все въ болѣе опредѣленную рамку, а иначе много надо силъ и энергіи къ выполненію подобныхъ задачъ.

Программа.

I. Если преподаваніе гимнастики не обязательно, то вести тамъ, гдѣ преподаватель пожелаетъ и найдетъ для себя удобнымъ, безъ указанія на необходимыя стороны преподаванія.

Продолжительность занятія 1 часъ въ теченіе недѣли, когда и въ какой день—на усмотрѣніе преподавателя.

Занятія осенью и весной—внѣ школы, а зимой или прекратить—или продолжать, если позволитъ мѣсто.

Тамъ, гдѣ преподаватель одинъ, то предоставить выборъ ему въ преподаваніи гимнастики или рукодѣлія. Имѣя въ виду этотъ одинъ часъ, взятый въ недѣлю при двухъ преподавателяхъ, удѣляется на гимнастику и на рукодѣліе, т.-е. яснѣе сказать, когда ведется урокъ гимнастики съ мальчиками, то въ то же время и вести преподаваніе рукодѣлія съ дѣвочками.

II. Преподаваніе пѣнія желательно тамъ, гдѣ преподаватель въ постановкѣ дѣла не найдетъ для себя затруднительнымъ.

Преподаваніе вести совмѣстно—съ мальчиками и дѣвочками всѣхъ отдѣленій, съ распредѣленіемъ на 3 голоса.

Подборъ проходимаго приблизительно долженъ быть таковъ:

а) *Духовнаго содержанія:* „Царю небесный, Отче нашъ, Богородице Дѣво, радуйся, Достойно есть, молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, Символъ вѣры, Взбранной воеводѣ, Не имамы иныя помощи, Милосердія двери и пѣніе тропарей всѣхъ двунадесятыхъ праздниковъ". Необязательно: Послѣдовательное изученіе литургіи. Руководствомъ можетъ служить—Смоленскаго, часть 2-я, гдѣ преподаватель можетъ встрѣтить все необходимое, и въ дополненіе Литургія Златоустаго на цифернымъ методѣ и наконецъ полный выпускъ Бортянскаго.

б) *Свѣтскаго содержанія:* „При долинушкѣ калинушка стоитъ, А мы просо сѣяли, Три для русскаго святыни, Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, Въ бурю, во грозу и въ заключеніе Боже царя храни". Руководствомъ къ этому могутъ послужить 1, 2 и 3-й выпуски Альбрехта.

№ 23.

Къ вопросу о рукодѣльѣ въ начальной школѣ.

Докладъ уч—цы Е. И. Соколовой.

Въ школахъ Московскаго уѣзда за послѣдніе годы почти вездѣ введено преподаваніе рукодѣлья, исключеніе составляетъ очень немного школъ. Обучаютъ почти вездѣ учительницы. Въ нѣкоторыхъ школахъ рукодѣлье преподается по субботамъ, отъ 1 ч. до 3 ч., въ другихъ отъ 3 до 4 ч. раза 2—3 въ недѣлю, нѣкоторые ухитряются заниматься

утромъ до 9 ч., во время большей перемѣны и даже въ праздники. Есть школы, гдѣ рукодѣлье преподается вечеромъ, отъ 5 ч. до 7 ч. Нормальнымъ временемъ для преподаванія рукодѣлья надо считать субботу, отъ 1—3, остальное время неудобно потому, что утомительно и для дѣтей и для учительницы. Если заниматься отъ 3 до 4 ч. то, не говоря уже о томъ, что набавляется лишній часъ занятій, неудобно потому, что школы почти всѣ у насъ смѣшанныя и, прежде чѣмъ начать урокъ рукодѣлья, надо отпустить мальчиковъ, что задержитъ по меньшей мѣрѣ минутъ на 20, значитъ, урокъ рукодѣлья захватитъ уже 5-го часъ, а это врядъ ли желательно при нашихъ сухихъ школьныхъ завтракахъ. Кромѣ того, дѣвочекъ оставить до 5 ч. и нельзя, онѣ попобоятся однѣ идти, значитъ, приходится удерживать и мальчиковъ, а чтобы они не шалили, дать имъ занятіе. Да и заниматься отъ 3 до 4 ч. возможно только съ февраля мѣсяца. Заниматься вечеромъ отъ 5 до 7 возможно только тамъ, гдѣ дѣти могутъ 2-й разъ явиться въ школу, а такихъ школъ у насъ очень мало, да даже и этихъ дѣтей вечеромъ приходится провожать до дома. Да заниматься вечеромъ еще дурно и тѣмъ, что наше школьное освѣщеніе совсѣмъ не приспособлено для вечернихъ уроковъ вообще, а рукодѣлья въ особенности, гдѣ приходится напрягать зрѣніе.

Заниматься же до 9 ч. и въ большую перемѣну надо считать прямо вреднымъ: жестоко отнимать у дѣтей часы отдыха. Итакъ, удобнымъ время надо признать послѣ обѣден. часы въ субботу. Очень часто по субботамъ въ это время правильныхъ занятій все равно не ведется, такъ какъ происходитъ мытье половъ. Полы же можно мыть не сразу во всѣхъ комнатахъ, слѣдовательно дѣвочекъ можно помѣстить въ какой-либо одной классной комнатѣ, что, кажется, очень часто и дѣлается. Многіе, я знаю, пожалѣютъ и эти 2 ч: Дѣйствительно, жаль ихъ отнимать, потому что въ нѣкоторыхъ школахъ эти часы посвящаются бесѣдѣ съ дѣтьми о прочитанномъ ими самостоятельно, внѣ класса. Это конечно несравненно полезнѣе, чѣмъ двухъ,-трехъ дѣвочекъ выучить вязать кружево, которое дешевле и изящнѣе купленное, чѣмъ ею связанное. Преподаваніе рукодѣлья въ школѣ не имѣетъ никакого вліянія на количество ученицъ въ школѣ. Причины, которыя отвлекаютъ ученицъ отъ школы почти вездѣ однѣ и тѣ же: бѣдность и главнымъ образомъ бѣдность, которая заставляетъ взрослыхъ пользоваться трудомъ дѣтей. Давно было замѣчено, что неурожай льна въ той мѣстности, гдѣ занимаются пряденіемъ, способствовалъ наплыву дѣвочекъ въ школу, точно такъ же, какъ въ Черкиз. волости М. У., когда стали мало раздавать перчатокъ для шитья, когда работы стало

хватать только для взрослыхъ, стало больше ученицъ въ школѣ и наоборотъ, когда по какой-то причинѣ опять пошли хорошо перчатки, какъ тамъ говорятъ, многихъ дѣвочекъ взяли изъ школы.

Раньше была еще, пожалуй, причина—дальность разстоянія отъ школы до дома ученицы, но теперь, съ открытіемъ множества новыхъ школъ, эта причина устранилась и количество ученицъ повысилось. Теперь уже, кажется, совсѣмъ нѣтъ тѣхъ родителей, которые считали бы грамоту ненужною для дѣвочекъ. Преподается ли рукодѣлье, нѣтъ ли все равно дѣвочка пойдетъ учиться, если только семья можетъ обойтись безъ ея маленькихъ услугъ. Дѣвочки въ школу идутъ на 8-мъ году, кончаютъ 10 и 11 лѣтъ, рѣдко позднѣе. Спрашивается, чему вы будете учить такую особу? Какъ держать иголку и вдѣвать нитку? Да это все она несравненно скорѣе и безъ труда пойметъ въ 10 и 11 лѣтъ. Вотъ почему во многихъ школахъ съ младшей группой рукодѣльемъ не занимаются. До старшаго же отдѣленія доходитъ очень небольшой %, значитъ, приходится заниматься почти что одинъ годъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что матери нашихъ ученицъ не придаютъ никакой цѣны нашимъ рукодѣльнымъ урокамъ. Во время моего пребыванія въ Строгинскомъ училищѣ у меня былъ разговоръ съ бабами по этому вопросу. Надо сказать, что тамъ все жен. населеніе занимается вязаньемъ изъ шерсти разныхъ предметовъ и дѣвочки принимаются за вязанье, какъ только приходятъ изъ школы. Очень часто дѣвочкамъ не даютъ учиться въ 3 отдѣленіи по этой же причинѣ.

Тамъ мнѣ заявили, что „обучать шитью въ школѣ не нужно, все равно, шить сами ничего не будемъ, некогда, да такъ вѣдь вы и не научите, чтобы дѣвочка могла сама сшить и скроить, все равно, придется обратиться къ портнихѣ. Такъ зачѣмъ же еще оставлять дѣвочку послѣ 3 часовъ, когда она въ это время дома можетъ заработать копейку? Шить настолько, чтобы зачинить прорѣху, она и дома выучится отъ матери". Я конечно должна была согласиться съ тѣмъ, что научить дѣвочку кроить мы не можемъ, уже потому только, что онѣ слишкомъ малы для этого, да еще надо прибавить, что не всякая учительница и знаетъ, какъ скроить. Кройку мы должны знать, если хотимъ преподавать рукодѣлье въ школѣ. Хотя нашимъ ученицамъ этого преподавать мы не будемъ, но по крайней мѣрѣ не будемъ краснѣть, если какая-нибудь баба обратится къ намъ за совѣтомъ по этому предмету, или прямо попроситъ скроить что-либо.

Окончившія курсъ школы, болѣе или менѣе взрослыя дѣвицы, рукодѣльныхъ классовъ не посѣщаютъ; это опять-таки доказываетъ, что онѣ не нашли для себя ничего полезнаго на этихъ урокахъ, когда

были ученицами. Да и сами учительницы сознаютъ, что достигаютъ очень небольшихъ результатовъ: выучиваютъ вязать и вышивать. Но то и другое не представляетъ необходимости въ крестьян. семьѣ, а скорѣе роскошь. Кратковременной курсъ нашихъ народныхъ училищъ не позволяетъ намъ отрывать отъ учеб. времени 2, 3 часа на какія бы то ни было занятія, у насъ нехватаетъ времени для прохожденія всего требуемаго программой. Мы не такъ давно говорили о томъ, что нельзя ли вашу программу растянуть на 4 года.

Я понимаю, что можно ввести рукодѣлье при настоящихъ условіяхъ съ цѣлями педагогическими. Вотъ что писала мнѣ о преподаваніи рукодѣлье одна учительница: „Хотя бы результатъ ограничивался однимъ только вязаньемъ, то и тогда не жаль пожертвовать на это 3 часа. Самое время, проведенное въ близкомъ общеніи съ ученицами, вознаграждается тѣмъ, что больше узнаешь характеръ ученицъ, меньше онѣ стѣсняются, болѣе высказываются, а все это помагаетъ въ значительной степени при воспитаніи". Вотъ единственная цѣль, для которой стоитъ вести рукодѣлье, по моему мнѣнію. Если же взять это за цѣль, то тогда много будетъ легче. 1-хъ, заниматься будетъ тотъ только, кто признаетъ эту цѣль въ преподаваніи; 2, стѣсняться временемъ не будетъ, такъ какъ будетъ заниматься тогда только, когда это доставитъ удовольствіе и дѣтямъ, и учительницѣ; 3, не будутъ заботиться о томъ, чтобы къ веснѣ непремѣнно что-нибудь было дѣтьми приготовлено для представленія въ Управу.

Такъ велось преподаваніе въ школахъ раньше и никого оно не смущало,—занимался только тотъ, кто находилъ это полезнымъ по своему личному мнѣнію, занимались не всякій годъ: если общеобразовательные предметы шли плохо, ученики слабы, то рукодѣлье прекращалось, усиленно занимались тѣмъ, что необходимо нужно для общеобразовательной школы, и наоборотъ.

№ 24.

Постановка школьно-учебнаго дѣла съ точки зрѣнія психо-физіологіи и гигіены.

Докладъ В. И. Лебедева.

Задача школы, понимаемая въ широкомъ смыслѣ, состоитъ въ воспитаніи подростающаго поколѣнія, во всестороннемъ и гармоническомъ развитіи проходящихъ черезъ нее дѣтей; другими словами—школа

должна имѣть въ виду развитіе какъ различныхъ сторонъ духовной жизни, т.-е. ума, чувства и воли, такъ и физической стороны дѣтскаго организма. Въ силу цѣлаго ряда условій, наша исторически-сложившаяся школа далеко однако же уклонилась отъ этой идеальной задачи и направляетъ свои усилія только къ обученію дѣтей; болѣе того—даже въ вопросѣ объ обученіи дѣтей современная школа ограничиваетъ свою задачу исполненіемъ тѣхъ или иныхъ программъ, сообщеніемъ учащимся тѣхъ свѣдѣній, которыя требуются программами. Если къ тому же прибавить, что программы эти крайне обширны и въ громадномъ большинствѣ случаевъ не по силамъ дѣтей соотвѣтствующаго возраста, то ненормальность подобнаго порядка дѣлъ невольно должна бросаться въ глаза. Получается вѣдь, что школа не только не заботится о всестороннемъ развитіи поступающихъ въ нее дѣтей, но прямо-таки игнорируетъ нѣкоторыя стороны и въ силу этого часто вредно отзывается на здоровьи подрастающихъ поколѣній.

Какова бы ни была постановка школьнаго учебнаго дѣла, характерной чертой, профессіональной ея особенностью является обученіе дѣтей, развитіе ихъ умственной способности или, говоря болѣе обще, развитіе и обогащеніе психической жизни дѣтей, составъ которой и опредѣляется вѣдь больше всего элементами познанія. Въ виду этого, думается мнѣ, необходимо установить прежде всего основную точку зрѣнія на природу психической жизни.

Новѣйшая психологія, по отношенію къ духовной и тѣлесной дѣятельности человѣка держится, теоріи такъ-называемаго параллелизма. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что явленія психическія идутъ параллельно и одновременно съ явленіями физіологическими, совершающимися въ нервной системѣ; для каждаго явленія въ мірѣ сознанія существуетъ соотвѣтственное явленіе въ мірѣ матеріи и наоборотъ. То, что мы сознаемъ, какъ наши ощущенія, мысли, чувствованія, намѣренія, то выражается въ тѣлесномъ мірѣ извѣстными процессами мозга. Это все равно какъ двѣ стороны — выпуклая и вогнутая одного и того же предмета или одно и то же содержаніе, выраженное на двухъ языкахъ.

Рядъ опытовъ и наблюденій привелъ къ тому выводу, что психическая жизнь человѣка связана съ полушаріями головного мозга. Въ составъ центральной нервной системы, какъ извѣстно, входитъ спинной мозгъ, продолговатый, мозжечекъ и большой головной мозгъ. Опытами дознано, что ощущенія образуются только тогда, когда раздраженія доходятъ до головного мозга, и въ свою очередь произвольныя движенія рождаются только при цѣлости головного мозга. Полное удаленіе полушарій ведетъ за собою потерю произвольныхъ

движеній и осмысленнаго чувствованія, т.-е. потерю ума; при послойномъ удаленіи ихъ, недочеты выступаютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше масса удаленнаго вещества. Чѣмъ сильнѣе развитъ головной мозгъ сравнительно съ другими частями его, тѣмъ выше по своему развитію и жизнь сознанья. Прогрессирующій распадъ жизни сознанья связанъ съ прогрессирующимъ уменьшеніемъ мозга. Перевязка сосудовъ, приносящихъ кровь къ мозгу, вызываетъ безсознательное состояніе. Вся масса мозга состоитъ частью изъ бѣлаго, частью и изъ сѣраго вещества; сѣрое вещество состоитъ изъ клѣтокъ, бѣлое изъ волоконъ. Мозговыя клѣтки составляютъ, такъ сказать, дѣятельную часть мозга,—онѣ являются центромъ для воспріятія различныхъ чувствованій, будутъ ли то ощущенія со стороны различныхъ органовъ чувствъ, или проявленія общей чувствительности; въ клѣткахъ же рождаются произвольныя движенія. Первныя волокна служатъ только проводниками для передачи ощущеній по направленію отъ периферіи къ центру (чувствительныя волокна) и для передачи импульсовъ къ движенію по направленію отъ центра къ периферіи (двигательныя волокна). Сѣрымъ веществомъ покрыта вся поверхность полушарій большого мозга. На основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій, въ настоящее время можно съ положительностью сказать, что поверхностная часть головного мозга, такъ-называемая мозговая кора является органомъ психической дѣятельности, и, соотвѣтственно этому, чѣмъ выше психическая жизнь индивидуума, тѣмъ болѣе развита у него мозговая кора и тѣмъ болѣе извилинъ имѣется на поверхности большого мозга.

Итакъ, тѣ или иныя измѣненія въ мозгѣ и явленія психической жизни идутъ параллельно другъ съ другомъ,—каждое умственное состояніе сопровождается физическими проявленіями и наоборотъ. Разъ это такъ, то всѣ условія, такъ или иначе вліяющія на мозгъ, по необходимости должны вліять и на психическую жизнь вообще, въ частности, на состояніе познавательной, интеллектуальной способности. Какъ всякій органъ или, идя въ сравненіи еще дальше, какъ всякая машина, мозгъ для своей работы нуждается прежде всего въ питательномъ матеріалѣ, который долженъ доставляться къ нему въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества. Служащая для питанія мозга кровь приносится двумя парами артерій, которыя, постепенно развѣтвляясь, распадаются въ веществѣ мозга на множество мелкихъ сосудовъ. Для успѣха работы кровь должна быть хорошаго качества, т.-е. должна прежде всего содержать въ себѣ достаточное количество кислорода и, питательныхъ веществъ. Всякое нарушеніе въ этомъ отношеніи невыгодно отражается на работѣ мозга, т.-е. на ходѣ психической жизни и

въ данномъ случаѣ, на ходѣ обученія. Вотъ почему необходимо, съ одной стороны, чтобы воздухъ въ классѣ былъ хорошаго состава, содержалъ достаточное количество кислорода и не имѣлъ постороннихъ вредныхъ примѣсей, а съ другой—чтобы ученики хорошо питались. Первая задача разрѣшается устройствомъ достаточно просторныхъ и хорошо провѣтриваемыхъ классныхъ помѣщеній; вторая—за послѣднее время вызываетъ устройство для учениковъ такъ-называемаго школьнаго приварка, т.-е. снабженія ихъ завтракомъ съ горячей пищей. Имѣющійся въ послѣднемъ отношеніи опытъ въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда даетъ полное право высказаться за то, что горячій завтракъ благотворно вліяетъ на ходъ учебныхъ занятій. Далѣе, кровь должна притекать къ мозгу въ достаточномъ количествѣ, и въ этомъ отношеніи всѣ неудобныя позы въ видѣ полусогнутаго положенія, являющіяся чаще всего слѣдствіемъ нераціонально устроенной классной мебели, ведущія къ сдавливанію органовъ груди и живота и мѣшающія правильному кровообращенію, также невыгодно отражаются на работѣ мозга. Кромѣ недостаточнаго притока къ мозгу питательнаго матеріала, въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто задержка въ мозгу той крови, изъ которой взяты всѣ питательныя вещества и въ которую поступили продукты разложенія, являющіеся результатомъ мозговой дѣятельности. Задержка этой крови, которая должна уходить чрезъ вены, также вліяетъ въ дурную сторону на дѣятельность мозга.

Психическая жизнь человѣка въ обыкновенномъ своемъ теченіи состоитъ изъ непрерывно смѣняющихъ другъ друга внутреннихъ процессовъ, изъ ряда ощущеній, чувствованій, мыслей и образовъ, подвергающихся то взаимной ассоціаціи, то отталкиванью подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда появляется какое-нибудь особенно сильное впечатлѣніе или мысль, они на бо̀льшее время остаются въ сферѣ сознанія и болѣе или менѣе исключительно овладѣваютъ имъ, *приковываютъ наше вниманіе*. У дѣтей до извѣстнаго возраста и первобытныхъ людей до извѣстной стадіи развитія вниманіе существуетъ только въ видѣ непроизвольнаго и направляется на то, что ихъ интересуетъ, что вызываетъ въ нихъ состояніе пріятное или непріятное. Такъ какъ удовольствіе или огорченіе служатъ только признаками, что извѣстныя стремленія наши удовлетворены, или напротивъ, встрѣчаютъ противодѣйствіе, и такія стремленія наши глубоко лежатъ въ насъ самихъ и выражаютъ сущность нашей личности, нашъ характеръ, то изъ этого слѣдуетъ, что и характеръ непроизвольнаго вниманія коренится въ глубокихъ тайникахъ нашего существа. Направленіе непроизвольнаго вниманія даннаго лица обличаетъ его характеръ, или по

меньшей мѣрѣ, его стремленія. Очень понятно поэтому, что кругъ предметовъ, привлекающихъ непроизвольное вниманіе крестьянскаго мальчика или ребенка разныхъ слоевъ городского населенія, далеко неодинаковъ; причину этого надо искать, съ одной стороны, въ условіяхъ наслѣдственности, съ другой—въ обстановкѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ.

Непроизвольное вниманіе вполнѣ естественно и не нуждается въ усиліи, такъ, напримѣръ, праздношатающійся по улицѣ зѣвака, созерцая проходящую процессію, стоитъ неподвижно съ открытымъ ртомъ все время, пока она дефилируетъ мимо него. Наступленіе момента, когда требуется усиліе, служитъ признакомъ, что вниманіе измѣнило свой характеръ, что оно становится произвольнымъ, искусственнымъ.

Способность произвольно направлять вниманіе на то или другое, т.-е. удерживать сравнительно надолго въ сознаніи одинъ какой-нибудь предметъ и все относящееся къ нему и удалять изъ сознанья все, къ нему не относящееся, пріобрѣтается человѣкомъ при дальнѣйшемъ развитіи. Такого рода вниманіе, вниманіе произвольное есть уже продуктъ воспитанія, дрессировки. Путь, съ помощью котораго образуется способность произвольнаго вниманія, состоитъ въ томъ, чтобы искусственно сдѣлать привлекательнымъ то, что было непривлекательно, придать искусственный интересъ вещамъ, которыя раньше не были интересны. Воспитателю, взявшему на себя трудъ выработать у дѣтей произвольное вниманіе, приходится въ первое время пользоваться различными естественными двигателями, пользуясь ими въ своихъ цѣляхъ. Для этого можно пользоваться врожденною любознательностью, эгоистическими стремленіями, различными эмоціями въ видѣ любви къ родителямъ, желанія доставить имъ пріятное и т. д. Въ концѣ этого длиннаго пути получается у учениковъ организованное вниманіе, вызываемое и поддерживаемое привычкой: достаточно очутиться въ извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстной обстановкѣ, чтобы тотчасъ же проявилась способность произвольнаго вниманія. Выработка этой способности является одной изъ важныхъ задачъ школы. Вѣдь нельзя же всю цѣль школьнаго обученія сводить къ снабженію извѣстнымъ количествомъ знаній, а необходимо также выработать въ школьникѣ способность работать болѣе или менѣе долго и упорно надъ выбраннымъ имъ по желанію предметомъ. И непроизвольное, и произвольное вниманіе сопровождаются рядомъ физическихъ явленій. Заинтересованные органы чувствъ—глазъ, ухо, приспособляются къ воспріятію извѣстныхъ впечатлѣній, а для этого такъ или иначе работаютъ мышцы лица, движенія во всѣхъ другихъ мышцахъ напротивъ задерживаются. Дыхательныя движенія замедляются и при сильной степени вниманія подвер-

гаются даже временной пріостановкѣ; часто въ такихъ случаяхъ приходится сдѣлать глубокій усиленный вздохъ, чтобы въ достаточной степени возобновить воздухъ въ легкихъ. Наконецъ, происходитъ усиленная работа мозговыхъ клѣтокъ, требующая и усиленнаго притока къ нимъ крови. Отсюда уже видно, что состояніе вниманія можетъ продолжаться только ограниченное время. Задержанныя дыхательныя движенія ведутъ къ тому, что кровь недостаточно окисляется и становится, слѣдовательно, плохимъ питательнымъ веществомъ для мозга, а продолженіе состоянія вниманія требуетъ какъ-разъ наоборотъ хорошаго питанія мозга. Задержанныя движенія различныхъ мышцъ тѣла также даютъ себя знать. Вниманіе ослабѣваетъ, появляются постороннія движенія. Между прочимъ, движенія этого послѣдняго характера являются хорошимъ показателемъ внимательности (Интересны, напримѣръ, въ этомъ отношеніи наблюденія Гальтона, который слѣдилъ за 50 слушателями, присутствовавшими на одномъ чтеніи. По мѣрѣ того, какъ чтеніе затягивалось, у слушателей увеличивались постороннія движенія, при чемъ число такихъ движеній, ясно замѣтныхъ для наблюдателя, равнялось 45 въ минуту, т.-е. среднимъ числомъ приходилось по одному движенію на слушателя. Въ тѣ моменты, когда вниманіе возбуждалось, число движеній уменьшалось наполовину).

Все это показываетъ, что классныя занятія должны имѣть только извѣстную продолжительность и чередоваться съ отдыхомъ. Какова же должна быть продолжительность классныхъ уроковъ? Данныхъ для категорическаго рѣшенія этого вопроса, т.-е. для точнаго обозначенія въ цифрахъ продолжительности непрерывнаго класснаго урока нѣтъ. Однакоже, имѣется цѣлый рядъ указаній, что практикующаяся въ большинствѣ случаевъ часовая продолжительность урока не можетъ быть одобрена съ гигіенической точки зрѣнія. Опыты, произведенные въ психологическихъ лабораторіяхъ, показываютъ, что у взрослыхъ людей послѣ часоваго умственнаго труда происходятъ измѣненія въ области простыхъ психическихъ процессовъ,—субъектъ не можетъ читать съ той же быстротой, какъ до умственной работы, не въ состояніи также быстро вычислять и запоминать цифры. Гораздо сильнѣе, конечно, долженъ сказаться часовой умственный трудъ на дѣтяхъ. Далѣе, необходимо указать на то, что одинаковая продолжительность урока для дѣтей всѣхъ возрастовъ не должна быть допускаема. Достаточно вспомнить, что произвольное вниманіе есть продуктъ воспитанія и, какъ таковой, развивается, пріобрѣтается со временемъ; чтобы не требовать отъ дѣтей, только-что пришедшихъ въ школу и часто не обладающихъ способностью произвольнаго вниманія, внимательнаго отношенія въ те-

ченіе цѣлаго часа такъ же, какъ и отъ дѣтей, проведшихъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ. Наконецъ, имѣются прямыя наблюденія въ томъ смыслѣ, что вниманіе учениковъ не можетъ быть поддерживаемо въ теченіе часа. Бургерштейнъ, напримѣръ, произвелъ слѣдующій опытъ: въ продолженіе одного часа онъ заставилъ 4 раза по десяти минутъ дѣлать нѣкоторыя нетрудныя вычисленія (сложеніе и умноженіе), при чемъ послѣ каждыхъ 10 минутъ работы дѣлалась пауза въ 5 минутъ. Безошибочное рѣшеніе съ каждымъ послѣдующимъ разомъ дѣлалось все рѣже, что указывало на ослабленную способность вниманія; наоборотъ, число ошибокъ вырастало. Интересенъ очень тотъ фактъ, что наименьшая способность къ работѣ и наибольшее число ошибокъ наблюдалось въ третьи 10 минутъ, а затѣмъ въ четвертый промежутокъ число ошибокъ уменьшилось и способность къ работѣ увеличилась. Это производитъ такое впечатлѣніе, что какъ-будто школьники послѣ получасовой работы безсознательно даютъ себѣ отдыхъ въ четверть часа съ тѣмъ, чтобы снова приняться сильнѣе за работу.

Циммерманъ сдѣлалъ наблюденія надъ успѣшностью учениковъ, сравнивая результаты получасовыхъ и часовыхъ уроковъ. Оказалось, что въ шесть получасовыхъ уроковъ Закона Божія была такая же успѣшность, какъ въ 4 часовыхъ, и въ шесть получасовыхъ уроковъ ариѳметики получилась даже большая успѣшность, чѣмъ въ 4 полныхъ часовыхъ. Такое же наблюденіе имѣло мѣсто и у насъ въ Россіи. Въ 1882—1884 г.г. въ Оренбургскихъ начальныхъ школахъ, въ виду огромнаго наплыва желающихъ учиться, пришлось устроить при нѣкоторыхъ школахъ двойныя смѣны учениковъ, при чемъ продолжительность уроковъ была сокращена до $^1/_2$ часа. Опытъ показалъ, что успѣхъ учившихся въ смѣнахъ съ получасовыми уроками былъ нисколько не ниже, чѣмъ въ классахъ съ бо́льшею продолжительностью уроковъ.

Получается, такимъ образомъ, что часовая продолжительность уроковъ не можетъ дать всей суммы полезной работы, которую слѣдовало бы ожидать, не выгодна въ цѣляхъ успѣха преподаванія. И въ то же время противъ такой продолжительности уроковъ говоритъ цѣлый рядъ соображеній санитарнаго характера. Прежде всего, такая продолжительность урока ведетъ къ нежелательному мозговому утомленію учащихся,—въ концѣ часоваго напряженія даже у взрослыхъ получается постоянно возрастающая неясность мыслей, а тѣмъ болѣе это имѣетъ мѣсто у дѣтей. Неподвижность въ теченіе цѣлаго часа, вредная для всякаго, еще болѣе вредна для дѣтей, у которыхъ такъ сильна отребность къ быстрымъ и сильнымъ движеніямъ. Воздухъ въ классной

комнатѣ къ концу часоваго урока, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ помѣщенія и вентиляціи, очень портится, что въ свою очередь неблагопріятно вліяетъ на продолжающуюся мозговую дѣятельность. Понятно отсюда, почему большинство авторитетовъ по школьной гигіенѣ утверждаютъ, что *продолжительность каждаго урока ни въ какомъ случаѣ не должна превышать* $^3/_4$ *часа*. Но опять-таки здѣсь надо помнить, что не должна быть устанавливаема одинаковая продолжительность урока для дѣтей всѣхъ возрастовъ.

Одно изъ необходимыхъ условій, чтобы вниманіе во все продолженіе урока поддерживалось на необходимой высотѣ, относится къ области медицины и на немъ здѣсь необходимо нѣсколько остановиться. Я хочу сказать, что для проявленія вниманія необходимо, чтобы отдавался ясный отчетъ въ томъ, что происходитъ въ классѣ, чтобы у учениковъ правильно функціонировали главные органы воспріятія внѣшнихъ чувствъ, т. е. глазъ и ухо. Массовыя наблюденія показываютъ между тѣмъ, что сравнительно часто встрѣчаются у школьниковъ нарушенія функцій этихъ органовъ. Вы уже знаете, вѣроятно, что близорукость и пониженная острота зрѣнія составляютъ, можно сказать, почти непремѣнную принадлежность школъ и что эти разстройства съ дальнѣйшимъ ходомъ обученія встрѣчаются все чаще и увеличиваются въ степени.

За послѣдніе два десятка лѣтъ на Западѣ были произведены массовыя изслѣдованія слуха учащихся дѣтей и оказывается, что среди учениковъ встрѣчается 20—25% „тугихъ на ухо“. Нѣтъ основаній думать, чтобы этотъ процентъ былъ ниже у насъ въ Россіи, гдѣ такъ часты дѣтскія эпидемическія болѣзни, служащія одной изъ главныхъ причинъ послѣдовательной тугости слуха.

Пониженная острота зрѣнія и слуха очень часто вызываетъ невнимательное поведеніе учениковъ въ классѣ. Но это не есть собственно невниманіе, а болѣзнь органовъ воспріятія. Часто бываетъ достаточно посадить близорукаго въ первые ряды, ближе къ классной доскѣ, исправить непорядки въ классномъ столѣ и пособіяхъ преподаванія, или, наконецъ, снабдить соотвѣтствующими очками, достаточно вести преподаваніе болѣе громко, внятно и отчетливо, чтобы многіе изъ бывшихъ раньше невнимательными стали совершенно иначе относиться къ класснымъ урокамъ. Безусловно необходимо поэтому, прежде чѣмъ обвинить какого-либо ученика въ невниманіи, справиться о состояніи его органовъ слуха и зрѣнія.

Значеніе перемѣнъ или свободныхъ паузъ между отдѣльными уроками достаточно понятно. Свободныя паузы между занятіями имѣютъ своимъ назначеніемъ дать отдыхъ головному мозгу, усилить дыхатель-

ную дѣятельность, исправить получившіеся непорядки въ кровообращеніи и, въ частности, въ кровообращеніи мозга—и, однимъ словомъ, подготовить организмъ къ возможности снова развить состояніе вниманія. Съ этою цѣлью перемѣны должны быть довольно продолжительны, приблизительно въ $^1/_4$ часа, такъ какъ мы видѣли уже выше изъ опыта Бургерштейна, что пятиминутные промежутки въ работѣ недостаточны и не могутъ дать возможности мозгу отдохнуть. Подобные кратковременные перерывы, повторяемые нѣсколько разъ въ теченіе урока, однакоже могутъ принести свою долю пользы, такъ какъ даютъ возможность расправить поставленные въ неудобное положеніе члены, приводятъ къ надлежащей нормѣ легочное дыханіе и улучшаютъ кровообращеніе. Пятнадцати-минутныя перемѣны никоимъ образомъ не должны идти на повтореніе урока или какія-либо обязательныя занятія въ родѣ пѣнія; дѣти въ это время должны только отдыхать. Очень полезно, если только позволяютъ условія, устраивать во время перемѣнъ для дѣтей подвижныя игры на открытомъ воздухѣ. Классъ въ это время долженъ быть подвергнутъ основательному провѣтриванію.

Не взирая на свободныя паузы въ четверть часа между уроками, школьники съ каждымъ часомъ утомляются все болѣе и болѣе, а параллельно съ этимъ, конечно, ослабѣваетъ способность къ вниманію и воспріимчивости. Что это такъ, едва ли нужно доказывать; каждый изъ васъ хорошо знаетъ по своему опыту. Можно привести однако и точныя наблюденія. Д-ръ Сикорскій сравнивалъ точность работы свѣжихъ и утомленныхъ дѣтей по числу ошибокъ, которыя ими дѣлались при диктантѣ; оказалось, что въ диктантѣ по окончаніи пятаго урока число ошибокъ на 33% больше, чѣмъ въ диктантѣ предъ первымъ урокомъ. По наблюденію Фридриха, изъ 51 ученика написали

	безъ ош.	1 ош.	2	3	4	5	6	7	8	9	10.
До занятій утромъ .	37	7	2	2	1	—	2	—	—	—	—
Послѣ часа занят. .	31	1	7	6	5	1	—	—	—	—	—
Послѣ 2 ч съ пер.	18	2	13	6	5	5	2	—	—	—	—
„ „ безъ перем.	14	4	9	8	5	5	2	2	2	2	—
„ 3 ч. съ 2 пер.	18	1	10	1	6	1	1	1	—	—	—
„ „ съ 1 перем.	12	2	9	11	2	7	3	3	1	—	1
„ „ безъ перем.	10	3	8	8	6	6	7	1	2	—	—

Грисбахъ посредствомъ особаго инструмента изслѣдовалъ воспріимчивость у свѣжихъ и усталыхъ отъ школьной работы дѣтей; изслѣдованіе состояло въ томъ, что опредѣлялось минимальное разстояніе, на которомъ двѣ ножки циркуля, прикасающіяся къ кожѣ, вызываютъ

два раздѣльныя ощущенія. Оказалось, что при мозговомъ утомленіи разстояніе это увеличивается вдвое и даже вчетверо. Ясно, что въ такомъ состояніи пониженной воспріимчивости дѣти съ трудомъ будутъ усвоивать такіе предметы, которые требуютъ усиленнаго умственнаго напряженія. Въ виду этого, представляется полезнымъ для дѣла и необходимымъ съ гигіенической точки зрѣнія такое распредѣленіе школьныхъ занятій, чтобы на первые утренніе часы назначались болѣе трудные предметы и, наоборотъ, предметы легкіе могутъ быть отнесены къ концу учебнаго времени. Послѣ трехъ, самое большее послѣ 4 уроковъ, необходимо дѣлать большой перерывъ не короче часа. За это время школьники могутъ отдохнуть болѣе или менѣе основательно, утолить чувство голода и т. д.

Общая продолжительность классныхъ занятій устанавливается гигіенистами по вполнѣ понятнымъ и изложеннымъ выше соображеніямъ, въ зависимости отъ возраста учениковъ. Надо сказать здѣсь, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отдавать въ школу дѣтей раньше 7 лѣтъ, такъ какъ, при обыкновенномъ развитіи ребенка, мозгъ раньше семилѣтняго возраста еще не сформированъ и находится въ періодѣ энергическаго роста. Въ возрастѣ 8—14 лѣтъ ежедневно продолжительность классныхъ занятій должна колебаться отъ 2 до 5 часовъ, при чемъ здѣсь въ счетъ входятъ и пятнадцати минутныя перемѣны при урокахъ въ $^3/_4$ часа. Понятное дѣло, что кромѣ возраста дѣтей должны приниматься во вниманіе и большая или меньшая способность ихъ къ произвольному вниманію, т. е. степень подготовленности и состояніе ихъ здоровья. Совмѣстить эти требованія гигіены съ прохожденіемъ очень широкихъ программъ, которыя требуются отъ нашихъ школъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ крайне затруднительно. Нерѣдко поэтому встрѣчаются, вѣроятно, такіе случаи, когда занятія въ школахъ далеко превосходятъ по своей продолжительности только-что указанныя нормы. Съ гигіенической точки зрѣнія, такіе факты, конечно, должны быть признаны абсолютно недопустимыми, ибо ведутъ къ ущербамъ въ здоровьѣ школьниковъ; но едва ли они могутъ быть оправданы и съ педагогической точки зрѣнія. Вѣдь въ такихъ случаяхъ въ школьникахъ постепенно слабѣетъ способность къ произвольному вниманію, воспріимчивость и учителю приходится тратить съ утомленными учениками на усвоеніе извѣстныхъ знаній гораздо болѣе времени, чѣмъ при обычныхъ условіяхъ. А впереди еще стоитъ возможная перспектива, что разстройство въ здоровьѣ и утомленіе сдѣлаютъ школьниковъ совсѣмъ неспособными къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Едва ли сознанія надлежащаго выполненія требованій программы въ состояніи затушевать подобную

перспективу и вознаградить за сопряженный съ этимъ вредъ для учениковъ. Лучшимъ выходомъ изъ подобнаго затруднительнаго положенія было бы возможное сокращеніе и измѣненіе программъ, съ одной стороны, и удлиненіе срока ученія хотя бы до четырехъ лѣтъ, съ другой.

Работы, задаваемыя школьникамъ на домъ, должны быть крайне ограничены; особенно строго должно это соблюдаться по отношенію къ ученикамъ нашихъ начальныхъ школъ. Время послѣ-классныхъ занятій должно быть предназначено главнымъ образомъ для того, чтобы дѣти имѣли возможность основательно отдохнуть, освѣжить себя продолжительнымъ сномъ и приготовиться къ занятіямъ слѣдующаго дня. У большинства нашихъ школьниковъ кромѣ того домашнія занятія могутъ происходить вѣдь только при крайне негигіеничныхъ, подчасъ прямо невозможныхъ условіяхъ. Если въ школахъ, несмотря на всѣ усилія общественныхъ управленій, до сихъ поръ еще встрѣчаются неправильное и недостаточное освѣщеніе, нераціонально устроенная классная мебель и т. под. нарушенія школьной гигіены, то можно смѣло сказать, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ ученики начальныхъ школъ, они дома должны заниматься чтеніемъ или письмомъ при обстановкѣ, совершенно не соотвѣтствующей требованіямъ гигіены. Во всякомъ случаѣ, максимумъ времени, которое можетъ быть отдано домашнимъ занятіямъ, по признанію большинства авторитетовъ въ области школьной гигіены (Вирениусъ, Кей), должно колебаться для дѣтей въ возрастѣ 8—14 лѣтъ отъ $^1/_2$ до $1^3/_4$ часовъ. Не обременяя дѣтей внѣклассными школьными работами, надо пользоваться свободнымъ временемъ въ цѣляхъ физическаго воспитанія дѣтей. Въ настоящее время едва ли нужно доказывать справедливоеть латинской пословицы, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровый духъ, — а здоровье несовмѣстимо съ лишеніемъ физической дѣятельности. Ученики сельскихъ школъ, правда, въ смыслѣ физическаго воспитанія самою жизнью поставлены сравнительно въ лучшія условія, имъ очень часто приходится исполнять тѣ или иныя работы, помогая старшимъ; далеко нельзя сказать того же про городскихъ школьниковъ, которымъ къ тому же гораздо рѣже приходится пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Вотъ почему въ дѣлѣ воспитанія физическія упражненія должны играть видную роль,—они необходимы и для тѣхъ, кому придется работать только умомъ, такъ какъ и самими умственными способностями во всей полнотѣ могутъ пользоваться только люди вполнѣ здоровые. Нельзя не привести здѣсь очень удачнаго и вѣрнаго выраженія англійскаго психолога Маудсли, что вниманіемъ хорошо управляетъ тотъ, кто хорошо управляетъ мышцами.

Но прежде всего необходимо выяснить ошибочность такъ часто встрѣчающагося мнѣнія, что будто работа мозга и работа мышцъ имѣютъ противоположныя свойства, что мышечная работа, давая отдыхъ мозгу, предохраняетъ отъ мозговаго переутомленія. Основывается это обычно на томъ предположеніи, что мышечная работа происходитъ въ нашемъ тѣлѣ на счетъ особаго запаса энергіи, независимо отъ той энергіи, которая потребляется работой умственной. Между тѣмъ, ничего подобнаго не существуетъ; какой бы органъ тѣла ни истощался отъ чрезмѣрной работы, истощеніе происходитъ на счетъ общаго запаса энергіи и отражается въ большей или меньшей степени на всемъ тѣлѣ.

Чтобы упражненія были гигіеничными, они не должны прежде всего состоять изъ такихъ движеній, которыя препятствуютъ росту или правильному развитію. Затѣмъ упражненія, должны *усиливать дыханіе*, благодаря чему кровь обогащается большимъ количествомъ кислорода, увеличивается объемъ легкихъ и улучшается обмѣнъ вещества; чтобы взять всю пользу отъ усиленнаго дыханія, упражненія должно совершаться на *открытомъ воздухѣ*. Наконецъ съ точки зрѣнія функціональной дѣятельности мозга, упражненія обязательно должны быть интересными, доставлять удовольствіе. Не говоря уже о томъ, что чувства удовольствія и веселья составляютъ для ребенка необходимый возбудитель нервныхъ центровъ и источникъ жизненной энергіи, только удовольствіе въ состояніи дать возможность отдохнуть утомленному мозгу, а вовсе не матеріальная работа мышцъ.

Всѣмъ сказаннымъ условіямъ въ состояніи лучше всего удовлетворить подвижныя игры, которымъ поэтому должно быть отдано въ школьной жизни безусловное предпочтеніе предъ гимнастикой того или другаго рода.

Игры съ физической точки зрѣнія не требуютъ ни слишкомъ напряженныхъ усилій ни локализированныхъ движеній, даже самыя сложныя изъ нихъ требуютъ комбинаціи простыхъ движеній и естественныхъ положеній тѣла. Гимнастика наоборотъ требуетъ необычныхъ комбинацій въ движеніи мышечныхъ группъ.

Игры легче и удобнѣе ведутся на открытомъ воздухѣ, гимнастика чаще производится въ томъ же закрытомъ и школьномъ душномъ помѣщеніи. Наконецъ, игры всегда завлекаютъ дѣтей своимъ интересомъ, не требуютъ никакой выучки и потому даютъ полную возможность мозгу отдохнуть отъ умственной работы, тогда какъ гимнастика наводитъ обыкновенно на дѣтей гнетущую скуку, требуетъ со стороны ихъ выучки и вниманія. Это послѣднее съ убѣдительностью доказываютъ наблюденія Фридриха, который послѣ часа гимнастики констатировалъ увеличеніе числа ошибокъ значительно бо́льшее, чѣмъ послѣ часа обычныхъ школьныхъ занятій.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ экзаменахъ, этой обычной системѣ контроля успѣшности преподаванія и степени усвоенія учениками сообщаемыхъ знаній. Не входя въ оцѣнку экзаменовъ съ педагогической стороны, съ санитарной точки зрѣнія необходимо горячо возставать противъ нихъ. Время экзаменовъ сказывается особенно вредно на ученикахъ. Вамъ хорошо, конечно, извѣстенъ видъ экзаменующихся,—ученикъ обычно блѣднѣетъ, ускоренно дышетъ, говоритъ неестественнымъ голосомъ, губы пересохли, руки дрожатъ и т. д. Все это признаки сильнѣйшаго возбужденія. Понятно поэтому, что у экзаменующихся наблюдаются головныя боли, головокруженіе, нерасположеніе духа, раздражительность, безсонница, тоскливость, сердцебіеніе, общая усталость и недомоганіе, разныя нервныя явленія. По наблюденію д-ра Игнатьева, школьники во время экзаменовъ значительно теряютъ въ вѣсѣ; это дало ему возможность сравнить экзамены по ихъ результатамъ съ тяжелой эпидемической болѣзнью. Образованная въ 1894 году при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній комиссія врачей и начальниковъ учебныхъ заведеній установила, что въ періоды экзаменовъ сила зрѣнія учащихся ослабѣваетъ весьма сильно и общее питаніе значительно падаетъ. Комиссія поэтому признала необходимымъ, въ интересахъ сбереженія здоровья воспитанниковъ, отмѣнить или по меньшей мѣрѣ значительно облегчить экзамены. Подъ этимъ рѣшеніемъ комиссіи можно только подписаться съ тою только оговоркой, что съ санитарной точки зрѣнія слѣдуетъ настаивать на полной отмѣнѣ экзаменовъ.

Чтобы покончить съ вопросами постановки школьно-учебнаго дѣла, необходимо остановиться еще на элементахъ первоначальнаго обученія, т.-е. на обученіи чтенію и письму, опять-таки, конечно, съ точки зрѣнія гигіены. И при чтеніи, и при письмѣ должны быть приняты во вниманіе всѣ тѣ моменты, которые позволяли бы ученикамъ сохранить правильную посадку, такъ какъ иначе вызывается быстрое утомленіе и цѣлый рядъ ненормальныхъ послѣдствій. Изслѣдованія по вопросу о механикѣ сидѣнія привели къ тому несомнѣнному выводу, что туловище свободно сидящаго человѣка можетъ сохранить прямое положеніе и остаться въ равновѣсіи безъ значительнаго напряженія мышцъ лишь при томъ условіи, если центры тяжести отдѣльныхъ частей верхней половины туловища,—головы, плечъ, рукъ, груди и живота, расположены на одной отвѣсной линіи. При этомъ линія, опущенная изъ центра тяжести туловища падаетъ на середину линіи, соединяющей оба сѣдалищные бугра; опорой для сидящаго служитъ именно эта послѣдняя линія и спинка скамьи или передній край сидѣнья, гдѣ лежатъ бедра. При такихъ условіяхъ туловище находится въ такъ-называемомъ ста-

тическомъ равновѣсіи, которое можетъ быть сохраняемо тѣмъ дольше, чѣмъ больше оно зависитъ отъ статическихъ моментовъ и чѣмъ меньше обусловливается напряженіемъ мышцъ. Особенно большое значеніе въ сохраненіи правильной посадки имѣетъ положеніе рукъ и головы, потому что эти части болѣе всего подвижны и, слѣдовательно, ихъ центръ тяжести чаще и легче всего перемѣщается. Стоитъ только головѣ наклониться впередъ и тѣмъ перемѣстить центръ тяжести верхней части туловища, какъ получается цѣлый рядъ нежелательныхъ послѣдствій. Подобное наклоненіе головы требуетъ усиленной работы мышцъ, а такъ какъ мышцы рано или поздно устаютъ, то голова еще болѣе наклонится впередъ, грудь упрется въ передній край стола, локти рукъ также забираются на столъ. Какъ результатъ такой неправильной посадки получается благопріятная почва для развитія столь распространенныхъ школьныхъ болѣзней, какъ головная боль, носовыя кровотеченія, близорукость и т. д. Кромѣ того, разъ голова наклонена впередъ, немедленно является сдавленіе шейныхъ венъ, несущихъ кровь изъ мозга; сдавленіе это при извѣстной продолжительности вызываетъ застой крови въ головѣ ученика, въ результатѣ чего нарушается правильное питаніе мозговыхъ клѣтокъ. Далѣе сдавливаются органы груди и живота, а это ведетъ къ общимъ разстройствамъ въ дыханіи и кровообращеніи. Наконецъ, неправильное положеніе, если оно повторяется часто и подолгу, ведетъ за собой болѣе или менѣе стойкое измѣненіе позвоночника. Главныя условія для такой неправильной посадки даются нерацiонально устроенными классными столами. Но могутъ быть и другія причины. Представьте, напримѣръ, что ученикъ неясно видитъ буквы читаемой книги (а это можетъ вызываться не только значительнымъ удаленіемъ книги отъ глазъ, т.-е. неправильнымъ устройствомъ класснаго стола, но и неудовлетворительными качествами книги, и пониженной остротой зрѣнія ученика); онъ, конечно, тотчасъ же наклонитъ голову впередъ, чтобы лучше разглядѣть читаемое; вслѣдъ за этимъ неизбѣжно разовьется описанная выше картина неправильной посадки ученика. Вотъ почему съ гигіенической точки зрѣнія къ употребляемымъ въ школѣ книгамъ должны быть предъявляемы извѣстныя требованія. Шрифтъ долженъ быть достаточно крупный, чтобы на разстояніи приблизительно въ $^1/_2$ аршина, на которомъ должны находиться книги, его можно было разбирать безъ всякаго усилія. Бумага въ учебникахъ должна быть такой толщины и качества, чтобы не было просвѣчиванья; затѣмъ бумага должна быть матовой, безъ особаго глянца, сильно затрудняющаго чтеніе. Вдавленія, получаемыя на бумагѣ отъ набора, должны быть сглаживаемы предъ брошюровкой прессованіемъ листовъ,

такъ какъ иначе эти неровности сильно обозначаются на обратной сторонѣ и пестрятъ страницу. Имѣются, наконецъ, точныя указанія относительно наиболѣе выгодной, съ точки зрѣнія гигіены, величины буквъ, величины разстояній между отдѣльными буквами, длины строкъ и разстоянія между ними и т. д. Надо однако сказать, что, къ сожалѣнію, всѣ эти требованія гигіены очень часто игнорируются. По изслѣдованіямъ д-ра Зака оказалось, что болѣе половины имѣющихся въ обращеніи въ Москвѣ учебниковъ не удовлетворяютъ предъявляемымъ гигіеной требованіямъ. При выборѣ учебниковъ въ школы необходимо поэтому принимать въ соображеніе и требованія гигіены и спрашивать о нихъ мнѣнія врачей. Здѣсь кстати можно сказать и о томъ, что съ точки зрѣнія гигіены не можетъ быть одобрено употребленіе аспидныхъ досокъ, такъ какъ написанное на нихъ читается болѣе или менѣе трудно, а благодаря этому опять-таки имѣются на лицо моменты, могущіе вызвать неправильную посадку.

Гораздо чаще, чѣмъ при чтеніи, правильная посадка учениковъ нарушается при занятіяхъ письмомъ, которое представляетъ больше моментовъ для подобнаго нарушенія. Въ виду, этого при письмѣ особенно строго должны соблюдаться всѣ выработанныя гигіеной требонія. Ученикъ при занятіи письменной работой долженъ сидѣть такъ, чтобы линія, соединяющая сѣдалищные бугры, линія, соединяющая плечи, и, наконецъ, линія, соединяющая глаза, лежали параллельно. Чтобы все это соблюсти, прежде всего необходимо, какъ признаютъ въ настоящее время единодушно гигіенисты и педагоги, срединное положеніе тетради, т.-е. тетрадь должна лежать противъ средины груди пишущаго. Только при этомъ положеніи ученикъ въ состояніи сидѣть прямо, а головѣ дана возможность держаться правильнымъ образомъ. Разсмотримъ теперь, каково должно быть положеніе тетради по отношенію къ краю стола или, другими словами, какой характеръ письма наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ гигіены. Штрихи, получаемые отъ сгибанія и разгибанія пальцевъ, идутъ вѣдь всегда, при срединномъ положеніи тетради, перпендикулярно къ краю стола и къ срединѣ груди. Слѣдовательно, характеръ почерка будетъ зависѣть отъ положенія тетради,—если тетрадь лежитъ параллельно къ краю стола, почеркъ получится прямой, если тетрадь повернута влѣво, подъ извѣстнымъ угломъ, почеркъ будетъ косой. Взгляды спеціалистовъ по этому вопросу пока еще расходятся, но большинство гигіенистовъ однако же склоняются къ признанію правильности прямаго почерка. Защитники косаго почерка (главнымъ образомъ, Бѐрлинъ и Рѐмбольдъ) требуютъ прежде всего чтобы тетрадь лежала подъ строго опредѣленнымъ угломъ

30—40 градусовъ по отношенію краю стола, предупреждая при этомъ, что если тетрадь будетъ поворочена на бо́льшій уголъ, голова неминуемо должна наклониться влѣво и произойдетъ постепенно нарушеніе правильной посадки пишущихъ. Практически постоянное соблюденіе подобнаго угла едва ли достижимо въ школахъ съ большимъ числомъ учащихся, гдѣ учителю трудно слѣдить за исполненіемъ всѣми учениками этого требованія, и совершенно почти невозможно при домашнихъ работахъ учениковъ. Но даже и при указанномъ углѣ въ 30—40 градусовъ строки все-таки будутъ вѣдь идти слѣва снизу, вправо вверхъ и, слѣдовательно, глаза пишущаго, слѣдя за кончикомъ пера и прочитывая написанное, также должны будутъ двигаться въ этомъ направленіи—слѣва снизу, вправо вверхъ. Подобное чтеніе строкъ, написанныхъ на косо идущей строкѣ, представляется дѣломъ далеко не легкимъ и крайне утомительнымъ для глазъ, если только имѣть въ виду изложенное выше требованіе, что для соблюденія правильной посадки необходимо, чтобы голова держалась прямо или, другими словами, чтобы основная линія глазъ, т.-е. линія, соединяющая оба глаза, лежала параллельно краю стола. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, если положитъ предъ собою книгу съ обыкновенной печатью, повернувши ее влѣво такъ, чтобы строчки шли слѣва снизу, вправо вверхъ, и попробуетъ читать; чувство неловкости и даже и даже боль въ глазахъ скоро заставитъ наклонить голову влѣво настолько, чтобы линія соединенія обоихъ глазъ оказалась почти параллельной линіи строки. Происходитъ это потому, что глаза наши весьма легко совершаютъ движеніе сверху внизъ и справа налѣво, но стараются избѣжать движеній косыхъ, напримѣръ, вкось влѣво или вправо,—подобныя движенія болѣзненны и утомительны для глазъ. Такимъ образомъ, косой почеркъ и косое направленіе строки содержатъ въ себѣ нѣсколько факторовъ, крайне неблагопріятныхъ нормальному легкому зрѣнью, и благодаря этому обусловливаютъ измѣненіе правильнаго непринужденнаго положенія головы. Сказанное приводитъ къ тому неизбѣжному выводу, что съ гигіенической точки зрѣнія необходимо отдать предпочтеніе, кромѣ срединнаго положенія, еще такому положенію тетради, при которомъ край ея и строки идутъ параллельно краю стола и соединительной линіи глазъ. Лишь такое направленіе строки въ состояніи надолго обезпечить ученику правильное держаніе головы и положеніе всего туловища. При этомъ положеніи тетради единственно возможнымъ почеркомъ является прямой.

Массовыя наблюденія надъ учениками, пишущими тѣмъ и другимъ почеркомъ, показали, что правильная посадка встрѣчается гораздо чаще

у пишущихъ прямо, чѣмъ у пишущихъ косымъ почеркомъ. По изслѣдованіямъ Шуберта, при письмѣ прямымъ почеркомъ сидѣли хорошо 66,6% и плохо—33,4% всего числа пишущихъ; при косомъ письмѣ, наоборотъ 66% сидѣли плохо и только 34%—хорошо. По наблюденіямъ Гоффа, при письмѣ прямымъ почеркомъ хорошо сидѣли 81,6% и плохо—18,4%; при письмѣ косымъ почеркомъ хорошо сидѣли только 26,2% и плохо—73,8% всего числа учениковъ.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, можно формулировать коротко разницу между обоими методами письма такимъ образомъ: въ то время, какъ при косомъ почеркѣ и при косомъ положеніи тетради ученики лишь при частыхъ напоминаніяхъ и внимательномъ надзорѣ могутъ сидѣть правильно и то не надолго, при прямомъ почеркѣ, обусловленномъ прямымъ положеніемъ тетради, ученики должны сидѣть прямо въ виду того, что въ такомъ положеніи всего легче дается этотъ почеркъ. Для нашихъ низшихъ школъ, гдѣ одному учителю приходится нерѣдко заниматься въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ и гдѣ, слѣдовательно, постоянный надзоръ за посадкой пишущихъ осуществимъ быть не можетъ, введеніе прямаго почерк амогло бы сыграть большую роль.

Итакъ, при постановкѣ школьнаго обученія въ интересахъ самаго дѣла и здоровья подрастающихъ поколѣній, воплощающихъ въ себѣ все будущее страны, должны быть приняты во вниманіе всѣ изложенныя выше требованія школьной гигіены.

Удовлетворить большинство этихъ требованій, къ несчастію, не во власти учителя. Матеріальная обстановка школы, начиная со школьнаго зданія и кончая школьною мебелью и учебными пособіями, дается преподавательскому персоналу въ готовомъ, такъ-сказать, видѣ. Не во власти учителя и учебная программа, выполнить которую онъ обязанъ. И все-таки даже и въ этихъ предѣлахъ для учителя остается широкій просторъ и благодаря внимательному отношенію къ дѣлу, онъ многое можетъ сдѣлать въ смыслѣ устраненія вредныхъ моментовъ для обезпеченія здоровья учениковъ. Можно вѣдь и хорошимъ школьнымъ столомъ пользоваться ненадлежащимъ образомъ, если не проникнуться тою мыслью, что столъ долженъ соотвѣтствовать росту ученика, а преслѣдовать при разсаживаніи учениковъ только однѣ учебно-воспитательныя цѣли. При выполненіи обязательныхъ программъ, если не преслѣдовать различныхъ тонкостей и образцовой выучки школьниковъ, можно не удлинять занятій до непозволительныхъ, съ точки зрѣнія гигіены размѣровъ и тѣмъ избѣжать вредныхъ для учениковъ послѣдствій. Наконецъ, уже болѣе или менѣе во власти учителя находится

область, такъ сказать, внутренняго распорядка:—онъ можетъ распредѣлить занятія, давать достаточный отдыхъ среди занятій утомленному дѣтскому мозгу, можетъ уменьшить домашнія работы, пріучить дѣтей къ физическимъ упражненіямъ и играмъ.

На учителѣ, какъ на общественномъ работникѣ, лежитъ долгъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы путемъ согласованія педагогическихъ и гигіеническихъ указаній выпустить изъ школы обученное и здоровое, трудоспособное, т.-е. воспитанное, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, поколѣніе. Надо надѣяться, что теперь, когда въ основѣ школьной жизни и воспитанія молодыхъ поколѣній должно лежать, по всеобщему и громко выраженному признанію, *сердечное* о нихъ попеченіе, для учителя откроется возможность работать на пользу отечественнаго просвѣщенія, развивая равномѣрно всѣ силы и способности учениковъ и не жертвуя интересами ихъ умственнаго и физическаго здоровья.

Положенія.

I. Школа должна имѣть своей задачей всестороннее развитіе учениковъ, т.-е. развитіе какъ разныхъ сторонъ душевной жизни—ума, чувства и воли, такъ равно и физической стороны дѣтскаго организма.

II. Чтобы осуществить эту задачу, необходимо принимать во вниманіе и строго выполнять всѣ требованія школьной гигіены

III. Необходимо, чтобы учительскій персоналъ былъ такъ или иначе ознакомленъ со школьной гигіеной. Это можетъ быть достигнуто путемъ включенія преподаванія гигіены въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя выпускаютъ учителей, а для существующаго педагогическаго персонала—путемъ устройства курсовъ по школьной гигіенѣ.

IV. Въ жизни школы близкое участіе долженъ принимать врачъ, какъ компетентный судья и совѣтникъ по вопросамъ школьно-санитарнаго и врачебнаго характера. Кромѣ участія въ жизни школы непосредственно на мѣстахъ, врачъ долженъ быть включенъ и въ число членовъ Училищнаго Совѣта съ правомъ рѣшающаго голоса.

V. Главнѣйшія требованія школьной гигіены суть слѣдующія:

1. Въ школу должны поступать дѣти не моложе 7-лѣтняго возраста.

2. Продолжительность отдѣльнаго урока не должна быть болѣе $^3/_4$ часа, понижаясь для только-что поступившихъ дѣтей и вообще колеблясь соотвѣтственно возрасту, степени развитія и здоровья школьниковъ.

3. Между уроками должны существовать свободные отъ работы промежутки въ $^1/_4$ часа.

4. Общая продолжительность классныхъ занятій въ теченіе дня для дѣтей въ возрастѣ 8—14 лѣтъ должна колебаться отъ 2—3 часовъ въ въ первое время, и до 4—5 час. послѣднемъ отдѣленіи.

5. Домашнихъ работъ нужно избѣгать и во всякомъ случаѣ продолжительность ихъ для дѣтей въ возрастѣ 8—14 лѣтъ не должна превышать $^3/_4$—$1^3/_4$ часа.

6. Существующая система контроля успѣшности обученія въ видѣ экзаменовъ, съ санитарной точки зрѣнія, должна быть отмѣнена.

7. Необходимо опредѣлять у невнимательныхъ учениковъ состояніе органовъ ихъ воспріятія—зрѣнія и слуха.

8. Въ цѣляхъ необходимаго физическаго развитія играмъ должно быть отдано преимущество предъ гимнастикой разнаго рода.

9. При выборѣ учебниковъ необходимо принимать во вниманіе и требованія санитарнаго характера.

10. Должно быть отдано предпочтеніе прямому письму.

11. Необходимо содѣйствовать и заботиться объ устройствѣ для школьниковъ завтраковъ съ горячею пищею.

№ 25.

О школьныхъ товариществахъ.

Докладъ уч. Н. С. Силуановой.

Создаетъ человѣка природа, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ его отъ вліянія общества... (пишетъ проф. Бэнъ). Не вдаваясь въ мелочныя подробности, прослѣдимъ поверхностно жизнь человѣка крестьянской среды въ деревнѣ. Первое время послѣ рожденія, вся забота о немъ исключительно лежитъ на матери и вообще принадлежитъ всему семейству, которое по возможности и старается, по своему взгляду, пріучать и направлять только къ хорошему. „Дитя еще съ ранняго времени (говоритъ германскій уч. Геломнеръ), хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ, достигаетъ знанія и способности отличать должное отъ недолжнаго и задача воспитанія—развивать эти познанія“...

Какъ только начнетъ проявляться возможность ползать, а тѣмъ болѣе ходить, то ему предоставляется самостоятельность въ дѣйствіяхъ, ограничиваясь изрѣдка только мимолетнымъ наблюденіемъ... Въ первое время ребенокъ пользуется этимъ проявленіемъ самостоятельности инстинктивно среди только знакомыхъ лицъ (семейства) и матери, находя со стороны ихъ всегда помощь и поддержку. Въ лѣтнее же время, не довольствуясь этимъ, появляться начинаетъ и на улицѣ, запечатлѣвая въ душѣ своей все безъ разбору...

Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу (говоритъ Бѣлинскій) и все дальнѣйшее развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ...

Чувства и наклонности отъ частаго повторенія навсегда остаются въ душѣ, образую ту основу, съ которой и придется считаться дальнѣйшему развитію. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ непосредственнѣе должно быть его нравственное воспитаніе, т. е. тѣмъ болѣе его нужно не учить, а пріучать къ хорошимъ чувствамъ. Въ чемъ же заключается дальнѣйшее воспитаніе? и къ чему онъ пріучаться можетъ? Предполагая, по невѣжеству, что ребенокъ не понимаетъ, домашніе часто допускаютъ при немъ неподходящіе разговоры, а иногда даже и самые поступки... На улицѣ онъ можетъ слышать тѣ же разговоры, непристойныя пѣсни, ругань и видѣть даже такія картины, которыхъ и взрослый старается избѣжать, особенно около трактировъ, гдѣ всегда можно застать толпу дѣтей обоихъ половъ и различнаго возраста. Получивши массу подобныхъ впечатлѣній, дѣти наединѣ начинаютъ, изъ подражанія, копировать всѣ поступки старшихъ; изощряются въ выдумкѣ разныхъ шалостей, игръ; слѣдствіемъ первыхъ часто бываютъ пожары, особено въ страдную пору лѣтомъ, когда почти всѣ бываютъ на работѣ, за исключеніемъ дѣтей да стариковъ. Иногда приходилось слышать отборную площадную ругань отъ дѣтей, едва говорившихъ, которыя при этомъ принимали позу взрослыхъ, (Школьн. набл.). Такимъ образомъ до поступленія въ школу дѣти получаютъ впечатлѣнія, самыя нежелательныя въ нравственномъ отношеніи, изъ которыхъ образуются наклонности, доходящія даже до привычки. Съ поступленіемъ въ школу, не встрѣчая среди старшихъ, т. е. преподавателей, брани и тому подобныхъ неподходящихъ разговоровъ, и самъ невольно скрываетъ свои дурныя наклонности. Жизнь же школьная, ограничивая его свободу и дѣйствія, знакомитъ и пріучаетъ къ нѣкоторымъ требованіямъ общественнаго строя и вообще жизни. Первое время въ школѣ дѣти находятся въ какомъ-то безразличномъ состояніи, относятся ко всему равнодушно, просиживая иногда цѣлыя перемѣны на

своихъ мѣстахъ, хотя и видятъ другихъ бѣгающими или занимающимися чѣмъ-нибудь другимъ. Освоившись же съ своимъ положеніемъ, начинаютъ оказывать и проявлять невольно въ большинствѣ случаевъ дурные инстинкты... При наблюденіи бываетъ замѣтно стремленіе ихъ группироваться (по своимъ наклонностямъ): баловниковъ около выдающихся школьныхъ шалуновъ, а болѣе скромныхъ—къ хорошимъ и умнымъ мальчикамъ. Получивши первыя, основныя, дисциплинарныя требованія, дѣти сдерживаютъ себя не только въ школѣ, но и на улицѣ; главная точка опоры заключается въ товариществѣ: одинъ напоминаетъ другому о непозволительности какого-либо поступка, чѣмъ предупреждается и самое совершеніе его. Напр., однажды во время моей службы въ церковно-приходской школѣ, во время Пасхи между учениками начало распространяться куреніе, о чемъ нѣкоторые заявили мнѣ сами. Разъяснивъ вредъ табакокуренія, я предложила имъ слѣдить и останавливать того, кто изъ нихъ вздумалъ бы это сдѣлать. На другой день было только два случая и такимъ образомъ въ самое короткое время куреніе прекратилось какъ бы само-собою.

„Серьезное воспитаніе“ (пишетъ Каптеревъ) обязано изъ каждаго человѣка приготовить полезнаго члена обществу, способнаго преслѣдовать и отстаивать общественные интересы и бороться за нихъ... Основныя качества этой способности лежатъ въ самой основѣ дѣтской натуры... дѣти любятъ общество и это стремленіе надо развивать, научая ребенка самого понимать общественныя права, а лучшимъ средствомъ для этого служитъ основаніе такъ - называемыхъ школьныхъ товариществъ, гдѣ дѣти сами привыкаютъ оцѣнивать свои поступки по достоинству. Что же можетъ служить поводомъ къ возникновенію такого товарищества и въ чемъ оно должно заключаться? Поводомъ къ возникновенію его, безъ сомнѣнія, могутъ служить бесѣды съ болѣе понятливыми учениками о предстоящей имъ жизни по выходѣ изъ школы, о причинахъ неустойчивости нѣкоторыхъ изъ бывшихъ учениковъ и о томъ, какими мѣрами можно пріобрѣсти силу характера; о непристойности жестокаго обращенія съ животными и употребленія неприличныхъ бранныхъ выраженій, разоренія птичьихъ гнѣздъ и прочихъ жестокихъ поступковъ, которые такъ свойственны крестьянскимъ дѣтямъ, видящимъ въ нихъ одну только невинную забаву! Идея школьнаго товарищества уже не новая.—Въ журналѣ Русская Школа за мартъ 1897-го года мы читаемъ интересное сообщеніе народнаго учителя о возникновеніи школьнаго товарищества въ его школѣ. Уставъ товарищества формулированъ тамъ такъ:

„Всѣ мы, ученики старшаго класса, составляемъ школьное това-

рищество, которое будетъ заботиться о хорошемъ поведеніи всѣхъ учащихся для поддержанія чести нашей школы. Если же кто изъ учениковъ будетъ вести себя нехорошо въ школѣ или на сторонѣ, то товарищество призоветъ его къ своему суду и наложитъ наказаніе".

Самой высшей мѣрой наказанія считались исключеніе изъ членовъ товарищества, строгій выговоръ учителя въ присутствіи всѣхъ учениковъ... Вся сила и значеніе наказаній заключается въ умѣніи пользоваться имъ какъ можно рѣже, да и вообще всякаго рода наказанія производятъ на учениковъ тѣмъ бо́льшее впечатлѣнія, чѣмъ рѣже они примѣняются. При выдержкѣ и при разсчетливомъ терпѣніи учителя, всѣ они могутъ быть сведены къ простому неодобренію поступка и этимъ будетъ вызываться такое же впечатлѣніе, какое получается отъ самыхъ строгихъ наказаній. „Мѣсяца три спустя послѣ учрежденія товарищества (говоритъ авторъ упомянутой мной статьи), ученики уже боялись его суда; довольно часто случалось, что занесенные въ журналъ прибѣгали ко мнѣ, прося заступиться за нихъ предъ товарищами. Смотря по проступку, я или отказывался, или же принималъ на себя роль ходатая и тогда приглашалъ всѣхъ членовъ и просилъ ихъ простить моего кліента, обѣщая, что онъ исправится. А вѣдь все это были дѣти грубыхъ родителей, привыкшіе къ грубой брани, а подъчасъ и жестокому обращенію съ ними взрослыхъ!"

И тѣмъ не менѣе эти дѣти страшились предстать на судъ товарищей, результатомъ чего могло быть, самое большое, что выговоръ учителя предъ всѣми учениками. Не указываетъ ли это явленіе на развитіе чувства совѣсти или боязни унизить себя передъ товарищами, и не служитъ ли это первой ступенью къ развитію чувства собственнаго достоинства?

Въ какой мѣрѣ все доброе и хорошее привьется товариществомъ, зависитъ отъ многихъ причинъ, а главное—отъ времени и личности учителя, но во всякомъ случаѣ, при искренномъ отношеніи къ дѣлу послѣдняго, подобная организація даетъ прочное основаніе ученику для всесторонняго развитія въ послѣдующей жизни. Устройство подобныхъ дѣтскихъ организацій, конечно, возможно при каждомъ училищѣ, но особенно примѣнимо въ нашей народной школѣ, гдѣ учитель является почти единственнымъ интелигентомъ, нравственный авторитетъ котораго, при желаніи, можетъ подняться высоко не только въ глазахъ учениковъ, но и въ глазахъ всѣхъ деревенскихъ дѣтей. Авторитетъ его можетъ встрѣтить препятствіе лишь при плохой подготовкѣ къ роли учителя, но здѣсь имѣются въ виду народные учителя, относящіеся къ своей дѣятельности любовно и серьезно, а любовь къ дѣтямъ и

нѣкоторый запасъ интересныхъ свѣдѣній естественно-историческихъ фактовъ, для составленія устно интересныхъ разсказовъ,—вотъ и все, что нужно, чтобы завоевать симпатіи учениковъ и потомъ руководить ими въ желательномъ направленіи.

1. Всякій человѣкъ созданъ для жизни въ обществѣ и поэтому долженъ воспитываться согласно этому.

2. Лучшая воспитательная мѣра есть, по моему мнѣнію, устройство школьныхъ товариществъ, которыя могутъ развить въ дѣтяхъ правильныя отношенія между собою и пріучить ихъ къ жизни общественной.

№ 26.

О кассѣ самопомощи среди учащихся.

Докладъ уч. Е. С. Суворовской.

Наблюдая за школьниками среди ихъ постоянныхъ занятій, мнѣ весьма часто случалось замѣчать между ними случаи товарищескаго отношенія: иногда приходилось заставлять мальчика переписать что-либо дурно сдѣланное и видишь, что другой старается помочь ему, диктуетъ, указываетъ ошибки; часто видишь, что дѣти болѣе богатыя приносятъ въ школу лучшій обѣдъ, а иногда и гостинцы, и всегда безошибочно можно сказать, что они подѣлятся съ товарищами. Изъ своей собственной практики я могу сообщить еще слѣдующее, что указываетъ на товарищеское отношеніе между школьниками: въ школѣ у насъ есть мальчикъ, круглый сирота, который остается въ ней на все каникулярное время. Послѣ праздника Пасхи я съ удовольствіемъ замѣтила, что весьма многія дѣти, христосуясь съ нимъ, давали ему яйца, но низачто не хотѣли взять у него на обмѣнъ, говоря: „вѣдь ты сиротка“. Всматриваясь въ подобныя явленія, невольно приходишь къ убѣжденію о необходимости воспользоваться этою прекрасною чертою дѣтскаго характера для воспитательныхъ цѣлей. Является невольно мысль, чтобы ввести среди школьниковъ такую организацію, которая могла бы доставлять извѣстный добрый поступокъ по опредѣленному плану, съ общаго согласія и съ разрѣшенія учителя. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для этого, по моему мнѣнію, служитъ устройство кассы взаимопомощи, куда бы школьники вкладывали имѣющіяся у нихъ деньги и расходовали бы ихъ исключительно съ общаго согласія.

Единство средствъ и согласія въ расходованіи дадутъ возможность къ болѣе тѣсному единенію, а черезъ это достигнется сближеніе самихъ школьниковъ, среди которыхъ встрѣчаются одинокіе, съ замкнутымъ характеромъ. Но не одно это можетъ дать общая касса. При правильномъ веденіи, она пріучитъ ихъ къ мысли о пользѣ единенія и взаимопомощи, а это сознаніе особенно важно для нихъ по окончаніи школы. Пріучая къ единенію въ мелочахъ (которыя, для дѣтскаго возраста, далеко не мелочи), мы тѣмъ самымъ можемъ внушить это и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, что, кажется, вполнѣ возможно при разумной постановкѣ дѣла.

Поэтому въ основу кассы должна быть положена прежде всего добрая воля самихъ школьниковъ и ихъ добрые порывы, не навязывая этого со стороны, почему первыми и главными источниками средствъ служатъ пожертвованія самихъ школьниковъ. Но такъ какъ средства ихъ весьма ограничены и неопредѣленны, то на помощь имъ должны придти и лица, имѣющія отношенія къ школѣ или симпатизирующія ей. Что же касается траты денегъ, то, разсматривая это обстоятельство всесторонне, приходится имѣть въ виду, чтобы траты удовлетворяли желанія школьниковъ.

Расходы могутъ быть слѣдующіе:

1) Трата на общія прогулки.

2) Помощь бѣднѣйшимъ ученикамъ школы.

3) Помощь бѣднѣйшимъ дѣтямъ ранѣе школьнаго возраста.

Задача же учителя, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ обязательно, заключаться должна лишь въ томъ, чтобы незамѣтно направлять добрыя намѣренія школьниковъ къ разумному разрѣшенію. Вообще же, роль учителя должна быть не только контролирующая, направляющая, но и, если можно такъ выразиться, *товарищеская*; такъ какъ при такомъ только порядкѣ можно будетъ заинтересовать дѣтей этимъ дѣломъ.

Понятно, что эта касса будетъ весьма бѣдна и мала, но для насъ важны не размѣръ кассы, а тѣ добрые порывы, которые лягутъ въ ея основу.

Итакъ, касса взаимопомощи школьниковъ служитъ хорошимъ средствомъ для развитія добрыхъ товарищескихъ отношеній между школьниками и способствуетъ развитію добрыхъ порывовъ для оказанія помощи другимъ.

№ 27.

Нравственная связь учащихъ съ учащимися и ихъ родителями.

Докладъ учителя В. А. Голубева.

Значеніе народной школы важно не только по своимъ воспитательнымъ и образовательнымъ задачамъ, но и по духу тѣхъ жизненныхъ проявленій, которыхъ требуетъ отъ нея общество и государство.

Великая евангельская заповѣдь мира и любви воплощается народной школой. Развитіе сельскаго труда, экономическаго благосостоянія совершается черезъ школу. Насажденіе разумныхъ понятій о самосохраненіи человѣка, забота о народномъ здоровьи, освобожденіе человѣческаго разума отъ суевѣрія и косности,—можетъ выполнить только одна народная школа.

Великій общественный дѣятель, реформаторъ и педагогъ Ник. Ив. Пироговъ говоритъ, что воспитать человѣка значитъ воспитать въ немъ убѣжденія. А убѣжденіе имѣетъ только тотъ, „кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, любить искреннюю правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками.“

Учитель, какъ разсадникъ здравыхъ воззрѣній въ населеніи, является въ то же время и другомъ народа, народъ нуждается въ помощи учителя при разъясненіи его жизненныхъ вопросовъ.

Добрый преподователь, руководствуясь личнымъ побужденіемъ, не только не ограничивается воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, но и входитъ во внутреннюю жизнь населенія. Въ чемъ бы ни проявлялась забота учителя: въ помощи ли поднять ихъ сельское хозяйство, въ устройствѣ ли для нихъ школъ, въ огражденіи ли отъ пожаровъ—этого бича деревни, въ народной ли трезвости, въ доставленіи ли разумныхъ развлеченій въ досужее время въ видѣ чтенія, бесѣдъ, пѣнія и др.—всѣ эти благородныя стремленія преподавателя есть залогъ гуманности и нравственная связь преподавателя съ родителями и ихъ дѣтьми.

Вотъ почему такъ горячо и возстали мы противъ ненормальнаго положенія школы и преподавателя, которое стѣсняло его свободу войти во внутреннюю жизнь населенія и приложить къ нему гуманныя чувства. Только освобожденіе отъ мертвящаго духа непосильной школь-

ной работы можетъ поднять личность преподавателя въ глазахъ населенія на ту высокую степень, которая завѣщана творцомъ педагогики Конст. Дм. Ушинскимъ. Значеніе свободнаго труда коренится въ психологической основѣ *каждаго человѣка*; „трудъ, говоритъ К. Д. Ушинскій, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для той или другой истинно-человѣческой цѣли. Этотъ-то истинный и непремѣнно свободный трудъ и имѣетъ самое большое значеніе въ жизни человѣка, которая безъ него теряетъ всю свою цѣну и достоинство. Отдѣляя истинный трудъ отъ работы изъ-подъ палки, работы вынужденной, но несознанной, въ смыслѣ ея неотложной, разумной необходимости,—онъ всегда серіозенъ и тяжелъ; свободный трудъ и составляетъ необходимое условіе и для развитія, и для поддержки своего, уже достигнутаго, достоинства."

1). Факторы нашего школьнаго развитія, какъ-то: пѣніе, рукодѣліе, садоводство, огородничество, чтеніе съ туманными картинами и проч. есть трудъ личнаго свободнаго избранія,—а потому желательно, чтобы гг. преподаватели не считали себя вынужденными избрать этотъ родъ труда, какъ обязанности.

2). Чтобы стать ближе къ населенію и проникнуться сознаніемъ нуждъ населенія, народному учителю необходимо нужно быть вмѣстѣ и общественнымъ дѣятелемъ,—а потому желательно близкое участіе (съ правомъ голоса) въ рѣшеніи общественныхъ сельскихъ дѣлъ.

№ 28.

Права и обязанности преподающихъ въ начальныхъ училищахъ.

Докладъ учительницы А. А. Смирновой.

„Права"—странное слово, для чего здѣсь рѣчь идетъ о нихъ? Ни учитель, ни учительница до сихъ поръ никакихъ правъ не имѣли, неизвѣстно, получатъ ли ихъ когда, да и не знаю, нужно ли это? Право долженъ носить человѣкъ въ себѣ самомъ; сознаніе величія своего дѣла даетъ человѣку право быть человѣкомъ, а права человѣка, честно исполняющаго свое дѣло, говорятъ сами за себя. Мнѣ кажется, что именно права учителя простираются настолько, насколько онъ чувствуетъ себя добросовѣстнымъ въ исполненіи своего долга; напри-

мѣръ, если я знаю, что я честно и добросовѣстно и по многимъ годамъ практики умѣло вела свое дѣло годъ, и мнѣ по истеченіи его будутъ говорить, что я ничего не дѣлала, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я соглашусь съ ихъ мнѣніемъ, или обижусь имъ и опущу руки на будущее время. Если же разсматривать право учителя, какъ учителя, то, если хотите, въ этомъ правѣ его обязанность,—учить, учить и учить всему, чему онъ находитъ необходимымъ и полезнымъ для ученика и будущаго человѣка, подобнаго себѣ, не стѣсняясь никакими одобреніями и неодобреніями,—вотъ мой девизъ, да и не только мой, но, вѣроятно, и большинства здѣшнихъ представителей. Многіе, можетъ быть, захотятъ сказать, что они разумѣютъ подъ правами печатное правило о томъ, что вотъ-молъ учитель можетъ экзаменовать самъ ученика, или же самъ, напримѣръ, можетъ уволить ученика изъ школы, по необходимости, конечно, (но не безъ контроля),—что̀ будетъ пользы въ этомъ; право печатное-то мы и сейчасъ имѣемъ, какъ напримѣръ, на производство экзаменовъ, ибо сказано, что всѣ три члена комиссіи совмѣстно участвуютъ въ производствѣ экзаменовъ, но вѣдь этого иногда и нѣтъ; уволить ученика, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ причинъ, мы тоже имѣемъ право, испросивъ на то разрѣшеніе Училищнаго Совѣта, не то же ли самое было бы и тогда, если бы мы стали просить предоставить намъ въ этомъ право, но не безконтрольное, (я противъ безконтролья); нельзя вѣдь, согласитесь сами, ручаться за весь міръ учителей, особенно послѣ доклада, который мы слышали на-дняхъ отъ одного изъ участниковъ съѣзда, въ которомъ такъ красиво было выставлено большинство изъ насъ и на который такъ мало̀ было возраженій.

Объ охлажденіи учителя къ дѣлу.

Конечно, бываютъ моменты, когда человѣкъ охладѣваетъ ко всему его окружающему, можетъ онъ тогда охладѣть и къ дѣлу не только учительства, но къ какому угодно, и опять, если онъ человѣкъ нормальный, онъ не дастъ меланхоліи восторжествовать надъ собою, онъ пойдетъ туда, гдѣ можетъ не только воспрянуть духомъ, но и вознестись высоко, высоко,—онъ пойдетъ въ школу, пойдетъ къ народу, который такъ нуждается въ живомъ словѣ наставника. Но время идетъ, съ нимъ вмѣстѣ впередъ идетъ наука, а учитель, хотя и подымаясь высоко и, пожалуй, чѣмъ выше, тѣмъ болѣе затягивается своимъ дѣломъ, входитъ въ него и не замѣчаетъ, какъ мало-по-малу складъ его словъ и образа мыслей дѣлается все однообразнѣе и однообразнѣе, новаго ничего извнѣ, и онъ понемногу затягивается плѣсенью и наконецъ совсѣмъ покрывается ею. Что̀ же нужно, чтобы этого не-

случилось? Нужны съѣзды для живаго слова, для обмѣна мыслей, для того, чтобы учителю были извѣстны не только его и сосѣднія школы, да и то еще хорошо, если существуетъ послѣднее, но и все то, что дѣлается и предпринимается, что новаго и хорошаго появилось въ другихъ школахъ. Нужны также и курсы для пополненія или воспроизведенія образованія учителей, т. к. съ теченіемъ времени, мнѣ кажется, учитель позабудетъ даже и то немногое, чему онъ научился въ учебномъ заведеніи, давшемъ ему право занять мѣсто народнаго учителя; не забудется только та немногая и довольно узкая для насъ программа, которая ежегодно у насъ передъ глазами,—программа народной школы, а это, согласитесь, чрезвычайно мало. Необходимы курсы, не такіе, конечно, гдѣ бы намъ показывали, чему и какъ учить, въ этой области интереснымъ для насъ будетъ только то, что ново въ педагогическомъ мірѣ, а остальное все давно извѣстно и, конечно, не забудется,—необходимы такіе курсы, гдѣ бы учителя могли получить дальнѣйшее образованіе, или хотя бы толчекъ къ нему, чтобы мозгъ ихъ не переставалъ работать, гдѣ бы учителя, кромѣ этого, могли хотя нѣсколько познакомиться и съ иностранными языками, необходимыми для путешествій съ цѣлью пополненія знаній. Затѣмъ необходимо имѣть побольше матеріала и притомъ разнообразнаго для чтенія, а какъ это сдѣлать?—Отъ нѣкоторыхъ библіотеки, изъ которыхъ они могутъ вользоваться книгами для чтенія, находятся верстъ за 30, за 40, учитель кончаетъ классъ въ 3 часа, когда же онъ успѣетъ съѣздить и выбрать книгу, а послать кого-либо нельзя, п. ч. часто можетъ случиться, что изъ книгъ, желаемыхъ имъ, не окажется въ библіотекѣ ни одной, т. к. онѣ могутъ быть на рукахъ у кого-либо изъ членовъ этой библіотеки. Какъ же устранить это непріятное положеніе для народнаго учителя? Хорошо бы было, конечно, если бы этихъ библіотекъ было въ уѣздѣ нѣсколько, въ извѣстныхъ районахъ, и учитель могъ бы вечеромъ проѣхаться въ ближайшую къ нему библіотеку и взять то или, по крайней мѣрѣ, около того, что ему нужно, тогда тамъ можно бы было, вѣроятно, устроить и читальню и, вѣроятно, многіе бы не отказались прочитывать и обсуждать тамъ сообща нѣкоторыя избранныя произведенія, но пока это смѣлый проектъ и время покажетъ, можно ли когда-нибудь надѣяться на его осуществленіе; а тѣмъ временемъ читать-то надо, интересно и необходимо знать, гдѣ и что дѣлается,—нельзя ли поэтому просить пока хотя бы по одной газетѣ или одному журналу на школу, т. к. существующая передача журналовъ изъ школы въ школу не только затрудняетъ читающихъ, но иногда и совсѣмъ не даетъ имъ возможности пользоваться чтеніемъ.

Взаимное отношеніе учащихъ.

По теперешнему положенію, смотря по количеству учениковъ, въ школѣ бываетъ одинъ, два и три преподавателя. Конечно, то, о чемъ я буду говорить, не относится къ школѣ съ однимъ преподавателемъ. Цѣль моей бесѣды—познакомить съѣздъ съ взаимнымъ отношеніемъ учителей между собой при 2-хъ или 3-хъ преподавателяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ званіе помощниковъ и помощницъ было, ко всеобщему удовольствію, уничтожено, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ и существовавшій до тѣхъ поръ обычай въ нѣкоторыхъ школахъ, чтобы младшая учительница сидѣла безъ конца надъ однимъ какимъ-либо отдѣленіемъ,—только такой постановкою дѣла и можно получить хорошихъ преподавателей, не задумающихся ни надъ какимъ урокомъ, ни въ какомъ отдѣленіи, и за это мы шлемъ глубокую благодарность нашему ближайшему начальству. Казалось бы, что при такомъ положеніи вещей не могло возникнуть никакого недоразумѣнія между учащими.

Каждый ведетъ свой классъ до конца, одинъ годъ, положимъ, I-ая учительница ведетъ два отдѣленія, I-ое и III-е, другой годъ она ведетъ одно свое же II-ое отдѣленіе, а II-ая учительница въ это время ведетъ I-ое и свое же III-е и т. д. При трехъ и того лучше,—каждая вѣдаетъ свой классъ, не отдавая никакого отчета сослуживицамъ, если ей то почему-либо не нравится, доводитъ свое отдѣленіе до конца и окончательные результаты свидѣтельствуютъ объ ея умѣломъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. На что, кажется, лучше. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ и дисциплина каждаго класса, а также и опрятность его лежитъ на лицѣ, преподающемъ въ немъ, а не на комъ-либо другомъ, какъ напримѣръ на завѣдующемъ и, вѣроятно, показалось бы многимъ очень страннымъ, если бы учитель одного класса отправился осматривать руки учениковъ въ другомъ классѣ, или учить ихъ сидѣть, держать себя и проч. Странно, да, но однако это бываетъ и интересно бы, въ видахъ общей пользы и благополучія, чтобы подобныя явленія были устранены; не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ опять-таки нужны бы были какія-либо печатныя правила, но мнѣ кажется, всякій, взглянувъ безпристрастно на это дѣло, пойметъ ошибку, если она существовала до сихъ поръ, и впредь ея не повторитъ. Это право каждаго учителя въ своемъ отдѣленіи. Другое дѣло—хозяйство школы. Оно должно находиться въ полномъ вѣдѣніи завѣдующаго школой, т. к., если каждый будетъ хозяйничать по-своему, то нельзя ожидать правильно-поставленнаго хозяйства, отъ этого не можетъ не страдать инвентарь хозяйственныхъ и учебныхъ принадлежностей,

а слѣдовательно и общій внѣшній порядокъ школы. Въ заключеніе, позвольте высказать то, чѣмъ должны быть, по моему мнѣнію, преподаватели одной школы одинъ для другаго,—другомъ, опорой, руководителемъ и помощникомъ одинъ другаго.

Только при такихъ отношеніяхъ возможно общее народное образованіе, ибо, если ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду, то что выйдетъ изъ этого?

Принимая во вниманіе вышеизложенное,

1) Желательны не печатныя правила относительно правъ учителя, а уваженіе учителя, какъ лица болѣе, или менѣе компетентнаго въ дѣлѣ школы.

2) Нужны учительскіе съѣзды для обмѣна мыслей и курсы для пополненія образованія.

3) Желательны учительскія библіотеки въ нѣкоторыхъ районахъ Московскаго уѣзда, для удобства пользованія чтеніемъ, и полученіе газеты или журнала на каждую изъ школъ.

4) Необходимы дружескія отношенія учащихъ между собою.

№ 29.

Права и обязанности преподающихъ въ народныхъ училищахъ по существующимъ законоположеніямъ.

Докладъ учительницы В. А. Соколовой.

Вопросъ этотъ глубоко затронулъ всю сферу учительскую, породивъ въ ней живой интересъ къ себѣ. Обязанность народнаго учителя высокая и важная: ему вручено воспитаніе и обученіе молодаго поколѣнія, а въ нашемъ молодомъ поколѣніи основа нашей будущности, процвѣтаніе и благосостояніе нашего государства. Развитіе и образованіе народа вообще, а крестьянскаго, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, въ частности, важно для государства, какъ съ экономической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Чѣмъ образованнѣе страна, тѣмъ лучше въ ней живется. Вотъ это образованіе и неизбѣжное съ нимъ воспитаніе вручено народному учителю.

Давно всѣми признано, что народный учитель играетъ немаловажную роль, скажу болѣе, первенствующую и естественно, что онъ долженъ бы былъ имѣть широкія жизненныя права, но въ томъ-то и

суть, что въ соціальной жизни учитель не имѣетъ никакихъ правъ (за исключеніемъ безплатнаго обученія дѣтей).

Въ собраніи узаконеній масса законоположеній, касающихся учителя, но эти законоположенія карательнаго характера.

По существующему законоположенію, кандидаты на учительскія должности избираются учрежденіями или лицами, содержащими училище, и только за недостаткомъ такихъ кандидатовъ инспектора народныхъ училищъ могутъ сами избирать учителей, съ тѣмъ, однако, чтобы на ихъ избраніе послѣдовало согласіе содержателей училищъ.

Съ другой стороны, кандидаты, избранные учрежденіями или частными лицами, содержащими училище, могутъ приступать къ исполненію учительскихъ обязанностей не иначе, какъ съ согласія инспектора. Утвержденіе въ должности принадлежитъ Училищному Совѣту и ему же приносятся жалобы на инспекторовъ народныхъ училищъ въ случаяхъ недопущенія къ исполненію учительскихъ обязанностей.

Перемѣщеніе и увольненіе учащихъ начальныхъ школъ предоставлено только уѣздному Училищному Совѣту по представленіямъ инспекторовъ или же лицъ и учрежденій, содержащихъ училище.

Дѣйствія Училищнаго Совѣта могутъ быть обжалованы губернскому училищному совѣту. Надо имѣть въ виду, что въ Училищныхъ Совѣтахъ засѣдаютъ лица, или обремененныя другими обязанностями (Предводитель дворянства, Исправникъ), или же лица, имѣющія непосредственную сильную власть надъ училищами. Послѣднее обстоятельство очень важно. Въ случаѣ разногласія относительно увольненія или перемѣщенія, на которомъ настаиваетъ инспекторъ, хотя бы Училищный Совѣтъ и рѣшилъ дѣло въ пользу учителя, Инспекторъ всегда можетъ сдѣлать службу для него невыносимой.

Учитель безправенъ и безсиленъ: никакихъ опредѣленныхъ ограждений на случай перемѣщенія или увольненія онъ въ законѣ не имѣетъ; взгляды на этотъ предметъ членовъ Училищнаго Совѣта могутъ быть различны и своеобразны; договоровъ съ учрежденіемъ, въ которомъ учитель служитъ, заключить онъ не имѣетъ права.

Создается служебное положеніе чрезвычайно непрочное. Кромѣ непосредственнаго начальства: директора, инспектора, лицъ, содержащихъ училище, членовъ Училищнаго Совѣта,—у народныхъ училищъ существуетъ косвенное начальство, какъ напримѣръ: земскій начальникъ, сельскія власти, до сторожа включительно, если онъ нанимается на общественный счетъ.

Всѣмъ этимъ властямъ учитель также долженъ повиноваться, когда частенько бываетъ, что, при низкомъ культурномъ уровнѣ деревни, про-

тивъ учителя или учительницы, чуждыхъ крестьянскому міру, считаются допустимыми въ большинствѣ случаевъ всякія средства.

Характерный примѣръ находимъ въ статьѣ журнала „Обозрѣніе". „Настоящее и будущее нашего народнаго учителя" (1894 г., ст. 24), Одна изъ учительницъ была обвинена анонимнымъ письмомъ въ несоблюденіи постовъ, въ ношеніи короткихъ волосъ, въ куреніи табаку, въ питьѣ вина и, вообще, въ неподходящемъ для учащихъ поведеніи. Несмотря на основательный отвѣтъ учительницы, она по распоряженію Училищнаго Совѣта была переведена въ другую школу.

Подобныхъ фактовъ можно набрать сотни, но намъ нѣтъ времени на нихъ останавливаться.

Всѣ эти безотрадныя явленія учительской жизни тѣмъ болѣе печальны, что они бо́льшею частью принимаются на вѣру, но не подвергаются строгому разслѣдованію, между тѣмъ какъ самые факты, въ особенности политическаго характера, могутъ быть по невѣжеству или же ради выгоды истолковываемы ложно.

Во избѣжаніе всего сказаннаго, желательно бы было образовать особую комиссію, которая бы вѣдала разборъ подобныхъ явленій, но чтобы въ составъ этой комиссіи отнюдь не входило лицо, возбудившее подобную провѣрку. А равно необходимо допустить учащихъ въ Училищный Совѣтъ, чтобы послѣдній могъ лично предъ учителемъ мотивировать свое рѣшеніе. Желательно также ходатайствовать о допущеніи учащихъ на земскія собранія съ правомъ совѣщательнаго голоса, гдѣ въ области хозяйственной части они бы могли внести важныя указанія, которыя бы играли громадную роль въ улучшеніи матеріальной жизни учащихъ. Кромѣ того, какъ право производства экзамена, такъ и избраніе дня для экзамена необходимо предоставить самому учителю.

Послѣднее обстоятельство очень важно въ виду того, чтобы экзаменъ для учителя не былъ неожиданнымъ, какъ это практикуется теперь. Мною было упомянуто о томъ, что учитель пользуется правомъ безплатнаго обученія дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Положеніе этого права таково. Согласно ст. ст. 1495 и 1716 Свода Законовъ и Циркуляра Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 14 августа 1885 г. № 12451, освобождаются отъ платы въ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ, техническихъ и т. п. училищахъ дѣти учителей народныхъ училищъ, состоящихъ и состоявшихъ на дѣйствительной службѣ не менѣе 10 лѣтъ. Послѣдніе пользуются правомъ въ томъ случаѣ, если представятъ удостовѣреніе о бѣдности.

Въ женскихъ гимназіяхъ Министерства дѣти указанныхъ лицъ правомъ безплатнаго обученія не пользуются. Это право касается исключительно учителей, учительницы же совершенно лишены его. Мнѣ бы хотѣлось обратить вниманіе на одно неудобство этого права. Что, если учитель прослужитъ не 10, а $9^1/_2$ лѣтъ и умретъ или же его лишатъ мѣста, тогда его дѣти лишаются права безплатнаго обученія. Зачѣмъ эти предѣльныя 10 лѣтъ? Не найдетъ ли съѣздъ удобнымъ ходатайствовать о присвоеніи этого права учителямъ, а равно какъ и учительницамъ безъ ограниченія предѣльныхъ 10 лѣтъ. Но мнѣ могутъ возразить, что желающихъ подобнаго права явится много и, чтобы получить его, будутъ на короткій срокъ поступать на службу. На это я скажу слѣдующее: разъ учащій оставляетъ службу, то естественно, что онъ имѣетъ въ виду другое болѣе обезпеченное матеріальное положеніе, а въ циркулярѣ сказано, что лица, не состоящія на дѣйствительной службѣ, могутъ пользоваться безплатнымъ обученіемъ дѣтей въ томъ случаѣ, если представятъ удостовѣреніе о бѣдности.

Объ отношеніи учащихъ одного и того же училища между собой.

По существующему положенію въ школѣ одинъ изъ учащихъ назначается завѣдующимъ, а остальные вторыми учителями.

Большей частью бываетъ такъ, что во вторые учителя къ завѣдующему или же наоборотъ назначается человѣкъ совершенно незнакомый, чуждый по взглядамъ и убѣжденіямъ и, естественно, что между ними возникаютъ недоразумѣнія, доходящія иногда до полныхъ разрывовъ. Объ общеніи между ними не можетъ быть и рѣчи; ошибокъ, пробѣловъ обсудить и указать некому, школьное дѣло страдаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и учащіе; земство же продолжаетъ ихъ держать вмѣстѣ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, желательно бы было просить о предоставленіи права самимъ учащимъ приглашать кандидатовъ на учительскія должности, какъ это дѣлается при Санитарномъ Совѣтѣ врачей. Все это необходимо для предупрежденія недоразумѣній, но если ужъ таковыя произошли, то не лучше ли разборъ ихъ предоставить самимъ учащимъ, въ виду чего необходимо просить о разрѣшеніи намъ товарищескихъ судовъ, гдѣ бы мы могли домашнимъ, семейнымъ порядкомъ разбирать свои дѣла. Все указанное мною касается нравственной жизни учащихъ одного и того же училища, но есть другая матеріальная сторона. Завѣдующему учителю или учительницѣ дается помѣщеніе, а также и на прислугу чуть ли не вдвое больше, чѣмъ второму учителю или учительницѣ, и тѣмъ самымъ ставитъ его въ первенствующую роль. Обыкновенно на вторыхъ учителей у насъ привыкли смотрѣть, какъ на переходную ступень къ завѣдыванію; хорошо, если это такъ,

а если на этой ступени простоишь нѣсколько лѣтъ, или по какимъ-либо причинамъ, а иногда и просто по привычкѣ, учащій не пожелаетъ покинуть этой мѣстности, тогда онъ или она обречены довольствоваться болѣе худшимъ помѣщеніемъ, чѣмъ завѣдующая, хотя бы второй учитель или учительница были бы люди семейные. Желательно бы было, чтобы вторые учителя или учительницы пользовались одинаковыми жизненными условіями съ завѣдующими.

Отчего учитель можетъ охладѣть къ своему дѣлу и чѣмъ устранить это явленіе?

Причинъ, порождающихъ подобнаго рода явленія, очень много и причины разнообразны, почему я укажу только нѣкоторыя изъ нихъ: чрезмѣрное переутомленіе, необезпеченное матеріальное положеніе, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, порицаніе и невниманіе начальствующихъ лицъ и т. п. Программа народной школы слишкомъ велика, времени дается мало и, естественно, что учителю приходится чрезмѣрно напрягать свои силы, тратить здоровье, которое не въ состояніи бываютъ возобновить три мѣсяца абсолютной свободы. Силы съ каждымъ годомъ слабѣютъ, энергія утрачивается и учитель незамѣтно для самого себя охладѣваетъ къ своему дѣлу. Къ этому еще нужно прибавить необезпеченное матеріальное положеніе учителя и его семьи. Получая такое скудное содержаніе, едва ли кто изъ насъ въ состояніи отложить на будущее. Правда, у насъ существуетъ эмеритальная касса, но вопросъ, насколько она обезпечитъ насъ въ будущемъ, до сихъ поръ не разрѣшенъ. Кто изъ насъ не задумывался и не задумывается надъ тѣмъ, что ждетъ насъ въ болѣзни, въ старости, во время превратностей судьбы, когда мы почему-либо не въ состояніи будемъ работать. Кто не задумывался надъ тѣмъ, что ждетъ нашу семью въ случаѣ нашей смерти, когда она должна остаться на полный произволъ судьбы. Я думаю, что этого достаточно, чтобы поколебать вѣру и любовь въ свое дѣло, а разъ любовь и вѣра поколеблены, не можетъ быть и ревностнаго отношенія къ дѣлу. Существуютъ дома призрѣнія увѣчныхъ воиновъ, престарѣлыхъ артистовъ, а объ устройствѣ дома призрѣнія для престарѣлыхъ учителей еще никто и не думалъ, какъ-будто между ними подобныхъ не можетъ быть, а между тѣмъ настоятельная потребность подобнаго учрежденія давно уже ощущается. Въ виду особенно распространенныхъ между учащими грудныхъ и горловыхъ болѣзней (какъ напримѣръ, чахотка) желательно бы было устройство санаторіи для больныхъ этого типа.

Третья приведенная мною причина, это порицаніе, невниманіе и недовѣріе начальства. Ревизія всѣхъ начальствующихъ у насъ лицъ

носитъ оффиціальный характеръ. Учитель работаетъ честно, неустанно цѣлый годъ, подходитъ дѣло ревизіи или, вѣрнѣе, провѣрки дѣйствій самого учителя. Неудачно сошедшая ревизія, а еще болѣе экзамены, ставятъ учителя въ глазахъ начальства на счетъ плохаго неудачника, парализуя тѣмъ въ немъ энергію, силу воли, увѣренность въ своихъ педагогическихъ способностяхъ. Немудрено, что учитель становится втупикъ, потерявъ въ себѣ всякую увѣренность. Естественно, что прежней энергіи, лихорадочной дѣятельности и быть не можетъ. „Чтобы исправить человѣка, необходимо возвысить его въ его собственныхъ глазахъ", говоритъ Гюйо, но объ исправленіи учителя никто и не думаетъ. Учитель падаетъ духомъ, опускается, пока не дойдетъ до полнѣйшаго индиферентизма. Нужно еще принять во вниманіе окружающую его среду, гдѣ заглушается всякое стремленіе къ образованію и человѣкъ не съ сильной волей застываетъ въ своемъ развитіи, если не случается того хуже, когда среда совершенно заѣдаетъ его. Дайте учителю побольше правъ, относитесь къ нему съ уваженіемъ и довѣріемъ, и тогда не придется задавать вопроса, отчего учитель можетъ охладѣть.

Средства къ самообразованію учителя: учительскіе курсы, съѣзды, командировки, образовательныя путешествія.

Чтобы поднять уровень школы, необходимо прежде всего поднять уровень развитія учащихъ. Необразованный учитель только даетъ голую грамоту, образованный же напротивъ можетъ быть полезной культурной силой для окружающей его среды и потому прежде всего необходимо позаботиться объ образованіи учителя.

Вопросъ объ учительскихъ курсахъ, а равно какъ тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о съѣздахъ, давно ужъ требуютъ настоящаго разрѣшенія.

Учительскіе курсы, за и противъ которыхъ приходилось много слушать, безъ сомнѣнія, имѣютъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны. Пользы курсовъ съ практической точки зрѣнія отрицать нельзя, но съ той непривлекательной обстановкой, при которой устраиваются курсы, считаться приходится. Обыкновенно курсы устраиваются лѣтомъ, въ самое неблагопріятное время для напряженной умственной дѣятельности; устраиваются тогда, когда учителю хотѣлось бы по своему усмотрѣнію распорядиться временемъ.

Сельскому учителю, привыкшему жить на лонѣ природы, особенно тяжело жить лѣтомъ въ городѣ и проводить по нѣскольку часовъ въ душной комнатѣ за слушаніемъ пробныхъ уроковъ. Я не говорю про образцовые уроки руководителей, они могутъ быть интересны, если руководитель человѣкъ опытный, но вѣдь такихъ уроковъ бываетъ не-

много, а остальное время уходитъ на пробные уроки и на разборъ ихъ. По поводу уроковъ въ Р. С. была интересная статья, гдѣ авторъ справедливо замѣчаетъ, что учителя, человѣка взрослаго, ставятъ въ положеніе ученика, заставляя его безпрекословно подчиняться авторитету руководителя, часто даже человѣка неопытнаго. Но мнѣ могутъ возразить: какъ же научить неподготовленнаго учителя? Удобно бы было этого достичь путемъ посѣщенія спеціально для этого предназначенной образцовой школы, открытіе которой неизбѣжно бы понадобилось (по образцу школы при обществѣ воспитательницъ и учительницъ въ Москвѣ).

Учительскіе съѣзды—одинъ изъ раціональныхъ путей къ поднятію школьнаго дѣла на подобающую высоту, а потому желательно бы было просить Управу ходатайствовать о разрѣшеніи учащимъ періодически устраивать съѣзды.

Командировки учителей на лекціи, на высшіе курсы, заграницу, образовательныя путешествія и т. п. были бы очень желательны и имѣли бы громадную пользу для учащихъ. Они бы встряхнули учителя, отрѣшили бы его на время отъ его сѣренькой повседневной жизни, подняли бы въ немъ падающій духъ и силы, что необходимо для его высокой дѣятельности. Подробную разработку командировокъ и путешествій въ настоящее время я считаю преждевременной: разъ явятся разрѣшеніе, средства, тогда и будетъ выработана соотвѣтствующая программа.

Что касается библіотекъ, то на нихъ и нужно возложить большую надежду, какъ необходимое средство къ самообразованію учителя. Наша библіотека для служащихъ въ Московскомъ Уѣздномъ Земствѣ, несмотря на свой хорошій подборъ, не всегда можетъ удовлетворить читающихъ, такъ какъ въ ней недостаточное количество экземпляровъ книгъ, пользующихся популярностью. Въ виду этого очень желательно пополненіе ея возможно большимъ количествомъ книгъ.

Желательно бы было призвать на помощь Земство въ выписываніи газетъ. Получая скудное содержаніе, учитель не имѣетъ возможности сразу внести деньги за газету, почему приходится уплачивать въ разсрочку, вслѣдствіе этого и переплачивать. Въ виду этого желательно бы было просить Земство внести сразу деньги за желающихъ выписывать газеты, а потомъ и вычитать извѣстный процентъ изъ жалованія (какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ). Этимъ бы Земство дало возможность учащимъ, не переплачивая, а даже съ нѣкоторой уступкой, выписывать газеты, въ благотворномъ вліяніи которыхъ на жизнь учителя никто не сомнѣвается.

О необходимости знаній по педагогикѣ.

Каждый учитель обязанъ слѣдить за современной педагогикой, но гдѣ, откуда ему почерпнуть этихъ знаній? — Конечно, изъ педагогическихъ журналовъ. Масса педагогическихъ журналовъ у насъ въ библіотекѣ, но они или цѣликомъ берутся за весь годъ или же наполовину. Не всякій пожелаетъ взять журналъ безъ начала или безъ конца, а иногда просто беллетристическая книга беретъ перевѣсъ надъ журналомъ и учителю нерѣдко совсѣмъ не удается заглянуть въ педагогическій журналъ.

Желательно бы было выписывать хотя по одному педагогическому журналу на каждую школу. Получая ежемѣсячно книгу, учитель неизбѣжно заглянетъ въ нее, заинтересуется и незамѣтно для самого себя будетъ слѣдить за педагогикой. Я не говорю о тѣхъ учителяхъ, которые жаждаютъ этихъ знаній и съ жаромъ берутся за нихъ. Получая ежегодно педагогическій журналъ, каждая школа образуетъ при себѣ педагогическую библіотеку, пополненіе которой неизбѣжно вызывается педагогическими сочиненіями не только методическаго, но и болѣе общаго характера.

Что касается знаній по гигіенѣ, то онѣ необходимы для народнаго учителя, такъ какъ онъ подниметъ вопросъ о гигіенѣ въ деревнѣ.

Гигіена необходима въ деревнѣ, а въ особенности тамъ, гдѣ есть фабрики и заводы. Но чтобы научить гигіенѣ, необходимо прежде всего самому знать ее. Я думаю, немного изъ насъ найдется знающихъ гигіену, а слѣдовательно возникаетъ вопросъ: какимъ путемъ пріобрѣсти это знаніе?

Желательно бы было прослушать рядъ лекцій по гигіенѣ и въ закрѣпленіе этихъ знаній снабдить учащихъ брошюрами.

Объ организаціи взаимопомощи я не даю никакихъ разъясненій въ виду того, что такое общество намъ разрѣшено.

Изъ всего вышеизложеннаго мною дѣлаю слѣдующіе выводы: Желательно образованіе провѣрочной коммиссіи, допущеніе учащихъ въ училищный совѣтъ, допущеніе на Земскія Собранія съ правомъ совѣщательнаго голоса, предоставленіе учащимъ назначенія дня экзамена и права производства его наравнѣ съ членами экзаменаціонной коммиссіи; ходатайствовать о представленіи права безплатнаго обученія дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола учителямъ, а равно какъ и учительницамъ, безъ ограниченія 10 лѣтъ; предоставить право учащимъ самимъ приглашать кандидатовъ на учительскія должности; разрѣшеніе права товарищескихъ судовъ и собраній; уравненіе и улучшеніе быта вторыхъ учителей и учительницъ. Увеличеніе времени обученія; матеріальное

и соціальное улучшеніе учащихъ; открытіе дома призрѣнія и санаторіи для учащихъ; разрѣшеніе учительскихъ съѣздовъ; командировки на постоянные высшіе курсы, заграницу; разрѣшенія образовательныхъ путешествій; улучшеніе библіотеки для служащихъ въ Московскомъ Уѣздномъ Земствѣ; образованіе при каждой школѣ педагогической библіотеки; выписываніе учащими съ помощью Земства газетъ; слушаніе лекцій по гигіенѣ.

№ 30.

Отчего учитель можетъ охладѣть къ своему дѣлу?

Докладъ учительницы Е. Ѳ. Соловьевой.

Мы выслушали нѣсколько прекрасныхъ докладовъ о личности учителя. Въ нихъ выставлено не мало причинъ, выясняющихъ неестественное положеніе учителя, какъ воспитателя, такъ сказать—лишь съ одной нравственной стороны. Я же хотѣла бы сказать нѣсколько словъ о положеніи учителя съ чисто-матеріальной точки зрѣнія, на мой взглядъ не мало вліяющей на дѣло воспитанія и обученія, и такимъ образомъ отчасти отвѣтить на вышеизложенный пунктъ.

Конечно, первенствующей причиной останется та, которую вывелъ г-нъ Потаповъ въ своемъ докладѣ, то-есть малое довѣріе къ личности учителя, его безправность въ дѣлѣ преподаванія и воспитанія и, наконецъ, по докладу г-жи Соколовой, его безправность гражданская. А такъ какъ народный учитель не духъ безплотный, то слѣдовательно и не малую роль играетъ въ охлажденіи къ дѣлу и его матеріальная необезпеченность. На самомъ дѣлѣ, какая же плата учителю за его, по истинѣ, каторжный трудъ, преждевременно уносящій и силу, и бодрость духа. Что можетъ сдѣлать онъ на этотъ заработокъ? (имѣя въ виду среднюю плату большинства) Только просуществовать, чтобы не умереть съ голоду. Какой же можетъ быть вопросъ о его самообразованіи, гдѣ тутъ подъемъ духа, когда онъ долженъ ежечасно разсчитывать свои несчастные гроши и унывать, что тамъ и здѣсь недочетъ. Это я говорю объ учителѣ безсемейномъ, а о семейномъ и говорить нечего. Эта категорія учителей, съ болью въ сердцѣ, принуждена дѣтей своихъ лишать даже и образованія, этой пищи насущной, которая теперь признана необходимой даже и для крестьянскихъ дѣтей. Конечно, нашъ уѣздъ, сравнительно, съ приличнымъ окладомъ; есть губерніи и

уѣзды съ ежемѣсячнымъ окладомъ въ 15 р. и менѣе. Но это, разумѣется, не оправданіе, — тамъ и учитель буквально умираетъ съ голоду, что указывалось газетными сообщеніями о смерти учительницы въ Новогородской губ. отъ „систематической голодовки". А сколько случаевъ, о которыхъ мы не освѣдомлены! Но допускаю, что учитель въ настоящемъ какъ-никакъ обезпеченъ. А что же дальше, какая перспектива открывается въ будущемъ, когда онъ отслужитъ срокъ и съ разрушеннымъ преждевременно здоровьемъ и съ наступающей неизбѣжною старостью будетъ принужденъ уступить мѣсто молодымъ силамъ?

И вотъ этотъ-то страшный призракъ безпріютной, необезпеченной старости не мало страшитъ учителя и заставляетъ опускать руки, терять бодрость—получается удрученность духа. И чувствуетъ старѣющій уже учитель себя какъ бы провинившимся, что не у мѣста онъ, чувствуетъ, что онъ занесенъ уже въ списокъ отжившихъ, ставшихъ на точку замерзанія, что скоро скажутъ ему: „пора бы вамъ и на покой!" Но гдѣ же этотъ покой, куда идти ему съ его мизерной пенсіей, а часто и безъ нея, такъ какъ не у всѣхъ хватитъ здоровья дотянуть 25 лѣтъ? Бываютъ случаи, что здоровье учителя надрывается на первыхъ же годахъ службы,—что же съ тѣми-то станется? Открываются богадѣльни для фабричныхъ, строются богадѣльни для крестьянъ, а вотъ для земскаго учителя-труженника ничего нѣтъ! И приходится отработавшимъ учителямъ и учительницамъ, отдавшимъ и молодость, и силу школѣ, коротать жизнь свою въ коечныхъ квартирахъ вмѣстѣ съ мастеровыми. Это, конечно, пока все единичные случаи, а теперь съ исполнившимся 25-лѣтіемъ земской школы эти случаи станутъ массовымъ явленіемъ, появится толпа отработавшихъ тружениковъ, ставшихъ, такъ сказать, за бортомъ общественной жизни. Это ли не причина непроизвольнаго охлажденія учителя къ своему дѣлу? Много за послѣднее время трактуютъ, даже и въ высшихъ сферахъ, о недостаточности вознагражденія учителя средней школы; правда, сдѣланы нѣкоторыя попытки и со стороны земствъ къ улучшенію быта земскихъ учителей, но никому и въ голову не приходитъ, что же будетъ съ учителемъ послѣ, куда же дѣнется онъ подъ старость?

Иногда приходится слышать, что „земство не богадѣльня". Нѣтъ, на мой взглядъ, если земство взяло силы, здоровье, оно должно быть учителю и богадѣльней!

Говоря объ учителѣ, я, конечно, обобщаю понятіе учитель и учительница, но, принимая во вниманіе доминирующее количество учительницъ въ земствахъ вообще, а въ нашемъ Московскомъ уѣздѣ почему-то въ особенности, я бы хотѣла сказать нѣсколько словъ исключительно

объ учительницѣ. Изъ докладовъ о личности учителя выяснилось, насколько безправенъ учитель вообще, а, на мой взглядъ, учительница безправнѣе даже и безправнаго учителя. Учитель, какъ мужчина, сильнѣе физически, а по неоспоримому положенію, что въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый духъ, то, слѣдовательно, учитель долженъ быть сильнѣе и душевно, да и шире ему дорога въ смыслѣ заработка. У женщины дорога уже: общественный трудъ ея на педагогическомъ поприщѣ при возникновеніи земской школы былъ ея первымъ и единственнымъ, слѣдовательно, прослуживши много лѣтъ учительницей и имѣющая въ рукахъ только единственный способъ заработка — она и можетъ оставаться только ею до конца, до изнеможенія. Поэтому мысль, что же будетъ со мной, если уволятъ, еще большимъ гнетомъ ложится на душу учительницы, какъ женщины.

Затѣмъ, возлагаются большія надежды на молодыя силы, что, конечно, и вполнѣ естественно. Большинство изъ насъ идутъ въ учительницы со школьной скамьи, не давая себѣ яснаго представленія, что онѣ будутъ дѣлать, какая серьезная, отвѣтственная обязанность лежитъ на народной учительницѣ? Спеціальныя наши школы, фабрикуя учителей и учительницъ, подготовляютъ насъ лишь къ механизму преподаванія, нисколько не знакомя съ тѣми серьезными нравственными обязанностями учителя, какъ воспитателя народа. А многому и очень многому приходится учиться, поступая въ учительницы. Есть многое, чего не вычитаешь изъ книжекъ, что черпается только изъ жизни! Также не рѣдко отравляется жизнь учительницъ причинами чисто-семейнаго свойства, возникающими на почвѣ совмѣстнаго сожительства въ одномъ училищѣ и отражающимися на общемъ успѣхѣ данной школы. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ, единственный исходъ—живое общеніе между учащими вообще въ уѣздѣ для разъясненія возникающихъ недоразумѣній между товарищами; порицаніе или одобреніе извѣстныхъ проступковъ цѣлой учительской корпораціей сослужили бы бо́льшую службу, чѣмъ жалобы начальству, его судъ и разбирательство, какъ теперь это принято; послѣдній способъ улаживанія нашихъ чисто-семейныхъ учительскихъ дѣлъ поведетъ къ окончательному духовному разъединенію сотоварищей, а нерѣдко даже и къ враждебнымъ отношеніямъ. Тогда прощай взаимное воспитательное воздѣйствіе учащихъ на учащихся!

И вотъ, мнѣ кажется, что установить такое живое постоянное общеніе между учащими можно путемъ съѣздовъ и общеобразовательныхъ курсовъ. Съѣзды дали бы возможность подѣлиться со стороны уже послужившихъ опытомъ практики, а со стороны молодыхъ—

новыми пріемами, и тѣмъ самымъ дали бы возможность взаимно облегчить трудное дѣло учителя и по возможности дольше поддержать бодрость духа молодыхъ силъ. Общеобразовательные же курсы пополнили бы пробѣлы въ нашемъ образованіи, подняли бы уровень нашего развитія и такимъ образомъ поставили бы насъ на надлежащій путь къ саморазвитію и на надлежащую высоту.

1) Итакъ—безправность, малая матеріальная обезпеченность учителя въ настоящемъ и его необезпеченность и безпріютность въ будущемъ служатъ не малымъ зломъ въ смыслѣ охлажденія его къ своему дѣлу.

2) Его недостаточность въ образованіи и разъединенность вредно отзываются на школьномъ дѣлѣ.

Чтобы избѣжать этого громаднаго и самаго важнаго зла, я бы съ своей стороны предложила членамъ съѣзда просить Земство: а) обратить должное вниманіе на все вышеизложенное и позаботиться о будущности учителя, обезпечивая приличной пенсіей, какъ выслужившихъ учителей, такъ и потерявшихъ преждевременно свое здоровье, и устраивая для нихъ дешевыя квартиры.

б) Просить Земство объ устройствѣ періодическихъ съѣздовъ и общеобразовательныхъ курсовъ.

Все это, конечно, подниметъ духъ учителя и возможно дольше сохранитъ въ немъ интересъ къ своему дѣлу, такъ необходимый въ его трудномъ дѣлѣ.

№ 31.

Къ 16 пункту программы съѣзда.

Учительницы А. В. Зиловой.

Я собственно хочу только обратить вниманіе на одинъ вопросъ въ п. 16, именно: *отчего учитель можетъ охладѣть къ своему дѣлу и какъ устранить это явленіе?*

Изъ всего прочитаннаго и сказаннаго на нашемъ съѣздѣ, благодаря откровенному взгляду господъ участвующихъ, современная народная школа во главѣ съ учителемъ представлена въ довольно мрачныхъ краскахъ. Я не буду, конечно, перечислять всѣхъ уже указанныхъ

недостатковъ нашей школы, потому что всѣ это уже хорошо знаютъ, но, благодаря всему сказанному и прочитанному, можно только перефразировать данный вопросъ: что же удерживаетъ учителя, при такой тяжелой постановкѣ дѣла, въ школѣ? Мнѣ могутъ отвѣтить: кусокъ хлѣба, заработокъ. Но вѣдь теперь уже есть такъ много учрежденій, куда допускаются даже женщины служить, слѣдовательно, не это главное, что удерживаетъ учителей и учительницъ на своихъ мѣстахъ. Нѣтъ, по-моему, удерживаетъ, а также и заставляетъ искать эти мѣста людей, первое, это любовь къ ребятамъ, второе—любовь къ дѣлу, и третье—вѣра, глубокая вѣра, что рано или поздно все нехорошее, все ненормальное въ школѣ отойдетъ въ область прошедшаго и школа сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она должна быть. И все это можетъ быть только тогда, кагда учителя будутъ представлять *одно цѣлое*, когда они будутъ *сознавать полную солидарность между товарищами*, тогда, когда они каждый самъ въ себѣ воспитаетъ и сознаетъ важность этой солидарности. Эта солидарность, эта сплоченность, эта сильная вѣра въ наше правое дѣло и будетъ той гарантіей для проведенія въ школѣ всѣхъ тѣхъ хорошихъ начинаній, которыя были затронуты въ предыдущихъ докладахъ; а также для завоеванія нашего гражданства въ правовомъ положеніи.

Вѣра, глубокая вѣра и сознаніе всего этого, серьезная любовь къ дѣтямъ никогда не заставятъ учителя охладѣть къ своему дѣлу. Разъ есть хоть искра любви и вѣры, то учитель, даже разстройвшій свое здоровье на этой должности, состарѣвшись на ней, никогда *не охладѣетъ къ своему дѣлу;* онъ только уже *физически* не можетъ служить дѣлу, но это не есть охлажденіе. Разъ есть солидарность между учителями, и такимъ учителямъ идутъ на помощь молодыя силы; и эти молодыя, физически здоровыя силы, съ искрой любви и вѣры въ свое дѣло, помогутъ сдѣлать то, чего мы всѣ такъ сильно добиваемся: помогутъ поставить школу во главѣ съ учителемъ въ тѣ нормальныя условія, въ которыхъ она должна стоять, передадутъ свою любовь и вѣру другимъ и тогда *вопросу объ охлажденіи къ своему дѣлу* мѣста не будетъ.

Учитель не можетъ охладѣть къ школѣ, разъ у него есть любовь и вѣра въ учительское дѣло.

№ 32.

О народныхъ чтеніяхъ. Участіе въ нихъ учащихъ.

Докладъ учительницы М. К. Черногубовой.

При современныхъ условіяхъ начальная школа въ Россіи въ значительномъ большинствѣ случаевъ оказываетъ свое просвѣтительное вліяніе на крестьянское населеніе только въ самомъ юномъ возрастѣ. Конечно, случается, что окончившіе курсъ обученія (часто въ возрастѣ 11, 12, 13 лѣтъ) поддерживаютъ затѣмъ связь съ учительскимъ персоналомъ тѣмъ, что прибѣгаютъ за книгой въ школьную библіотеку. Тѣ школы, при которыхъ существуютъ болѣе или менѣе порядочныя библіотеки, въ этомъ отношеніи находятся въ лучшемъ положеніи,—онѣ продолжаютъ свою просвѣтительную миссію и по выпускѣ своихъ воспитанниковъ изъ стѣнъ заведенія. Однако, и здѣсь связь въ громадномъ большинствѣ случаевъ скоро начинаетъ слабѣть и слабѣть. Съ одной стороны, недостаточное количество книгъ въ библіотекѣ перестаетъ уже удовлетворять любознательныхъ юношей, успѣвшихъ перечитать имѣющіяся въ школьной библіотекѣ книги, съ другой стороны, сильное воздѣйствіе некультурной среды, въ которую попадаютъ окончившіе курсъ народной школы подростки,—проявляется все болѣе и болѣе въ неблагопріятномъ направленіи. Учитель народной школы оказывается въ печальномъ положеніи: многолѣтніе тяжкіе труды его приносятъ крайне скудные плоды. Невольно приходится труженику на нивѣ народнаго просвѣщенія остановиться передъ вопросомъ: какимъ же способомъ обезпечить себѣ лучшій успѣхъ? Какимъ способомъ повліять на взрослое населеніе, какими мѣрами продлить свое вліяніе надъ бывшими воспитанниками по вступленіи послѣднихъ на жизненное поприще, возбудить и поддержать въ нихъ интересъ къ чтенію? Казалось бы, наилучшими средствами въ данномъ случаѣ является устройство народныхъ чтеній. Хорошее чтеніе хорошей книжки или статьи, особенно сопровождаемое соотвѣтствующими объясненіями и иллюстраціями при посредствѣ волшебнаго фонаря, способно произвести сильное впечатлѣніе и на взрослыхъ людей (даже неграмотныхъ). Если при этомъ предположить возможность свободнаго выбора матеріала для чтенія, то успѣхъ чтеній и образовательное значеніе ихъ какъ для взрослаго, такъ и для подростающаго населенія, представится внѣ всякаго сомнѣнія. Однако,

дѣйствительность далеко не оправдываетъ надеждъ, возлагаемыхъ на публичныя народныя чтенія (особенно на чтенія, ведущіяся при школахъ учащими въ нихъ). Въ чемъ же кроется причина самаго успѣха публичныхъ народныхъ чтеній? Какія слѣдуетъ принять мѣры? Мнѣ кажется, неошибочно будетъ указать на двѣ существенныя причины, вліяющія на успѣхъ чтенія.

I. Прежде всего слѣдуетъ сказать о матеріалѣ для чтенія.

Наибольшій успѣхъ, какъ въ смыслѣ силы впечатлѣнія, такъ и въ образовательномъ отношеніи могутъ имѣть лишь систематическія чтенія. Между тѣмъ что же изъ себя представляютъ всѣ разрѣшенныя для публичныхъ чтеній брошюры? Составить изъ нихъ что-либо цѣльное нѣтъ никакой возможности. Кромѣ того многія изъ нихъ сухо, неинтересно изложены и не приспособлены для публичнаго чтенія, касаются неинтересныхъ предметовъ и притомъ нерѣдко въ непонятной формѣ. Всѣхъ разрѣшенныхъ для публичныхъ чтеній брошюръ крайне недостаточно; очень и очень многія выдающіяся произведенія великихъ писателей, вполнѣ доступныя для пониманія крестьянъ, отсутствуютъ въ ряду избранныхъ. Пополненіе же списка разрѣшенныхъ брошюръ происходитъ рѣдко и медленно. Все это отзывается на успѣхѣ чтеній и въ особенности тамъ, гдѣ они лучше прививаются и гдѣ больше интереса къ нимъ.

Посѣщающій усердно чтенія быстро знакомится со всѣми наиболѣе интересными брошюрами и, за отсутствіемъ новыхъ, теряетъ всякое желаніе къ дальнѣйшему посѣщенію чтеній. Намъ случалось слышать отъ народа такія заявленія: „Что намъ дѣлать на чтеніи? одно и то же читаютъ каждый годъ“.

Слѣдуетъ допускать для чтеній матеріалъ изъ всѣхъ дозволенныхъ цензурою произведеній. Такое разрѣшеніе учебнаго начальства и Земства было бы встрѣчено всѣми лицами, сочувствующими устройству народныхъ чтеній, съ большимъ восторгомъ.

Нашему съѣзду слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ присутствующимъ представителямъ учебнаго вѣдомства—г. Директору, и Земства—Н. Ф. Рихтеру—войти съ надлежащимъ ходатайствомъ о дополненіи списка разрѣшенныхъ для чтеній произведеній тѣми, которыя одобрятъ лица, ведущія чтенія. Составить списокъ этихъ произведеній можно на особомъ совѣщаніи, хотя бы въ разрѣшенной при съѣздѣ коммиссіи.

II. Другимъ необходимымъ условіемъ успѣха народныхъ чтеній является хорошая и правильная постановка ихъ. Въ настоящее время чтенія ведутся самими учителями въ помѣщеніяхъ школъ. Если обратить вниманіе на то, что земскій учитель въ теченіе учебнаго года

обремененъ обычной текущей работой по преподаванію въ школѣ, и на него еще возлагается забота по чтенію: надо выбрать и пріобрѣсть брошюры и картины, подготовить помѣщеніе къ чтенію, самому хорошенько просмотрѣть брошюры и проч., то ясно станетъ—насколько трудно бываетъ учителю посвящать свой единственный свободный день въ недѣлѣ (чтеніе большею частью производится въ воскресенье) не отдыху и саморазвитію, а публичному чтенію при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: учителю приходится читать въ душномъ помѣщеніи для массы народа. Какъ все это дѣйствуетъ на нервы! Такимъ образомъ веденіе чтеній исключительно учительскимъ персоналомъ (особенно при школахъ съ однимъ учителемъ) неизбѣжно должно отзываться на успѣхѣ самаго чтенія или на силахъ самого учителя. И то и другое не желательно. Помочь дѣлу могло бы Земство ходатайствомъ о допущеніи на чтеніе особыхъ лицъ—любителей-чтецовъ, интересующихся народными чтеніями и желающихъ принять въ нихъ участіе.

Помимо облегченія труда учащихъ, предполагаемая мѣра могла бы повести также и къ улучшенію организаціи и постановки чтеній; при такихъ условіяхъ легче было бы осуществить систему и чтенія могли бы вестись живѣе, чаще, интереснѣе. Система чтеній для каждой школы, по соображенію съ матеріаломъ для чтенія и имѣющимися картинами, могла бы устанавливаться въ началѣ каждаго года по совѣщанію Управы съ учительскимъ персоналомъ.

Эти два вопроса—выборъ книгъ изъ числа разрѣшенныхъ цензурою и допущеніе лицъ, не принадлежащихъ къ учительскому персоналу данной мѣстности—являются существенными въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній.

Остальные второстепенные вопросы я предложила бы на разсмотрѣніе г. г. членовъ съѣзда и прошу дополнить вопросами, пропущенными мною въ докладѣ. Вопросы эти слѣдующіе: 1) Кто ведетъ чтеніе? 2). Въ какое время учителя назначаютъ чтенія? 3). Сколько времени продолжается чтеніе? Бываютъ ли перерывы? 4). Какое количество слушателей учителя признаютъ нормальнымъ для правильнаго веденія чтеній? 5). Слѣдуетъ ли отдѣлять при чтеніи взрослыхъ отъ дѣтей? 6). Провѣряетъ ли учитель впечатлѣніе слушателей? 7). Какія чтенія наиболѣе интересуютъ взрослыхъ. 8). Имѣется ли собственный фонарь и гдѣ учитель достаетъ картины?

На всѣ эти вопросы я, какъ членъ съѣзда, постараюсь дать нижеслѣдующіе отвѣты о томъ, какъ ведется чтеніе въ ввѣренномъ мнѣ училищѣ, съ указаніемъ на ненормальность веденія.

а). Чтенія ведутся мною, законоучителемъ и мѣстнымъ докторомъ,

б). Чтеніе въ ввѣренномъ мнѣ училищѣ производится по праздничнымъ днямъ, преимущественно въ воскресенье, отъ 5 и 6 ч. вечера; такое позднее время назначается отчасти по недостатку приспособленій для дневнаго чтенія, отчасти по просьбѣ доктора, который ранѣе 6 ч. вечера не можетъ участвовать на чтеніи.

в). О чтеніи наканунѣ объявляется ученикамъ, а въ самый день чтенія вывѣшивается объявленіе у церкви и школы, съ извѣщеніемъ о содержаніи чтенія и чтецахъ; такое объявленіе вывѣшивается по просьбѣ крестьянъ. Чтеніе продолжается $1^1/_2$ и 2 ч. съ перерывами по 5 минутъ.

г). Слушателей на чтеніи бываетъ иногда свыше 150 человѣкъ, но нормальнымъ количествомъ для моей школы, выстроенной на 120 челов., я считаю 60 челов. взрослыхъ. Мы всегда увлекаемся и допускаемъ тѣсноту въ помѣщеніи, слѣдуетъ пускать меньшее количество слушателей, но доставлять имъ всевозможныя удобства въ смыслѣ раздѣвальни, мѣстъ для сидѣнія и воздуха.

д). На чтеніяхъ присутствуютъ дѣти, которыя всегда нарушаютъ тишину; слѣдуетъ для дѣтей устраивать отдѣльныя чтенія.

е). Впечатлѣнія мною провѣряются слѣдующимъ образомъ: если книга была интересна для слушателей, то обыкновенно сами слушатели тотчасъ по прочтеніи книги благодарятъ читающаго и просятъ книгу на домъ. Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми слушателями я также узнаю о ихъ впечатлѣніяхъ.

ж). Мною замѣчено, что взрослые наиболѣе интересуются слѣдующими чтеніями:

Житія святыхъ, отличившихся какимъ-нибудь подвигомъ или участіемъ своимъ къ народу, какъ-то: Жит. св. Ник. Чуд., Св. Сергія, Алек. Бож. чел., Стеф. Перс., Маріи Егип. и др.

Изъ литератур. произведеній наиболѣе сильное впечатлѣніе производитъ чтеніе книгъ, содержащихъ бытовые разсказы, какъ напр.: „Старикъ Никита и его три дочери“ или историческіе: „Полтава“, „Князь Серебряный“ и др. Книги географическаго и естественноистор. содержанія интересуютъ подростковъ, окончившихъ курсъ въ школѣ.

з). При ввѣренномъ мнѣ училищѣ имѣется фонарь, собственныхъ картинъ до 40. Картины для чтенія я доставала изъ Мос. Уѣз. Зем. Упр. и изъ Раменскаго фабричнаго училища, въ которомъ имѣется до 3000 картинъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мною я вывожу, что

I. Чтеніе народное имѣетъ громадное значеніе для просвѣщенія народа и вліянія на бывшихъ учениковъ школы.

II. Чтенія народныя не будутъ имѣть надлежащаго успѣха, если не будутъ разрѣшены для чтенія всѣ книги, дозволенныя цензурою, и не будутъ приглашены лица, не принадлежащія къ учительскому персоналу даннаго училища, а потому:

1). Слѣдуетъ просить высокоуважаемыхъ нашихъ представителей г. г. Директора и Н. Ф. Рихтера ходатайствовать о разрѣшеніи дополненія списка тѣми произведеніями, которыя разрѣшены цензурою, и о допущеніи на чтенія постороннихъ лицъ, интересующихся народными чтеніемъ.

2). Слѣдуетъ обратить вниманіе на устраненіе второстепенныхъ причинъ, мѣшающихъ успѣху чтенія, какъ-то: 1) не слѣдуетъ утомлять продолжительностью чтенія вниманія слушателей; 2) не допускать большое количество слушателей, производящихъ тѣсноту въ помѣщеніи и безпорядокъ; 3) слѣдуетъ отдѣлять при чтеніи дѣтей отъ взрослыхъ, всегда мѣшающихъ порядку чтенія.

Въ заключеніе своего доклада я желаю предложить г.г. членамъ съѣзда, помимо чтеній съ туманными картинами, тамъ, гдѣ это возможно, организовать литературныя утра, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ г. Орлѣ, въ нѣкоторыхъ школахъ Екатерин. губ. и пр. Литературныя утра посвящаются памяти какого-нибудь писателя и ведутся слѣдующимъ образомъ. Посвящается утро памяти Пушкина и участвующіе исполняютъ пѣніе стиховъ Пушкина, чтеніе его произведеній, исполняютъ музыкальные мотивы на какомъ-нибудь инструментѣ. Конечно, такое устройство возможно тамъ, гдѣ найдутся любители изъ интеллигенціи, хотяу частвовать могутъ и ученики школы, напр. въ чтеніи стиховъ или хоровомъ пѣніи.

Успѣхъ этихъ утръ громадный: помимо интереса и оживленія, слушатели знакомятся съ русскими писателями и пріобрѣтаютъ интересъ къ чтенію его произведеній. Это благородное развлеченіе могло бы вытѣснить стремленіе крестьянъ къ питейнымъ заведеніямъ и послужить связью учителя съ населеніемъ.

2007097267